

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

50
ЧАСТЬ V
2025

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 50 (601) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Иванович Пирогов* (1810–1881), русский врач-хирург.

Родился Николай Иванович в Москве, в семье военного казначея, майора Ивана Ивановича Пирогова и Елизаветы Ивановны Новиковой, которая происходила из старой московской купеческой семьи. Когда мальчику исполнилось тринадцать лет, материальное положение семьи резко пошатнулось, и сложно сказать, как сложилась бы судьба Николая, если бы не его знакомство с известным врачом, профессором Ефремом Мухиным, который бывал в семье Пироговых. Мухина Николай Иванович называл своим духовным отцом. Тот не только раскрыл в мальчике интерес к медицине, но и принял участие в судьбе Николая. Обедневшему семейству профессор помогал материально, а Коле оказывал поддержку при подготовке ко вступительным экзаменам на медицинский факультет Императорского Московского университета.

В 1828 году Николай Иванович был зачислен в Дерптский университет, где готовили будущих профессоров. Это время было не самым благоприятным для развития медицины. В народе все чаще звучали требования прекратить «богомерзкое употребление» людей. А в учебных заведениях демонстрация проводилась на различных макетах и совершенно посторонних предметах (например, преподаватель демонстрировал сокращение мышц, подергивая платок).

Однако революцию во врачебной науке совершил именно Пирогов. После защиты докторской диссертации и двухлетней учебы в Берлине он получил право выбрать российский университет, где мог бы получить профессорскую кафедру.

Свой выбор Николай Иванович остановил на Московском университете. Но по дороге на родину он тяжело заболел и надолго задержался в Риге. В итоге кафедра была занята, а Пирогов стал профессором при Дерптском университете.

Спустя несколько лет он был приглашен в Петербург. Здесь, в Императорской медико-хирургической академии, он занимался подготовкой военных хирургов. Понимая несовершенство многих методов, Пирогов начал искать новые пути спасения раненых.

Благодаря Николаю Ивановичу появились усовершенствованные или совершенно новые приемы, многие из которых используются врачами по сей день. Пирогов решил пойти против протестов публики и начал проводить показательные обучающие операции и исследования на замороженных трупах. Такой метод получил название топографической анатомии, которую также называли «ледяной анатомией».

В 1847 году, направившись в действующую армию на Кавказ, Пирогов на практике доказал эффективность своих новых методов. Здесь он впервые использовал перевязку накрахмленными бинтами, что оказалось куда более эффективным, нежели использование обычной марли и лубков. В полевых условиях Николай Пирогов

впервые провел операцию с применением эфирного наркоза, что произвело переворот в хирургии.

Уже во время Крымской войны Пирогов стал использовать гипсовую повязку. Это было новшеством, такой метод давал куда больше шансов избежать ампутации конечностей. Пирогов вообще к ампутации прибегал лишь в крайних случаях.

Тогда же Николай Иванович обратил внимание на важность женской работы в медицине. Медсестры, служившие под его началом, были распределены на несколько категорий, что тоже повышало эффективность их работы. Именно «сортировка» медицинского персонала и раненых, созданная Пироговым, заложила основы современной лечебно-эвакуационной службы в армии.

Успехи и достижения Николая Ивановича очень скоро принесли ему большую известность. Но личная жизнь великого человека оказалась непростой. В начале 1840-х годов он решился сделать предложение Екатерине Мойер, дочери своего давнего знакомого Ивана Мойера. Но, отправив письмо ее отцу и бабушке, он получил вежливый отказ.

На втором году жизни в Петербурге доктор Пирогов тяжело заболел. Теперь он особенно остро ощущал свое одиночество и старался найти ту, которая могла бы скрасить его жизнь. После выздоровления Пирогов посватался к Екатерине Березиной, подруге детства Катеньки Мойер. Та ответила согласием, и в 1842 году состоялось скромное венчание. В этом браке родилось двое сыновей. Увы, рождение второго ребенка стоило Екатерине Дмитриевне жизни.

Тяжело переживая свою потерю, Пирогов встретил женщину, которая не меньше, чем он, страдала от душевного одиночества. Это была баронесса Александра фон Бистром, немка, принявшая православие. Вскоре после знакомства он сделал ей предложение, и его избранница ответила согласием. Именно вторая супруга стала верным другом, соратницей и помощницей Пирогова.

В 1881 году Николая Пирогова стали беспокоить боли в нёбе. После осмотра у коллег он получил неутешительный диагноз, о котором уже и сам догадывался — рак верхней челюсти. Он принял свою судьбу спокойно и хладнокровно. В декабре того же года Николая Ивановича не стало.

В черте города Винницы, в селе Пирогово, находится музей-усадьба Н. И. Пирогова, в километре от которой располагается церковь-усыпальница, где покоятся забальзамированное тело выдающегося хирурга.

Памятники Пирогову установлены в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Виннице, Днепропетровске, Павлограде, Тарту. Его имя присвоено Российскому национальному исследовательскому медицинскому университету. В 2018 году в Петербурге на базе Военно-медицинского музея был открыт музей Н. И. Пирогова.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Белозерцева М. В., Южиков А. А., Токарев А. В.	
Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемы и перспективы правоприменительной практики	295
Белозерцева М. В.	
Гражданко-правовая ответственность онлайн-агрегаторов за действия пользователей: от информационного посредничества к публичным обязанностям ...	297
Бушукина А. А.	
К вопросу о субъективной стороне умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества	300
Валуйская А. В.	
История развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за кражу	302
Витевская В. С.	
Правовое регулирование и правоприменительная практика производства по дисциплинарным делам в органах Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования.....	304
Волков З. Р.	
Меры профилактики преступности несовершеннолетних и молодёжи	307
Волобаева В. Е.	
Административно-правовая ответственность за дискриминацию инвалидов: анализ эффективности статьи 5.62 КоАП РФ и пути создания работающего механизма	309
Вырышев М. Д.	
К вопросу о защите жилищных прав добросовестных приобретателей квартиры по искам публично-правовых образований о виндикации	311
Горшкова А. А.	
К вопросу о совершенствовании норм об ученическом договоре.....	313
Долженкова О. С.	
Международно-правовое сотрудничество России и Турции в сфере охраны окружающей среды Черного моря	315
Дудиловская И. В., Дудиловская М. А.	
Актуальные проблемы при организации контрольных (надзорных) и профилактических мероприятий и возбуждении дел об административных правонарушениях при осуществлении государственного экологического контроля (надзора).....	318
Иванова К. С.	
Задержание подозреваемых при расследовании незаконного сбыта наркотических средств: правовые основания и тактика следственных действий.....	320
Исакова Ю. В.	
Венчурный капитал как инвестиционный ресурс: нормативно-правовое регулирование	322
Казанова С. А.	
Презумпция невиновности в уголовном процессе Российской Федерации: содержание и проблемы реализации	324
Калачёва А. И.	
Проблемы реализации функции защиты на досудебных стадиях уголовного процесса и пути их решения	327
Карпенко М. Д.	
Проблемы ответственности за множественность административных правонарушений в Российской Федерации и пути их решения.....	329
Киракосян А. А.	
Зоны с особым использованием территорий... ..	331
Кириленко Н. Е.	
Перспективы развития законодательства в сфере правового регулирования административных правонарушений.....	333

Кириленко Н. Е.	Козьмовская Е. А.
Перспективы развития административной ответственности в сфере цифровизации 336	Проблемы правоприменительной практики в сфере охраны окружающей среды Арктической зоны 350
Клинкова Е. Н.	Колокольников М. В.
Порядок осуществления исправительного воздействия на условно осужденных 338	Актуальные проблемы взаимодействия органов прокуратуры с гражданами 352
Коваленко А. В.	Королева М. А.
Проблемы определения вины и крайней необходимости в делах о правонарушениях против порядка воинского учета 340	История становления процессуального статуса прокурора 354
Коваленко А. В.	Котова О. П.
Полномочия военных комиссариатов, органов внутренних дел и иных субъектов по составлению протоколов и рассмотрению дел 344	Налогообложение криптовалюты в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия 357
Кожарская К. О., Струков А. В.	Котова Е. С.
Состояние законности в сфере государственных (муниципальных) закупок... 348	Оспаривание сделок должника как инструмент или оружие: как отличить доброповестность от злоупотребления правом 359

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемы и перспективы правоприменительной практики

Белозерцева Мария Витальевна, студент;
Южиков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент;
Токарев Александр Владимирович, студент
Астраханский государственный технический университет

В условиях современных информационных вызовов законодательство многих стран развивается в сторону ужесточения ответственности за распространение недостоверных сведений, особенно в сфере обороны и безопасности. Российский законодатель не стал исключением, оперативно введя в марте 2022 года блок новых норм. Среди них ст. 207.3 УК РФ, установившая уголовную ответственность за «публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации», выделяется беспрецедентно строгими санкциями — до 15 лет лишения свободы.

Изначально воспринятая как оперативный ответ на вызовы времени, норма за три года активного применения породила серьезные дискуссии в профессиональном сообществе. Критике подвергаются неопределенность ключевых признаков состава, риск смешения уголовной ответственности с политической критикой, а также вопросы соизмерности наказания.

Статья 207.3 была введена Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) введена уголовная ответственность за «публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях» одновременно со ст. 280.3 (дискредитация ВС РФ) и ст. 284.2 УК РФ (призывы к санкциям). Однако ее правовая природа и последствия принципиально отличаются [2].

Во-первых, в отличие от ст. 280.3 УК РФ, для привлечения по которой требуется предварительное административное наказание (административная преюдиция), ст. 207.3 УК РФ допускает уголовное преследование с первого нарушения. Во-вторых, санкции по ст. 207.3 УК РФ являются наиболее суровыми: часть 2 (с отягчающими признаками) предусматривает до 10 лет лишения свободы (тяжкое преступление), а часть 3 (при наступлении тяжких последствий) — до 15 лет (особо тяжкое преступление) [4].

Важно отметить, что изначально статья касалась только информации об использовании ВС РФ, но уже 25 марта 2022 года ее диспозиция была расширена и стала включать также сведения об исполнении государственными органами России своих полномочий за пределами страны. Это расширило потенциальный предмет преступления.

Следует также отметить, что уголовная ответственность наступает только в том случае, если указанные действия совершены в определенной обстановке — публичной.

Публичность толкуется правоприменителем широко, охватывая любые способы доведения информации до неопределенного круга лиц. В первую очередь это касается размещения сведений в социальных сетях, мессенджерах и блогах. А также с использованием технических средств (через «информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сеть Интернет, зачастую посредством мессенджеров». Частная переписка или сообщение конкретному лицу под этот признак не подпадают).

«Заведомая ложность» — центральный и наиболее проблемный признак. Теоретически он требует доказать, что лицо достоверно знало о несоответствии распространяемой информации действительности. Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, на практике следствие и суды часто ограничиваются установлением самого факта несоответствия сведений официальной позиции государственных органов (прежде всего, Минобороны России). Такой подход фактически подменяет

няет субъективный признак «заведомости» объективной констатацией «ложности», что противоречит принципам вины и презумпции невиновности. Добросовестное за-блуждение или распространение информации из альтернативных, но кажущихся credible источников, при такой логике не исключает ответственности [5].

Как известно, состав предполагает прямой умысел. Однако описанная выше практика доказывания «заведомости» стирает грань между умышленной дезинформацией и критическим высказыванием. Закон требует, чтобы ложные сведения распространялись под видом достоверных. В теории это должно отделять утверждение фактов от выражения мнения. На деле же, как показывает анализ дел, суды зачастую не проводят этого различия, рассматривая любое высказывание, расходящееся с официальной линией, как утверждение ложного факта. Это превращает норму в инструмент, потенциально карающий за инакомыслие.

Динамика применения ст. 207.3 УК РФ свидетельствует о ее активном использовании. Если в 2023 году по ней были осуждены 65 человек, то в 2024 году — уже 90. По данным Судебного департамента при ВС РФ, только за 2024 год суды вынесли 82 приговора по этой статье. Из осужденных 62 человека получили реальные сроки лишения свободы, чаще всего от 5 до 8 лет, а общая сумма назначенных штрафов составила 7,75 млн рублей.

К примеру, дело А. Бахтина. Гражданин был осужден за размещение в интернете материалов, признанных заведомо ложными и распространяемыми по мотивам политической ненависти. Приговором Мытищинского городского суда он получил 5 лет лишения свободы по каждому эпизоду, а по совокупности — 6 лет колонии общего режима. Кассационный суд оставил приговор без изменения. Дело иллюстрирует типичную квалификацию действий в сети как публичных и применение квалифицирующего признака «по мотивам ненависти».

Также, дело А. Горинова. Бывший муниципальный депутат стал первым, кто получил реальный срок (7 лет колонии) по ст. 207.3 УК РФ за выступление на заседании совета депутатов, в котором он критически высказался о специальной военной операции. Его дело является показательным примером того, как высказывание, содержащее оценку и расходящееся с официальной позицией, было квалифицировано как распространение заведомо ложной информации. Именно Горинов в 2025 году подал первую жалобу в Конституционный Суд РФ на эту норму, утверждая, что она нарушает свободу слова и служит подавлению критики.

Еще одним примером служит массив дел по «мотиву ненависти». Аналитический центр «Сова» фиксирует многочисленные приговоры по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, где отягчающим обстоятельством указаны мотивы политической или идеологической ненависти. В качестве примеров приводятся дела Таулана Кипкеева (критическое видео на Красной площади), Алексея Норина (посты о событиях в Буче и Мариуполе) и другие. Во многих случаях

мотив ненависти усматривается судами автоматически, из самого факта критики действий армии или государственных органов [7].

Жалоба Алексея Горинова в Конституционный Суд актуализировала дискуссию о соответствии ст. 207.3 УК РФ Основному закону. Основные аргументы заявителя сводятся к следующему:

1. Норма нарушает свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ), так как используется для преследования за антивоенные взгляды и критику.

2. Она создает ситуацию, при которой единственным допустимым источником информации становится государство, что, по мнению заявителя, противоречит запрету на установление обязательной государственной идеологии (ст. 13 Конституции РФ).

3. Нарушается гарантия депутатского иммунитета для муниципальных депутатов, которые фактически преследуются за высказывания, сделанные в ходе исполнения полномочий.

В поддержку своей позиции заявитель ссылается даже на заключение Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, которая в 2023 году признала его лишение свободы по ст. 207.3 УК РФ нарушением права на свободу мнений. Хотя КС РФ ранее признал правомерным ограничение критики армии в рамках административного права (ст. 20.3.3 КоАП РФ), проверка непосредственно уголовной нормы о «фейках» является новой.

Накопленные проблемы правоприменения ст. 207.3 УК РФ указывают на необходимость ее корректировки. Возможные пути могут включать:

1. Принятие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Это ключевая мера, которая могла бы унифицировать практику. В разъяснениях необходимо четко определить процедуру и критерии установления «заведомости», сместив акцент с формального несоответствия на доказывание осведомленности лица о ложности. Также требуется дать четкие критерии разграничения утверждения факта и выражения оценочного мнения.

2. Введение административной преюдиции для части 1 ст. 207.3 УК РФ. По аналогии со ст. 280.3 УК РФ, это позволило бы применять уголовную репрессию не с первого нарушения, а лишь к лицам, продолжающим распространение ложной информации после административного взыскания. Это соответствовало бы принципу экономии уголовной репрессии.

3. Законодательное уточнение диспозиции. Для повышения правовой определенности можно было бы более детально прописать в законе признаки, исключающие «заведомость» (например, ссылка на определенные публичные источники), или дифференцировать ответственность в зависимости от масштаба и последствий дезинформации.

Статья 207.3 УК РФ, созданная как быстрый ответ на вызовы информационной войны, за три года превратилась в одну из самых часто применяемых и дискуссионных норм уголовного закона. Проведенный анализ показы-

вает, что ее основная проблема кроется не в цели защиты государственной безопасности, которая сама по себе может быть легитимной, а в чрезмерно широкой и расплывчатой конструкции. Это приводит к правоприменительной практике, в которой доминирует формальный подход, стирается грань между наказуемой дезинформацией и политической критикой, а принцип вины отходит на второй план.

Нарастающая судебная статистика и появление конституционной жалобы свидетельствуют о системном характере проблемы. Для восстановления баланса между защитой государственных интересов и фундаментальными правами человека необходима скорейшая корректировка подхода, и наиболее реалистичным и эффективным первым шагом видится принятие детализированных руководящих разъяснений Верховного Суда РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203040024> (дата обращения: 11.12.2025).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Верина, А. И. Чучаева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 542 с. — ISBN 978-5-534-XXXXX-X.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. — 18-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 1136 с.
6. Бойко, А. И. Преступления против общественной безопасности: новеллы законодательства и проблемы квалификации / А. И. Бойко // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 5. — С. 45–52.
7. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.12.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 3.
8. Приговор Хостинского районного суда г. Сочи от 12.03.2025 по делу № 1-15/2025 (в отношении Щуся А. А.). — Режим доступа: <https://sudact.ru/>
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.11.2024 № 78-УД24-10-К9. — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Гражданско-правовая ответственность онлайн-агрегаторов за действия пользователей: от информационного посредничества к публичным обязанностям

Белозерцева Мария Витальевна, студент

Научный руководитель: Иванова Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Астраханский государственный технический университет

Формирование цифровой экономики привело к появлению новых центральных субъектов — онлайн-агрегаторов (маркетплейсов, сервисных платформ, площадок каршеринга и фуд-тех). Эти платформы, сводя потребителей и исполнителей, формируют рынки, устанавливают правила взаимодействия и контролируют ключевые параметры сделок. Однако их правовой статус в российской цивилистике остается неопределенным, что порождает ключевую проблему: по какому основанию и в каких пределах оператор агрегатора должен нести ответственность перед

потребителем за убытки, причиненные действиями (бездействием) второго пользователя (продавца, исполнителя)?

Квалификация правоотношений является отправной точкой для определения ответственности. Операторы агрегаторов зачастую пытаются ограничить свою роль рамками договора возмездного оказания услуг по предоставлению платформы, апеллируя к статусу информационного посредника по смыслу ст. 1253.1 ГК РФ.

Однако данная квалификация не отражает реальную экономическую и функциональную роль крупных платформ.

Фактически оператор агрегатора выполняет функции, далеко выходящие за рамки пассивного посредничества:

– Организаторская функция: платформа структурирует рынок, определяет категории товаров/услуг, формулирует обязательные для всех правила взаимодействия.

– Гарантийно-фидуциарная функция: внедрение программ «безопасной сделки», систем escrow-расчетов, а также формирование репутационных механизмов (рейтинги, отзывы) создает у потребителя обоснованное ожидание защиты и достоверности информации.

– Контрольно-распорядительная функция: платформа осуществляет модерацию контента, проверяет продавцов (в различной степени), применяет санкции, а зачастую и непосредственно контролирует прием платежей.

Таким образом, оператор крупной цифровой платформы выступает не просто поставщиком инфраструктуры, а организатором цифрового рынка. Эта квалификация сближает его со статусом организатора торгов (ст. 447 ГК РФ) или оператора электронной площадки, что предполагает более высокую степень ответственности за порядок и добросовестность на организованном им виртуальном пространстве.

В условиях отсутствия прямых норм в доктрине и практике сформировались несколько подходов к обоснованию ответственности. С одной стороны, применяется деликтный подход (внедоговорная ответственность), в рамках которого потребитель может требовать возмещения убытков от оператора как лица, создавшего условия для причинения вреда (ст. 1064 ГК РФ). Основанием может служить виновное неисполнение оператором обязанности по обеспечению разумной безопасности оборота на своей платформе (*culpa in vigilando*). Например, непринятие мер по удалению заведомо мошеннического объявления после получения жалобы. Взыскание также может быть основано на неосновательном обогащении (гл. 60 ГК РФ), если оператор получил комиссию со сделки, которая не была исполнена из-за действий недобросовестного пользователя.

С другой стороны, более предпочтительным представляется договорный подход, который устанавливает прямую правовую связь между потребителем и оператором. В его рамках можно выделить несколько возможных конструкций:

– Конструкция договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ). Публичная оферта (правила платформы), принимаемая оператором и продавцом, может рассматриваться как договор, из которого потребитель (третье лицо) вправе требовать надлежащего исполнения. Действия оператора по созданию системы гарантий и проверок можно расценивать как публичное обещание обеспечить определенный стандарт безопасности.

– Конструкция смешанного договора (ст. 421 ГК РФ). Отношения потребителя с агрегатором, возникающие в момент использования платформы для поиска и выбора контрагента, могут квалифицироваться как смешанный договор, содержащий элементы договора на ор-

ганизацию, агентского договора (по подбору контрагента) и предварительного договора. Ненадлежащее исполнение организационных обязанностей влечет ответственность оператора.

– Ответственность за небрежный выбор контрагента (*culpa in eligendo*). В случаях, когда платформа активно продвигает, рекомендует или выделяет в поисковой выдаче конкретного исполнителя, на нее может быть возложена обязанность по проявлению должной осмотрительности при таком «выборе» для потребителя.

Судебная практика по данному вопросу остается неоднородной, однако прослеживается тенденция к отказу от автоматического освобождения агрегаторов от ответственности по формальному признаку отнесения их к информационным посредникам. Суды все чаще исследуют фактическую степень вмешательства и контроля оператора над сделкой (например, осуществлялся ли прием платежей, существовала ли программа защиты покупателя).

Качественно новый этап связан с принятием Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики». Закон вводит базовые понятия («цифровая платформа», «оператор», «партнер»), но главное — закрепляет за операторами ряд публично-правовых обязанностей, которые напрямую влияют на гражданско-правовой статус. К ним относятся:

– Обязанность обеспечивать равный и свободный доступ.

– Обязанность раскрывать правила и принципы ранжирования.

– Обязанность обеспечивать досудебное урегулирование споров.

– Требования к содержанию договора с партнером (продавцом), включая меры ответственности.

Хотя закон напрямую не устанавливает гражданско-правовую ответственность оператора перед потребителем, закрепление указанных обязанностей создает юридические основания для предъявления к нему требований в случае их неисполнения, если это повлекло причинение убытков потребителю. Закон де-факто признает особую, организующую роль платформ, выводя их за рамки простого посредничества.

Формирование современного правового режима ответственности операторов цифровых платформ носило поступательный характер, двигаясь от точечных поправок к созданию комплексного законодательного акта.

Первым шагом стало закрепление ответственности владельца агрегатора на уровне специального закона. Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ внос в Закон РФ «О защите прав потребителей» (ЗоЗПП) нормы, прямо регулирующие статус владельца агрегатора информации. Согласно п. 2.1 ст. 12 ЗоЗПП, владелец агрегатора несет ответственность перед потребителем за убытки, причиненные недостоверной или неполной информацией о товаре или продавце, на основе которой был заключен договор. При этом закон предусматривает важное ис-

ключение: если агрегатор не меняет информацию, предоставленную продавцом, он освобождается от ответственности. Данная норма, однако, оставляла открытыми вопросы ответственности за качество самого товара или услуги.

Следующим, переломным этапом стало появление в Гражданском кодексе РФ специального договорного института для маркетплейсов. Федеральный закон от 01.04.2020 № 99-ФЗ ввёл в главу 30 ГК РФ статью 490.3, детально регулирующую договор розничной купли-продажи, заключаемый с использованием маркетплейса. Эта норма впервые на уровне ГК РФ установила субсидиарную ответственность оператора электронной площадки (маркетплейса) перед покупателем. Ключевым условием такой ответственности стала невозможность идентифицировать продавца, что заставило платформы серьёзно подходить к проверке и раскрытию данных о контрагентах.

Параллельно развивалось отраслевое регулирование для отдельных сегментов, таких как агрегаторы такси и доставки, что также свидетельствовало о тенденции к расширению обязанностей и ответственности платформ за безопасность и достоверность предоставляемых услуг.

Наконец, качественно новым этапом стало принятие Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики». Этот закон, вступающий в силу с 1 октября 2025 года, призван установить единые системные правила для всех посреднических цифровых платформ. Он вводит базовые понятия («оператор платформы», «партнер», «пользователь») и закрепляет за операторами комплекс публично-правовых обязанностей, включая обеспечение прозрачности правил, равного доступа, досудебного регулирования споров и раскрытия принципов ранжирования.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
- Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 31 (часть I). — Ст. 4807.
- Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.12.2025)
- Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 1 (часть II). — Ст. 173.
- Бевзенко Р. С. Ответственность операторов онлайн-платформ: между посредничеством и организацией торговли // Вестник гражданского права. — 2024. — № 3. — С. 45–67.
- Новоселова Л. А., Латыев А. Н. Цифровые платформы и право: вызовы для цивилистики // Закон. — 2023. — № 10. — С. 78–92.
- Чеговадзе Л. А. Актуальные проблемы определения гражданско-правового статуса агрегаторов информации // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2024. — № 5. — С. 32–38.

Таким образом, законодательная эволюция демонстрирует чёткий тренд: от полного иммунитета агрегаторов как «информационных посредников» — к признанию их особой роли организаторов цифрового рынка, что влечёт за собой необходимость адекватной гражданско-правовой ответственности за неисполнение взятых на себя обязанностей по обеспечению безопасности и добросовестности оборота.

Исходя из вышесказанного, в целях совершенствования правового регулирования представляется целесообразным внести дополнения в Гражданский кодекс РФ, включив в главу 49 специальный параграф, посвященный договору об организации взаимодействия на цифровой платформе. Данная норма должна определить правовой статус оператора, установив его субсидиарную ответственность перед потребителем, если оператор не докажет принятие всех разумных мер для предотвращения убытков. Параллельно с этим, в Закон РФ «О защите прав потребителей» целесообразно включить специальную статью, регулирующую отношения с участием агрегаторов и закрепляющую право потребителя по своему выбору предъявлять требования как к непосредственному исполнителю, так и к оператору платформы при неисполнении последним гарантийных обязательств.

Только такой сбалансированный подход, признающий особую публично-частную природу цифровых платформ, позволит создать эффективный механизм защиты прав миллионов потребителей, сохранив при этом потенциал для развития инновационной платформенной экономики.

Только такой сбалансированный подход, признающий особую публично-частную природу цифровых платформ, позволит создать эффективный механизм защиты прав миллионов потребителей, сохранив при этом потенциал для развития инновационной платформенной экономики.

К вопросу о субъективной стороне умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества

Бушукина Анастасия Андреевна, студент магистратуры

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В статье проводится комплексный анализ признаков субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ.

Ключевые слова: уничтожение имущества, повреждение имущества, субъективная сторона, умысел, факультативные признаки, мотив.

On the subjective aspect of intentional destruction or damage to another's property

The article provides a comprehensive analysis of the subjective elements of the crime under Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: destruction of property, damage to property, subjective elements, intent, optional elements, motive.

В условиях экономической нестабильности, обостряющей имущественные противоречия, актуальность приобретает состав, не предполагающий извлечение материальной выгоды, — умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, ответственность за которое предусмотрена статьей 167 УК РФ.

Исследование субъективной стороны умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества приобретает особую научно-практическую значимость. Она позволяет выявить скрытые аспекты вины, а также мотив и цель, которые часто маскируются под спонтанные действия. Это способствует более точной дифференциации умышленных преступлений от неосторожных деяний в судебной практике.

Субъективная сторона преступления является обязательным признаком состава преступления в уголовном праве. Она включает психическое отношение лица к совершающему деянию и его общественно опасным последствиям. Данный элемент представлен в форме вины, мотива, цели и эмоций. Без установления субъективной стороны невозможно правильно квалифицировать деяние как преступление.

Уголовно-правовая доктрина выделяет две формы вины: умысел и неосторожность. Каждая из этих форм имеет свои содержательные характеристики и критерии разграничения. Умысел подразделяется на прямой и косвенный, а неосторожность может проявляться как легкомыслие или небрежность. Разграничение данных форм вины имеет важное значение для правильной квалификации преступления и назначения наказания.

Применительно к статье 167 УК РФ субъективная сторона характеризуется обязательным наличием умысла на уничтожение или повреждение чужого имущества. При этом умысел может быть как прямым, так и косвенным, то есть лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их на-

ступления (прямой умысел) или не желает наступления общественно опасных последствий, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично (косвенный умысел) [1].

При рассмотрении дел об умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества суды сталкиваются со значительными сложностями в разграничении прямого и косвенного умысла. Существенные трудности возникают при установлении осознания виновным общественной опасности своих действий и предвидения конкретных последствий в виде повреждения чужого имущества.

В доктрине уголовного права существуют противоположные точки зрения относительно содержания интеллектуального момента прямого и косвенного умысла.

А. А. Пионтковский, проводя разграничение между прямым и косвенным умыслом, отмечал, что «при косвенном умысле лицо предвидит лишь возможность наступления общественно опасных последствий своих действий или бездействий. В то же время, если лицо предвидит неизбежность таких последствий, утверждать будто оно их не желает, а только сознательно допускает, некорректно. В этом случае речь должна идти о прямом умысле» [4, с. 47].

В. Питецкий утверждает, что «при предвидении неизбежности последствий, косвенный умысел возможен, если исходить из психологической аксиомы, согласно которой желание всегда связано с целеполаганием. Следовательно, распространенное мнение о том, что «если лицо предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий, но не может их не желать» — ошибочно. Как показывают жизненные реалии, данные психологии и элементарный здравый смысл, даже при предвидении неизбежности последствий, лицо может не стремиться к ним, а лишь сознательно допускать их наступление» [5, с. 49].

Кроме того, сложность доказывания внутреннего психического отношения лица к содеянному усугубляется отсутствием прямых доказательств умысла. Следствием этого становятся ошибки в квалификации, когда

косвенный умысел ошибочно трактуется как прямой и наоборот.

В судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 167 УК РФ, нередко встречается ошибочное приравнивание косвенного умысла к прямому. Это происходит, когда суды необоснованно усматривают целенаправленность действий обвиняемого по уничтожению или повреждению имущества при достаточных доказательствах. Подобная ошибка ведет к неверной квалификации деяния и, как следствие, к несправедливому ужесточению ответственности.

Например, М. Е. А. признана виновной в умышленном повреждении чужого имущества. Судом первой инстанции было установлено, что в момент конфликта, произошедшего между потерпевшей К. и М. Е. А. был поврежден телефон, принадлежащий К. Оценивая в совокупности все доказательства, суд первой инстанции пришел к выводу, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 167 УК РФ совершено с косвенным умыслом. Апелляционная инстанция поддержала выводы суда в этой части.

Отменяя приговор первой инстанции и апелляционное постановление, Девятый кассационный суд общей юрисдикции в своем постановлении указал, что «судами не учтено, что при косвенном умысле лицо должно сознательно допускать или безразлично относится к повреждению чужого имущества, причем сознание виновного должно охватываться причинением значительного ущерба. Однако таких обстоятельств не установлено ни в ходе дознания, ни судом. Доказательств того, что М. Е. А. желала повредить телефон или могла допустить что, от ее действий в момент обоюдного конфликта, когда она отталкивала руку К. с телефоном тот выпадет и повредиться, что повлечет причинение значительного ущерба потерпевшей, не имеется». Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что в действиях М. Е. А. отсутствует субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ [6].

Другой распространенной ошибкой является игнорирование мотивационных аспектов при установлении субъективной стороны преступления. Суды зачастую не учитывают влияние мотива на разграничение прямого и косвенного умысла, что приводит к формальной квалификации деяния. Данное упущение препятствует точному установлению направленности воли виновного и степени общественной опасности содеянного. Учет мотивационных факторов имеет существенное значение для правильной юридической оценки действий обвиняемого.

Факультативные признаки субъективной стороны, такие как мотив, цель, и эмоции приобретают квалифицирующее значение при наличии особых способов совершения деяния или мотивационной направленности. Например, совершение преступления из хулиганских побуждений может повлечь более строгую ответственность. Как отмечается в научной литературе, «факультативные признаки субъективной стороны (мотив, цель, эмоции) имеют значение для установления характера и степени

общественной опасности преступления, ограничения смежных составов, индивидуализации наказания. В ряде случаев они являются обязательными признаками состава преступления» [3, с. 18]. Данные признаки способствуют более точной квалификации преступлений и дифференциации уголовной ответственности.

Применительно к составу умышленного уничтожения или повреждения имущества мотивы, цели деяния и эмоции не влияют на квалификацию ст. 167 УК РФ, за исключением хулиганских побуждений и мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Данные мотивы позволяет установить степень антисоциальной направленности действий виновного.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 дает разъяснение, что же понимается под «хулиганскими побуждениями». Под уголовно наказуемыми действиями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода [2].

Преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, как правило, это преступления экстремистской направленности.

В контексте статьи 167 УК РФ это означает, что умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества совершено из чувства ненависти или вражды к определённой группе лиц, объединённых общим признаком (расой, религией, национальностью и т. п.), что свидетельствует о повышенной общественной опасности деяния и влечёт квалификацию по ч. 2 указанной статьи.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, дифференциация прямого и косвенного умысла в уголовном праве базируется на тщательном анализе характера действий, совершаемых виновным лицом, и его психического отношения к наступившим общественно опасным последствиям. В контексте статьи 167 УК РФ это означает необходимость установления, были ли действия направлены непосредственно на причинение вреда имуществу или такой вред стал побочным результатом иных действий. Такой подход позволяет точно определить форму вины, что имеет решающее значение для правильной квалификации преступления и назначения справедливого наказания. Умышленное уничтожение или повреждение имущества предполагает обязательное установление умысла как элемента субъективной стороны состава преступления.

Ключевым фактором при разграничении форм умысла является степень предвидения виновным общественно опасных последствий своих действий, а также его отношение к наступлению этих последствий. Для прямого

умысла характерно осознание неизбежности или высокой вероятности причинения вреда и желание его наступления, тогда как при косвенном умысле лицо лишь сознательно допускает вред или безразлично к нему относится.

Во-вторых, теоретический анализ субъективной стороны преступления по статье 167 УК РФ подтвердил зна-

чимость её факультативных признаков как ключевых элементов для квалификации по части 2 данной статьи. Как правило, данные признаки свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности деяния, способствуют индивидуализации наказания и влекут более строгую уголовную ответственность.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 г. (ред. от 17.11.2025 г.) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 // Российская газета, № 260, 21.11.2007.
3. Арямов, А. А. Уголовное право. Особенная часть / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, В. П. Бодаевский. — М.: Проспект, 2019. — 381 с. — Текст: непосредственный.
4. Пионтковский, А. Курс советского уголовного права: в 6 томах. Том 1 / А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. — М.: Наука, 1970. — 311 с. — Текст: непосредственный.
5. Питецкий, В. Сужения понятия косвенного умысла влечет ужесточение уголовной репрессии / В. Питецкий. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 1999. — № 5. — С. 49–50.
6. Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16.09.2024 по делу № 77-1381/2024. — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?r_eq=doc&base=KSOJ009&n=74267&cacheid=132BB0D37F3000B5B4EAE45F555DE78D&mode=splus&rnd=74wBA#1lqPo4V1vThiBq6B (дата обращения: 08.12.2025).

История развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за кражу

Валуйская Анна Викторовна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В статье рассматривается история развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за кражу, а именно: досоветский, советский и постсоветский периоды.

Ключевые слова: законодательство, понятие «кражи», ответственность за кражу, право, уголовный кодекс.

С момента возникновения государственности на Руси кража рассматривалась как одно из наиболее опасных посягательств на общественные устои. Данное преступление нарушало отношения собственности, приводило к несправедливому перераспределению материальных благ, подрывало общественное доверие к честному труду как единственному законному способу обогащения. Именно поэтому уже в древнейших правовых памятниках содержались строгие запреты на совершение хищений, что отражало не только правовую, но и религиозно-нравственную оценку подобных деяний.

Древнерусское законодательство не использовало термин «кража» в современном его понимании. Первым законодательным актом, регулировавшим ответственность за имущественные преступления, стала Русская Правда — памятник права XI века.

Характерной особенностью древнерусского права была его восстановительная направленность. Основной

целью правового регулирования было не наказание преступника, а восстановление нарушенной справедливости и примирение сторон конфликта.

Следующий этап развития закрепляет понятие «кражи» (конец XVIII века — до 1922 г.). Первый полноценный уголовный кодекс — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных — был подписан в 1845 году Николаем I. Однако в этом уголовном кодексе законодательство в большей мере защищало интересы государства.

Октябрьская революция 1917 года ознаменовала начало нового этапа в развитии отечественного уголовного законодательства. Декрет СНК № 1 от 24 ноября 1917 года «О суде» отверг применение дореволюционных законов, противоречащих революционному правосознанию, и в статье 8 отнес к подсудности революционных трибуналов, наряду с контрреволюционными преступлениями, также мародерство и хищничество [1].

Формирование советского законодательства об уголовной ответственности за кражу начинается с принятия ВЦИК и СНК РСФСР 1 июня 1921 года декрета «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищением». Данный нормативный акт установил перечень конкретных составов хищений государственного имущества и предусмотрел суровые меры ответственности за их совершение, что отражало приоритет защиты социалистической собственности.

Уголовный кодекс УССР 1922 года в ст. 180 определял кражу как «тайное хищение имущества, которое находится во владении, пользовании или ведении другого лица или учреждения». УК УССР 1927 года уточнил формулировку, закрепив более лаконичное определение: «тайное похищение чужого имущества» [2].

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период советское уголовное законодательство не учитывало криминологические характеристики личности преступника. Игнорировались даже такие существенные обстоятельства, как несовершеннолетний возраст виновного, что приводило к применению репрессивных мер к подросткам наравне со взрослыми преступниками. Законодатель оценивал исключительно сам факт посягательства на социалистическую собственность, усматривая в нем проявление классовой враждебности и антисоциальной сущности преступника.

Исправительная и превентивная функции уголовного наказания отходили на второй план, уступая место карательной направленности, целью которой было физическое устранение «классово чуждых элементов» либо их изоляция от общества.

Период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов стал временем застоя в развитии уголовного законодательства об имущественных преступлениях. Все ресурсы государства были сконцентрированы на обеспечении обороны страны и ведении военных действий, что естественным образом отразилось на правотворческой деятельности.

Послевоенный период ознаменовался возобновлением активной законодательной деятельности в сфере борьбы с хищениями. 4 июня 1947 года Президиум Верховного Совета СССР принял два указа: «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Принципиальной особенностью нового кодекса стало разделение всех посягательств на собственность на две категории в зависимости от формы собственности: хищения социалистического имущества и хищения личного имущества граждан. Характерно, что санкции за хищение социалистической собственности оставались значительно более суровыми по сравнению с наказаниями за посягательства на личную собственность, что отражало идеологическую доктрину о приоритете общественных интересов над частными.

Проведенный анализ исторического развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за кражу свидетельствует о длительной эволюции данного правового института. Институт уголовной ответственности за кражу прошел путь от примитивных норм обычного права до современных кодифицированных законов. Система наказаний эволюционировала от восстановительных мер к крайне жестоким санкциям, включавшим смертную казнь и членовредительство, а затем к относительно гуманным видам наказаний, предусмотренным современным законодательством. Советский период характеризовался возвратом к репрессивным методам, особенно в отношении хищений социалистической собственности.

В постсоветский период развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за кражу произошли существенные изменения, направленные на обеспечение равной защиты всех форм собственности. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года впервые в истории отечественного уголовного права установил единобразную систему защиты всех форм собственности на основе одинаковых норм материального права. Статья 158 УК РФ, являющаяся основной нормой об ответственности за кражу, претерпела ряд изменений, включая введение новых квалифицирующих признаков, связанных с современными способами хищения (например, с банковских счетов).

Особое внимание уделяется разграничению уголовно наказуемой кражи и мелкого хищения как административного правонарушения, при этом существующие критерии разграничения требуют дальнейшего совершенствования с учетом экономических реалий и инфляционных процессов. Законодатель стремится адаптировать нормы уголовного права к новым формам преступных посягательств на собственность, сохраняя при этом базовые принципы уголовно-правовой защиты имущественных прав граждан.

Таким образом, в ходе исследования истории развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за кражу прослеживается эволюция правовых представлений о данном преступлении от древнерусского понятия «татьба» до современной юридической конструкции, закрепленной в ст. 158 УК РФ.

Досоветский период характеризовался постепенным формированием признаков преступления и эволюцией мер ответственности от преимущественно компенсационных мер («головничество», «тати исцу») к более жестким наказаниям (телесные наказания, ссылка, смертная казнь). Отличительной чертой этого периода было также дифференцированное отношение к различным видам краж в зависимости от предмета посягательства.

Советский период отнесен явной классовой окраской уголовно-правовых норм о краже и разделением ответственности в зависимости от формы собственности. Посягательства на социалистическую собственность кара-

лись значительно жестче, чем на личную собственность граждан, что отражало идеологические установки того времени. Законодательство этого периода отличалось репрессивностью и высокой степенью кriminalизации деяний против государственной собственности.

Постсоветский период развития уголовного законодательства о краже ознаменован возвращением к принципу равной защиты всех форм собственности, что нашло отражение в Конституции РФ 1993 года и УК РФ 1996 года.

Современное законодательство характеризуется более тонкой дифференциацией ответственности за кражу в зависимости от обстоятельств совершения преступления и стоимости похищенного. Важным нововведением стало разграничение уголовно наказуемой кражи и мелкого хищения как административного правонарушения, хотя критерии такого разграничения нуждаются в дальнейшем совершенствовании с учетом изменяющихся экономических условий.

Литература:

1. Кудинов О. А. История отечественного государства и права: Учебное пособие. — Москва : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2004. — С. 47.
2. Окіпнюк В. Т. Кримінальний кодекс УСРР 1927. — Київ : Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2001. — Т. 3, К-М. — 792 с. — ISBN 966-7492-03-6.

Правовое регулирование и правоприменительная практика производства по дисциплинарным делам в органах Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования

Витевская Виктория Сергеевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Статья посвящена системному анализу нормативных основ и практической реализации дисциплинарного производства в Следственном комитете Российской Федерации. Рассмотрение данных аспектов крайне важно для понимания механизмов эффективного контроля за служебной деятельностью, что, безусловно, способствует укреплению законности и порядка в государственном органе, ответственном за расследование наиболее значимых уголовных дел. В основе выступления лежит глубокий анализ как действующих законодательных норм, так и стимулирующих практических решений.

Ключевые слова: Следственный комитет, законность, дисциплинарные отношения, служебные инструкции, органы власти.

Legal regulation and law enforcement practice of disciplinary proceedings in the bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation: problems and ways of improvement

The article is devoted to a systematic analysis of the regulatory framework and practical implementation of disciplinary proceedings in the Investigative Committee of the Russian Federation. Consideration of these aspects is extremely important for understanding the mechanisms of effective control over official activities, which, of course, contributes to strengthening law and order in the State body responsible for investigating the most significant criminal cases. The presentation is based on an in-depth analysis of both current legislation and stimulating practical solutions.

Keywords: Investigative Committee, legality, disciplinary relations, official instructions, authorities.

Следственный комитет РФ был учрежден в 2011 году в рамках реформы правоохранительных органов, ориентированной на повышение их самостоятельности и профессионализма. Возникновение столь узкоспециализированного ведомства потребовало разработки и внедрения отдельного механизма дисципли-

арного производства, который соответствует федеральному законодательству, Трудовому кодексу и внутренним нормативным актам. Эти механизмы направлены на обеспечение законности, соблюдения дисциплины и морально-этических норм, необходимых для функционирования следственной службы. Такой системный подход

стал основой для формирования устойчивого правового каркаса, гарантирующего справедливое и последовательное применение дисциплинарных мер.

Основу правового регулирования дисциплинарных отношений в Следственном комитете РФ составляют несколько центральных нормативных документов. Во-первых, федеральные законы, включая Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации», устанавливающий общие правила и полномочия по привлечению к дисциплинарной ответственности. Во-вторых, Трудовой кодекс Российской Федерации, определяющий правовой статус работников и процедуры дисциплинарной ответственности в государственных органах. В-третьих, внутренние нормативные акты Следственного комитета, которые конкретизируют процессуальные детали и стандарты ведения дисциплинарных дел, обеспечивая единство и прозрачность процедур.

Дисциплинарные проступки в Следственном комитете подразделяются на несколько категорий в зависимости от степени их тяжести и влияния на служебный процесс. К легким нарушениям относятся случаи опозданий или незначительного нарушения трудовой дисциплины, к средним — несоблюдение служебных инструкций, исказжение фактических данных при расследовании. Тяжкие проступки включают злоупотребление служебным положением, нарушение профессиональной этики и совершение действий, наносящих ущерб ведомству. Каждый вид проступка требует соответствующего подхода в расследовании и применении санкций.

Анализ статистики за период с 2019 по 2023 год показывает динамику дисциплинарных дел в Следственном комитете. В 2021 году наблюдалось резкое увеличение количества рассмотренных дел, что связано с активизацией контроля со стороны руководства и повышения внимания к соблюдению этических норм. В последующие годы число дел уменьшилось, что свидетельствует об эффективности внедренных мер оптимизации процедур и повышения качества внутреннего контроля. Эти тенденции отражают постепенное совершенствование системы дисциплинарного производства.

Несмотря на наличие нормативной базы, практика дисциплинарного производства в Следственном комитете сталкивается с рядом существенных проблем, влияющих на качество и оперативность рассмотрения дел. Во-первых, существенные задержки в рассмотрении дисциплинарных дел снижают оперативность принятия решений, что подрывает авторитет системы контроля. Во-вторых, размытые формулировки в законодательствах порождают правовую неопределенность и неоднозначность толкований. Третья проблема связана с отсутствием единой стандартизации процедур, что вызывает значительные колебания в практике и повышает риски процессуальных ошибок. Наконец, конфликты интересов и недостаточная подготовка кадров ослабляют объективность расследований и качество принимаемых решений.

Анализ различных ведомств показывает значительные различия в организации дисциплинарного производства. Например, сроки рассмотрения дел в Следственном комитете, в среднем, превышают аналогичные периоды в других органах, что связано с более тщательной документацией и расширенными правами участников процесса. В то же время, эта практика обеспечивает более глубокую проработку каждого случая и способствует снижению числа обжалований. Такие особенности демонстрируют стремление СК РФ к балансу между скоростью и качеством рассмотрения дисциплинарных производств.

Доказательственная база в дисциплинарных делах Следственного комитета отличается высоким уровнем формализации и ограниченности в сравнении с уголовным процессом. Ключевую роль играют документальные подтверждения, служебные отчеты и показания коллег, что требует от инспекторов строгого соблюдения процедур и аккуратности в сборе информации. При этом, особенностью является необходимость учитывать специфику следственной деятельности и риски искажения данных, что требует специальных методик проверки и оценки доказательств.

Эффективность дисциплинарного производства в значительной степени зависит от четкости и ответственности руководства. Начальники подразделений обязаны вовремя инициировать расследования и неукоснительно следить за выполнением процедур, обеспечивая прозрачность и объективность. Комиссии по дисциплинарным вопросам выступают как экспертные органы, оценивая обстоятельства и формулируя рекомендации по санкциям. Внутренний контроль ориентирован на профилактику нарушений и повышение качества следственных процессов, что является ключом к поддержанию высокого уровня профессионализма внутри ведомства.

Статистические данные 2023 года демонстрируют четкую взаимосвязь между тяжестью дисциплинарных проступков и назначаемыми наказаниями. Менее серьезные нарушения, такие как опоздания или незначительные нарушения служебного распорядка, зачастую завершаются вынесением замечаний. Тяжкие и системные нарушения требуют более строгих мер, включая увольнения и понижения в должности. Такая практика свидетельствует о взвешенном и дифференцированном подходе к обеспечению дисциплины в Следственном комитете.

За последние три года фиксируется значительный рост количества жалоб со стороны следователей по поводу дисциплинарных мер — увеличение составило порядка 20 %. Анализ судебных решений выявляет недостатки в доказательной базе и зачастую отсутствие однозначных оснований для вынесения наказаний. Судебные органы отмечают нарушения процессуальных гарантит, в том числе недостаток правового консультирования и нарушения сроков рассмотрения. Эти проблемы приводят к отсрочкам исполнения мер и подрывают доверие к системе внутреннего контроля ведомства.

Внедрение участия адвокатов в дисциплинарных процессах значительно расширило правовую защиту прав следователей. Практические кейсы демонстрируют, как адвокатская помощь способствует успешному обжалованию наказаний и повышению прозрачности процедур. Вместе с тем, взаимодействие с внутренними структурами Следственного комитета сталкивается с определёнными трудностями: ограниченный доступ к материалам, бюрократические препяды усложняют полноценное представительство и снижают эффективность защиты. Это подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования данного института.

При расследовании дисциплинарных нарушений важную роль играют психологические факторы. Во-первых, стресс и давление на обвиняемых могут влиять на качество дачи объяснений и общую атмосферу процесса. Во-вторых, эмоциональная устойчивость следователей, проводящих расследование, напрямую отражается на объективности и беспристрастности оценок. Наконец, способность руководства эффективно управлять конфликтными ситуациями помогает минимизировать внутренние напряжения и улучшить коммуникацию, что способствует более эффективному решению дисциплинарных вопросов.

Эксперты Государственной службы предлагают несколько ключевых мер для повышения эффективности дисциплинарного производства. Среди них — стандартизация процедур, внедрение единых критериев оценки проступков, а также усиление обучения кадров по вопросам правоприменения. Реализация таких мер должна повысить прозрачность процессов, сократить количество ошибок и ускорить рассмотрение дел. В конечном итоге, это обеспечит более высокий уровень дисциплины и укрепит доверие к системе внутреннего контроля Следственного комитета.

Внедрение электронных систем учёта дисциплинарных дел сыграло революционную роль в совершенствовании процедур. Сокращение времени рассмотрения дел почти на половину позволяет не только ускорить процесс, но и значительно повысить прозрачность и качество работы с документами. Электронная система минимизирует человеческий фактор, снижая количество ошибок и улучшая контроль за ходом расследований. Это подтверждает важность цифровизации как ключевого инструмента модернизации дисциплинарного производства.

В деятельности Следственного комитета особое внимание уделяется тесной координации с МВД и прокуратурой. Такое взаимодействие выражается в проведении совместных проверок и оперативном обмене информацией, что позволяет выявлять дисциплинарные нарушения своевременно и обеспечивать объективность расследований. Исторически сложилось, что слаженность работы нескольких ключевых правоохранительных органов способствует созданию мощного механизма контроля и правоприменения, гарантирующего соблюдение законов и дисциплины.

Правовые основы этого сотрудничества закреплены в нормативных актах, а также подкреплены судебной практикой, что обеспечивает единство подходов в работе с дисциплинарными вопросами на уровне нескольких ведомств. Это согласование норм и процедур способствует не только повышению эффективности дисциплинарного контроля, но и укрепляет доверие общества к правоохранительным органам. Вместе они формируют системный подход, способный противостоять негативным явлениям в структуре государственных органов.

Анализ статистики выявляет рост числа дисциплинарных нарушений среди младшего звена следователей, что можно связать с высокой текучестью кадров и недостаточным опытом сотрудников. Несмотря на усилия по ужесточению контроля, данная категория более подвержена ошибкам и нарушениям, что подчеркивает необходимость целенаправленных мер по обучению и адаптации новых специалистов.

В то же время показатели среди руководящего состава демонстрируют тенденцию к снижению нарушений. Это свидетельствует о положительном эффекте принятых мероприятий повышения ответственности и усиленного контроля сред них. Данное обстоятельство подтверждает, что системный подход к дисциплинарному регулированию приносит реальные результаты и способствует укреплению дисциплины на всех эшелонах управления.

Таким образом, статистические данные подтверждают, что комплексные меры, направленные на разные категории персонала, необходимы для гармоничного развития дисциплинарной практики в Следственном комитете.

Кодекс этики следователей представляет собой фундаментальную основу профессионального поведения. Он служит моральным ориентиром и критерием для комиссий, рассматривающих дисциплинарные дела, позволяя принимать взвешенные и справедливые решения, которые учитывают не только формальные нарушения, но и общие принципы честности и ответственности.

Соблюдение этических стандартов способствует объективности и справедливости в рамках дисциплинарных процедур. Это снижает количество конфликтных ситуаций и укрепляет доверительные отношения как внутри ведомства, так и в обществе в целом. Очевидно, что культура этического поведения является важным стержнем любой правоохранительной системы.

Нарушения этических норм наносят значительный ущерб репутации отдельных сотрудников и всего института следствия. Более того, подобные нарушения могут повлечь за собой не только дисциплинарные санкции, но и уголовное преследование, что подчеркивает серьезность и неизбежность ответственности за подобные проступки.

Важным этапом совершенствования дисциплинарного производства стало внедрение в 2022 году единой автоматизированной системы. Эта инициатива позволила централизовать всю документацию, что значительно повысило прозрачность и качество расследований, а также сократило бюрократические процедуры, снижая время обработки дел.

Экспертное сообщество отмечает, что данные реформы способствовали сокращению сроков рассмотрения дисциплинарных дел в среднем на 25 %. Такой результат свидетельствует о росте эффективности процедур и позитивно сказывается на общем уровне дисциплины внутри ведомства. Эти успехи демонстрируют, как цифровизация и организационные инновации могут стать катализаторами улучшений в правоохранительной практике.

Для дальнейшего устойчивого развития дисциплинарного производства необходим системный подход,

включающий нормативные реформы, направленные на адаптацию законодательства к современным требованиям. Комплексная цифровизация процессов обеспечит оперативность и прозрачность процедур, а совершенствование кадрового потенциала позволит повысить профессионализм и компетентность сотрудников. Такое комплексное развитие создаст предпосылки для справедливого и эффективного правоприменения, что укрепит доверие общества и повысит авторитет Следственного комитета.

Литература:

1. Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 2011 г.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации, часть 2, глава 28.
3. Отчет Следственного комитета Российской Федерации по дисциплинарным делам, 2019–2023 гг.
4. Государственная служба экспертизы правоприменительной практики, 2022.
5. Аналитический доклад по цифровизации в правоохранительных органах, 2023.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации».
7. Статистический сборник «Ведомственная статистика Следственного комитета Российской Федерации», 2023.
8. Петров И. В., Сидорова А. Н. Этические стандарты в правоохранительной деятельности // Журнал отечественного права. — 2021. — № 3. — С. 45–52.
9. Иванов С. П. Цифровизация процессов в правоохранительных органах: перспективы и вызовы // Правоохранительная практика, 2022.
10. Организация дисциплинарного производства: современный опыт и тенденции // Право и управление, 2023. — № 1 — С. 22–31.

Меры профилактики преступности несовершеннолетних и молодёжи

Волков Захар Романович, студент

Научный руководитель: Давыдова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Автором статьи рассматриваются меры профилактики преступности несовершеннолетних и молодёжи и основные проблемы их применения. Обращается внимание на разностороннюю природу факторов, приводящих к молодежной и подростковой преступности. В завершение статьи автор приходит к выводу о том, что успешное применение выделенных мер профилактики возможно лишь при реализации комплексного подхода со стороны различных государственных институтов.

Ключевые слова: преступность, молодежь, девиантное поведение, социальная незащищенность, профилактика.

Молодёжь — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации. Преступность несовершеннолетних, является составной частью преступности вообще, но и имеет свои специфические особенности, что позволяет рассматривать ее в качестве самостоятельного объекта криминологического изучения. Это обусловлено специфическими мотивами совершения преступности молодыми людьми, а также психологическими особенностями момента становления личности, ее взросления. Поэтому вопрос мер предупреждения преступности несовершеннолетних является крайне актуальным.

К. Н. Радченко отмечает, что профилактическая деятельность в отношении преступлений граждан, которые не достигли совершеннолетнего возраста — это совокупность педагогических, правовых и социальных других мер, которые ориентированы на обнаружение и ликвидацию причин и обстоятельств, содействующих противоправным действиям, беспризорности, безнадзорности, и исполняемых вместе с персональной профилактикой с подрастающим поколением и их окружением [3, с. 11].

В. А. Бощ в одной из своих статей выделяет такие меры профилактики преступности несовершеннолетних и молодежи, как:

- уменьшение негативного воздействия со стороны социальных факторов, которые непосредственно взаимосвязаны с основаниями и факторами возникновения несовершеннолетней преступности;
- влияние на причины и условия, которые способствуют развитию этой категории преступлений;
- профилактические меры с несовершеннолетними, которые составляют группу риска;
- мониторинг групп, с характерными антиобщественными установками [1, с. 321].

Сотрудники органов внутренних дел, в первую очередь в качестве профилактической работы занимаются выявлением причин и условий, способствующих возникновению преступности несовершеннолетних. Эта работа осуществляется во взаимодействии с общественными учреждениями и организациями: учреждениями образования, социальной защиты населения и т. д.

О. В. Ившкина отмечает, что в числе условий эффективности данных мер важное место занимает учет возрастных особенностей молодежи [2, с. 48]. Так, важным становится выявление и профилактика девиантного поведения подростков, а также формирование представлений о необходимости ведения здорового образа жизни.

Непосредственное влияние на совершение несовершеннолетними преступлений оказывают бедность, социальная незащищенность, проявление насилия в семье, алкоголизм и наркомания родителей. Эти факторы являются достаточно очевидными. Среди неочевидных факторов, способствующих росту преступности, можно выделить недостаток родительского воспитания и контроля. Однако только совокупность нескольких факторов может стать окончательной причиной, по которой подросток решится на преступление. Это свидетельствует о необходимости комплексного подхода к профилактике преступности несовершеннолетних. Поэтому важна последовательная реализация таких мер как проведение работы по профилактике пьянства и наркомании, повышение правовой культуры молодежи, организация массовых спортивно-оздоровительных мероприятий и осуществления содействия в вопросах трудоустройства молодежи.

В молодом возрасте происходит формирование ценностных ориентаций человека, поэтому большое влияние

оказывает компания, в которой находится молодой человек, субкультура, к которой он принадлежит. Из этого следует ряд психологических мер профилактики преступлений среди молодежи. Главной из таких мер М. И. Синяева называет выявление причин, которые побуждают подростков вступать в преступные группы (потребность в признании, страх перед отвержением, общественное равнодушие, низкая успеваемость, отсутствие интересов и увлечений) [4, с. 40].

В. С. Шуточкин подчеркивает, что все меры профилактики преступности должны быть построены на принципах гуманизма и перевоспитания с превалированием защитных мер по отношению к несовершеннолетним правонарушителям, и должны быть направлены на устранение первопричин роста такой преступности [5, с. 46].

На практике существующий механизм профилактики преступлений среди молодежи сталкивается с рядом препятствий, таких как:

- отсутствие четкой координации действий между различными институтами, выполняющими задачи по профилактике;

- слабая профилактическая работа в образовательных учреждениях, поскольку современная школа не способна оказать решающее влияние на воспитание личности молодого человека;

- недостаточное материально-техническое обеспечение сферы предупреждения преступности несовершеннолетних.

Разрешить эти проблемы сможет усиление межведомственного взаимодействия, совершенствование профилактической работы в образовательных учреждениях, усиление работы с родителями, в том числе консультативной, а также повышение компетентности сотрудников, ответственных за профилактическую работу.

Таким образом меры профилактики преступлений несовершеннолетних и молодежи могут быть успешно реализованы только при комплексном подходе, предусматривающем не только работу с подростками и молодежью, но и их семьями. Данный подход должен быть реализован путем взаимодействия правоохранительных органов, образовательных учреждений и учреждений социальной защиты населения.

Литература:

1. Бощ, В. А. Система мер и органов предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних / В. А. Бощ // Молодой учёный. — 2021. — № 20 (362). — С. 320–323.
2. Ившкина, О. В. О некоторых мерах профилактики преступности несовершеннолетних и молодежи/ О. В. Ившкина// Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2025. — Вып. 2. — С.47–56.
3. Радченко, К. Н. Общая и социально-правовая характеристика системы предупреждения преступности несовершеннолетних/ К. Н. Радченко// Legal Bulletin. — 2022. — № 2. — Т. 7. — С. 9–16.
4. Синяева, М.И., Химеденова, Д. Н. Особенности совершенствования психолого-правовых мер предупреждения групповой преступности несовершеннолетних в РФ/ М. И. Синяева, Д. Н. Химеденова// Полицейская деятельность. — 2024. — № 6. — С. 36–48.

5. Шуточкин, В. С. Вопросы совершенствования действующей системы предупреждения преступности несовершеннолетних / В. С. Шуточкин. // Исследования молодых ученых: материалы LXXXVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2024 г.). — Казань: Молодой ученый, 2024. — С. 43–48.

Административно-правовая ответственность за дискриминацию инвалидов: анализ эффективности статьи 5.62 КоАП РФ и пути создания работающего механизма

Волобаева Валерия Евгеньевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье проводится анализ ст. 5.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) как основного инструмента противодействия дискриминации инвалидов. Автор доказывает, что действующий состав административного правонарушения, основанный на необходимости установления умысла вины и сравнительного подхода, является неэффективным в защите прав лиц с инвалидностью. На основе анализа теоретических трудов и правоприменительной практики предлагается модель нового состава правонарушения, построенного на объективных критериях (факт отказа при наличии возможности создать разумное приспособление), с перераспределением полномочий по привлечению к ответственности в пользу органов прокуратуры и Роструда.

Ключевые слова: дискриминация инвалидов, административная ответственность, ст. 5.62 КоАП РФ, разумное приспособление, Конвенция о правах инвалидов, доступная среда, правовой механизм.

Суть вопроса

Дискриминация по признаку инвалидности представляет собой системное нарушение прав человека, препятствующее реализации конституционного принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ) и положений Конвенции ООН о правах инвалидов 2006 года, ратифицированной Российской Федерацией. Российский законодатель, имплементируя международные стандарты, ввел в главу 5 КоАП РФ статью 5.62 «Дискриминация», устанавливающую административную ответственность за нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его состояния здоровья.

Однако само по себе закрепление запрета дискриминации в административном законе не гарантирует его эффективность и исполнимости. Ключевое значение имеет конструкция состава правонарушения, который должен быть пригодным для практического применения в типичных конфликтных ситуациях. В случае с инвалидами типичными ситуациями являются отказ в приеме на работу, отказ в доступе к товарам и услугам, отказ в создании необходимых условий. Именно применительно к ним выявляется полная несостоительность действующей нормы.

Главная проблема ст. 5.62 КоАП РФ кроется в конструкции субъективной стороны состава правонарушения и методе доказывания. Законодатель использует классическую для антидискриминационного права, но чрезвычайно сложную для применения формулу, требующую установления сравнительного подхода (сравнения с «другими лицами») и прямого умысла виновного лица.

На практике это приводит к непреодолимым процессуальным барьерам. Во-первых, как отмечает С. В. Нарутто, в своих трудах, доказать умысел на дискриминацию, особенно при приеме на работу, практически невозможно. Работодатель всегда может сослаться на деловые качества кандидата (ст. 3 ТК РФ), не связанные с инвалидностью, но формально служащие основанием для отказа. Во-вторых, для сравнения необходимо наличие «другого лица», находящегося в аналогичной ситуации, но не обладающего признаком инвалидности, которому не было отказано. В сфере доступа к услугам или коммерческим объектам такое сравнение часто абсурдно, так как отказ инвалиду является единичным актом, направленным именно на него из-за отсутствия необходимых условий [3].

Отсутствие специализированного уполномоченного органа, наделенного полномочиями по расследованию и привлечению к ответственности по данной статье, угубляет ситуацию. Дела возбуждаются прокурором, однако прокурорский надзор, по замечанию Н. А. Игониной, ориентирован на выявление формальных нарушений закона, а не на сложный психологический и сравнительный анализ, необходимый для квалификации дискриминации [4]. Результат — ничтожно малое количество привлечений к ответственности по ст. 5.62 КоАП РФ в сфере защиты прав инвалидов, что свидетельствует не об отсутствии проблемы, а о неработоспособности механизма.

Действующая норма воплощает устаревший карательный подход, заимствованный из общей теории административных правонарушений. Она нацелена на наказание за осознанное и доказанное злонамеренное действие, а не на предупреждение и устранение системных

барьеров. Штрафные санкции (для юридических лиц — от 50 до 100 тыс. руб.) несоразмерны затратам, которые мог бы понести работодатель или собственник объекта на создание доступной среды, и потому не выполняют стимулирующей функции.

Такой подход противоречит духу Конвенции о правах инвалидов, который, как указывает А. А. Свинцов, смещает акцент с наказания за ущемление прав на создание обязанности по обеспечению разумного приспособления как неотъемлемой части обязательств по недопущению дискриминации [5]. Российское законодательство, провозглашая запрет дискриминации (ст. 3.1 ФЗ № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов»), не раскрывает его через конкретную позитивную обязанность, что оставляет ст. 5.62 КоАП РФ «висящей в воздухе» — запрещает, но не указывает, какие именно действия (кроме прямого злона-меренного отказа) составляют объективную сторону правонарушения.

Выход из правового тупика видится в отказе от умышленно-сравнительной модели и переходе к объективно-результативной. Новый состав административного правонарушения должен базироваться не на мотиве и сравнении, а на двух ключевых элементах:

1. Факт совершения действия (бездействия), которое ставит инвалида в невыгодное положение по сравнению с другими лицами (объективный результат).

2. Отсутствие доказательств того, что совершение иного действия (предоставление разумного приспособления) являлось несоразмерным бременем для обязанного лица.

Таким образом, бремя доказывания смещается с потерпевшего (инвалида) на потенциального нарушителя. Инвалиду достаточно доказать сам факт отказа в приеме на работу, в допуске в помещение, в предоставлении услуги. Обязанное лицо (работодатель, владелец объекта, поставщик услуг) должно в ходе разбирательства представить доказательства, что удовлетворение требования инвалида требовало несоразмерных или неоправданных затруднений (ст. 24 Конвенции о правах инвалидов).

На основе предложенного подхода необходима комплексная реформа.

Литература:

1. Российская Федерация. Конституция. Конституция Российской Федерации: с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года: принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. — Москва: Эксмо, 2021. — 89 с. — ISBN 978-5-04-117792-8.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г.: [ред. от 2 авг. 2019 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации
3. Нарутто, С. В. Конкуренция конституционных прав и свобод человека в интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации / С. В. Нарутто // Конституционное и муниципальное право. — 2010. — № 2. — С. 56–65. — EDN LEUFEF. Романовская О. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав инвалидов: новые вызовы и перспективы // Законность. — 2021. — № 8. — С. 75–80.
4. Теоретические и правовые основы деятельности прокуратуры в сфере защиты прав инвалидов / Н. А. Игонина, Т. В. Ашиткова, И. А. Васькина [и др.]. — Москва: Федеральное государственное казенное образовательное

Во-первых, введение новой статьи в КоАП РФ (например, 5.62-1) «Невыполнение обязанности по созданию условий для недискриминационного доступа инвалидов». Объективная сторона: отказ инвалиду в приеме на работу, доступе к объекту социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры, получению услуги при наличии технической или организационной возможности выполнить разумное приспособление.

Во-вторых, существенное увеличение штрафов (для юрлиц — от 200 до 500 тыс. руб. с возможностью повторного привлечения) и введение дополнительной санкции в виде предписания об устранении нарушений в установленный срок с приостановлением деятельности объекта до его исполнения.

В-третьих, закрепление полномочий по возбуждению и рассмотрению дел по новой статье за органами прокуратуры и Федеральной службой по труду и занятости (Роструд). Прокуратура — в сфере доступа к услугам и объектам инфраструктуры, Роструд — в сфере трудовых отношений.

В-четвертых, разработка методических рекомендаций Минтрудом России совместно с правозащитными организациями инвалидов по оценке «разумности» и «соразмерности» приспособлений, что создаст единообразную практику.

Заключение

Современная административно-правовая защита инвалидов от дискриминации в России нуждается не в косметических поправках, а в принципиальной перестройке. Требуется отказаться от архаичной модели, ориентированной на наказание за умысел, в пользу прогрессивной модели, направленной на результат и стимулирование к созданию инклюзивной среды через механизм «разумного приспособления». Предложенные изменения позволят превратить декларативный запрет дискриминации в эффективный правовой инструмент, отвечающий как требованиям Конвенции о правах инвалидов, так и практическим потребностям построения в России инклюзивного общества.

- учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. — 335 с. — EDN SAFFAL.
5. Система мониторинга соблюдения прав инвалидов в Российской Федерации по выполнению положений Конвенции ООН о правах инвалидов / А. А. Свинцов, В. П. Шестаков, Т. С. Чернякина, В. И. Радуто // Реабилитация — XXI век: традиции и инновации: Сборник статей материалов II Национального конгресса с международным участием, Санкт-Петербург, 12–13 сентября 2018 года / Санкт-Петербург: ООО «ЦИАЦАН», 2018. — С. 24–27. — EDN YMUVJZ.

К вопросу о защите жилищных прав добросовестных приобретателей квартиры по искам публично-правовых образований о виндикиации

Вырышев Михаил Денисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Малявина Наталья Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор исследует актуальные аспекты защиты права на жилище в контексте судебных споров, предметом которых являются требования публичных образований об истребовании квартиры на основании ч. 1 ст. 302 ГК РФ от граждан, которые являются добросовестными приобретателями.

Ключевые слова: виндикационный иск, недвижимость, жилищное право, собственник, требование.

Публичные органы обращаются в суд на основании ч. 1 ст. 302 ГК РФ [1] с иском об истребовании недвижимого имущества — квартиры, нежилого помещения или же земельного участка, приводя доводы о том, что указанные объекты жилищных, вещных прав выбыли из собственности государства незаконно, против воли [7]. Исковые требования в подобных делаах, как правило, удовлетворяются, а суды обосновывают свои решения тем, что истец лишился права собственности в результате преступных или иных противоправных действий третьих лиц. При этом подчёркивается полное отсутствие воли собственника на отчуждение имущества и каких-либо проявлений небрежности либо халатности с его стороны, которые могли бы послужить основанием для отказа в виндикиации и восстановлении нарушенного права собственности [10].

При этом суды нередко отказываются принимать во внимание возражения ответчика о своей добросовестности и о том, что он не мог и не должен был знать о действительном отсутствии права собственности у продавца-физического лица. Отклоняя такие доводы, суды, как правило, ссылаются на чрезмерно пассивное поведение ответчика на стадии, предшествовавшей заключению договора купли-продажи квартиры, расценивая подобную позицию как проявление неосмотрительности и недостаточной проверки юридической чистоты сделки [8]. Также можно прийти к выводу о том, что наличие добросовестности не может быть основанием для отказа в удовлетворении иска, так как спорная квартира выбыла из владения государства против его воли, что является первоосновой [9].

Указанные судебные позиции во многом развивали и закрепляли подходы, неоднократно сформулированные

Конституционным Судом Российской Федерации. В его решениях приоритет неизменно отдавался защите права собственника, чьё имущество выбыло из владения помимо его воли. При этом права добросовестного приобретателя, пусть и действовавшего в рамках закона, рассматривались как второстепенные и подлежащие ограничению в целях восстановления нарушенного права первоначального собственника [3]. К тому же, КС РФ не считал необходимым осуществлять дифференциацию правового статуса участников жилищного спора, поскольку частноправовые отношения не допускают привилегии для кого-либо, а строятся на основе равноправия сторон [4].

В свою очередь, мы полагаем, что указанные судебные подходы не соответствуют конституционному принципу справедливости, хотя бы, потому что действующее жилищное и гражданское законодательство не предусматривает эффективного компенсационного механизма, которым бы мог воспользоваться добросовестный приобретатель, пострадавший от противоправных участников оборота для оперативного восстановления своих жилищных прав. Формально защита добросовестного приобретателя предусмотрена частью 2 статьи 302 ГК РФ, однако Верховный Суд Российской Федерации существенно повысил планку требований к добросовестности [5]. ВС РФ обязывает нижестоящие инстанции оценивать поведение покупателя недвижимости в комплексе, требуя не только совершения формальных юридических действий, но и проявления максимальной осмотрительности: наведение справок о продавце, опрос соседей, многократный осмотр объекта, изучение истории квартиры и иные доступные способы проверки. Фактически добросовест-

ность превращается из презумпции в трудно достижимый стандарт всесторонней заботливости и активного противодействия возможному мошенничеству [6]. В данной ситуации, принимая во внимание актуальную судебную практику, мы можем утверждать, что, в настоящее время, для добросовестного приобретателя отсутствуют механизмы правовой защиты в российской судебной системе и практике применения положений части 2 ст. 302 ГК РФ.

Конечно же, указанные позиции, отражающие неэффективность работы правовых функций легалитета в российской регистрационной системы, не могли вовсе остаться незамеченными во внутреннем правопорядке. В 2017 году, КС РФ впервые прямо указал, что при рассмотрении жилищных споров между публичным образованием и частным лицом, допустимо отступление в равноправии участников отношении в том плане, когда судомдается оценка их действия и решениям, предшествующим спору. По мнению Суда, неиспользование всего арсенала

полномочий, имеющегося у государства при контроле за выморочным имуществом, не должно быть компенсировано за счет частных лиц — покупателей квартир, которые приобрели собственность на основании взаимоуважительных сделок. При этом, по мнению КС РФ, публичный интерес и целевой мотив использования квартир, предоставляемых в качестве социального жилья для нуждающихся лиц, может быть удовлетворен за счет иных жилых помещений, входящих в жилищный фонд [2].

Таким образом, текущая практика применения ч. 1 ст. 302 ГК РФ фактически лишает добросовестного приобретателя защиты, превращая добросовестность в недостижимый стандарт. Приоритет публичного собственника нарушает баланс интересов, равенство сторон и право на жилище. Без компенсационного механизма требуется пересмотр подходов ВС РФ с учётом позиции КС РФ 2017 года и европейских стандартов, чтобы бремя ошибок государства не ложилось на граждан.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — N 32. — Ст. 3301.
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2017 года № 16 — П «По делу о проверке о проверке конституционности положении части первой статьи 302 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Дубовца Александра Александровича» // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.12.2025).
- Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.11.2010 года № 1474 — О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рябцевой Зинаиды Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 302 ГК РФ» // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.12.2025).
- Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 года № 1510 — О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Просвирова Павла Васильевича и Просвировой Людмилы Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статей 301 и 302 ГК РФ» // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.12.2025).
- Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2018 по делу № 305-ЭС17-13675, № А41-103283/2015 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.12.2025).
- Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — N 5.
- Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30.08.2015 года по делу № 33-18613/2015 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.12.2025).
- Апелляционное определение Московского городского суда от 23.12.2013 года по делу № 33-16444/2013 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.12.2025).
- Апелляционное определение Московского городского суда от 17.03.2015 года по делу № 33-20094/2015 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.12.2025).
- Решение Бассманного районного суда г. Москвы от 14.10.2015 года по делу № 1-7754/2015 // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.12.2025).

К вопросу о совершенствовании норм об ученическом договоре

Горшкова Алена Александровна, студент

Научный руководитель: Лукьянова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье автором исследованы проблемные аспекты ученического договора, а также проведен анализ действующих норм трудового законодательства в сравнении с разработанным Министром проекта о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации. На основании анализа выявлены положительные аспекты и недостатки законопроекта, обоснована необходимость принятия или отклонения данного законопроекта с учетом последствий для правоприменения.

Ключевые слова: трудовое право, ученический договор, работодатель, ученик, лицо, ищущее работу, квалификация.

Обращение к институту ученического договора имеет свою актуальность в том, что не разрешены многие теоретические и практические проблемы, в том числе касающиеся природы ученического договора, его форм, порядка и процедуры исполнения. Имеют место также законодательные недоработки относительно указанного договора. Поэтому обозначенные проблемы требуют незамедлительного разрешения для создания единобразной правоприменимой практики и твердой научной основы для дальнейших теоретических исследований.

Возрастающая роль ученического договора в трудо-правовых отношениях как средства получения новой специальности необходимой для выполнения трудовой функции требует проведения комплексной политики по повышению эффективности данной разновидности договора, в том числе посредством внесения изменений в действующее трудовое законодательство.

Государство предпринимает попытки модернизации трудового законодательства, учитывая современные реалии, многие изменения, внесенные в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ) [1] обусловлены изменением общественных отношений и политики в стране. В настоящее время назрела необходимость изменения ученических отношений и ученического договора, выступающего основанием для их установления, путем совершенствования законодательной основы [4, с. 112]. Важно это и потому, что данный вопрос входит в предмет трудового права.

В рамках данного вопроса наиболее верным представляется обращение к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — Проект) [2].

В Проекте отражены изменения нескольких статей Главы 32 ТК РФ. Рассмотрим их более подробно для уяснения сущности изменений, причин, вызвавших их, а также положительных или отрицательных аспектах положений Проекта.

Первое, на что следует обратить внимание, это совсем иная редакция ст. 198 ТК РФ, которая содержит понятие ученического договора «Ученический договор — соглашение между работодателем и работником или лицом, ищущим работу, в соответствии с которым работодатель

обязуется направить за свой счет работника или лицо, ищущее работу, на обучение для освоения основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения, дополнительных образовательных программ и иных программ, подготовка по которым предусмотрена законодательством Российской Федерации, а работник или лицо, ищущее работу, обязуется пройти обучение и в соответствии с полученной квалификацией (освоенными знаниями, умениями, навыками и компетенциями) отработать по трудовому договору у данного работодателя в течение срока, установленного в ученическом договоре в случае заключения трудового договора». В действующей редакции вовсе отсутствует понятие ученического договора, что вызывает дискуссии в научных кругах.

Стоит отметить, что разработанное определение имеет следующие важные положения:

- 1) указывает на правовой характер ученического договора как соглашения;
- 2) содержит указание на конкретный субъектных состав, где на стороне работодателя могут выступать как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели (абз. 2 ст. 198 Проекта). В действующей редакции ст. 198 ТК РФ на стороне работодателя может выступать только юридическое лицо.

Также примечательно, что учениками могут быть работники, что в таком случае свидетельствует о трудовой природе договора, так и лица, ищущие работу. Что касается лиц, ищущих работу, то в сравнении с действующими нормами, Проект предусматривает регулирование таких ученических отношений не только нормами трудового законодательства, но и гражданского, тем самым, признавая гражданско-правовую природу указанного договора;

- 3) содержит отличный от действующего закона предмет ученического договора. Так, если действующая редакция ст. 198 и ст. 199 ТК РФ предусматривают, что ученический договор заключается в связи с получением образования, о чем в договоре необходимо сделать отметку, в частности указать конкретную квалификацию, которую приобретает ученик. В редакции Проекта (абз. 1 ст. 198) раскрывается перечень образовательных программ, по которым ученик получает квалификацию,

причем их перечень остается открытым. К ним отнесены: основные профессиональные образовательные программы, основные программы профессионального обучения, дополнительные образовательные программы и иные программы.

Новеллой Проекта выступает положение о заключении ученического договора с лицом, обучающимся по образовательной программе и ищущим работу. В таком случае работодателем не принимается на себя обязательство о направлении данного лица на обучение.

Изменению подлежит также ст. 199 ТК РФ, предусматривающая содержание ученического договора. В данном случае изменения касаются предмета договора, который должен содержать не только указание на конкретную приобретаемую квалификацию, но и освоенные знания, умения, навыки и компетенции. Также законодатель предлагает альтернативу — указать наименование (вид) программы, указанной в части первой статьи 198 Проекта. При этом факультативным содержательным положением выступает указание на форму обучения.

В число обязанностей работодателя включено условие, согласно которому, в случае успешного завершения ученичества, работодатель заключить трудовой договор (дополнительное соглашение к трудовому договору, в случае изменения его условий) с учеником в соответствии с полученной им квалификацией (освоенными знаниями, умениями, навыками и компетенциями), с определенными сторонами условиями оплаты труда, с соблюдением иных условий, предусмотренных трудовым законодательством и нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, и (при необходимости) условия, при которых эта обязанность вступает в силу. Действующая редакция ст. 199 ТК РФ данной обязанности не предусматривает, в связи с чем работодатель самостоятельно разрешает вопрос в связи с производственной необходимостью, наличием вакантных должностей и другими условиями и причинами, о заключении трудового договора или отсутствии такой необходимости. Представляется, что в случае принятия Проекта работодатель должен с особой осторожностью и при наличии только острой необходимости заключать ученический договор, так как по его условиям работодатель будет обязан заключить трудовой договор с лицом, получившим квалификацию. Несовершенство данной нормы видится в отсутствии уважительных причин, по которым работодатель не сможет исполнить данную обязанность.

Особого внимания заслуживает положение об указании в ученическом договоре «условия о возврате стипендии, иных средств, потраченных работодателем в связи с ученичеством, в случае неисполнения обязательств учеником по ученическому договору» как важном аспекте неисполнения обязательств ученического договора в диспозитивном порядке.

Изменения, предусмотренные в Проекте, коснулись оплаты ученического договора, одним из которых высту-

пило положение о разграничении оплаты ученического договора без отрыва от работы и с отрывом. Так, если обучение проходит с отрывом от работы, то «в период ученичества выплачивается средняя заработка плата».

Также свое законодательное регулирование приобрели отношения по оплате периода прохождения практики с лицом, ищущим работу. Так, «с лицом, ищущим работу, на период прохождения практики заключается срочный трудовой договор» (абз. 4 ст. 204 Проекта).

Проектом установлены дополнительные основания ответственности ученика при невыполнении условий ученического договора, в частности конкретизирована ситуация, когда ученик расторгает трудовой до истечения срока, указанного в ученическом договоре. Данное положение позволяет привести практику к единообразному.

Так, например, истец ОАО «РЖД» обратился с иском к ответчику с требованием о взыскании задолженности по ученическому договору на основании того, что между истцом и ответчиком был заключен трудовой договор, по которому ответчик был принят на должность электромеханика по автоматике и технологическому приборостроению. После прохождения полного обучения он обязался проработать у работодателя не менее трех лет.

После полного обучения ответчик в соответствии с некоторыми пунктами соглашения брал на себя обязательство возместить работодателю фактически понесенные расходы на его обучение. В дальнейшем трудовой договор с ответчиком был расторгнут по личному заявлению ответчика. Истец просит суд взыскать с ответчика задолженность и расходы по уплате государственной пошлины.

Ответчик, в свою очередь, сослался на то, что ни ученический договор, ни дополнительное соглашение, подписанное сторонами, обязанность работника возместить затраты, понесенные работодателем по обучению работника, при увольнении ранее установленного срока по соглашению сторон не предусматривают. Соглашение о расторжении трудового договора по п. 1 ч. 1 ст. 77 ТК РФ не включало условия об обязанности работника возместить работодателю расходы на его обучение, сумма задолженности на момент заключения соглашения работодателем не определена и в соглашении не указана, при расчете с ответчиком никаких сумм в погашение задолженностидержано не было. Ответчик также указал, что, по его мнению, расчет задолженности противоречит представленным документам. Помимо этого, выплата суточных — это гарантия работникам, которых работодатель направил для повышения квалификации. Являясь гарантией, они не могут быть отнесены к расходам, понесенным работодателем для обучения работника. Инициативу по обучению проявил работодатель, т. к. он был заинтересован в получении ответчиком образовательных услуг. Ответчик просит в иске отказать в полном объеме.

Суд решил в удовлетворении исковых требований к ответчику о взыскании задолженности по ученическому договору отказать в полном объеме, руководствуясь ст.

194–199 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [3].

Анализ положений Проекта позволяет сделать вывод о том, что ученический договор приобретает большую самостоятельность от трудового договора и является самостоятельным соглашением, определяющим отношения ученичества. Данное утверждение в большей степени относится к ученическому договору, заключаемому с лицом, ищущим работу, так как помимо трудового законодательства, ученические отношения регулируются гражданским, что делает данные правоотношения межотраслевыми.

Таким образом, разработанный Проект Минюстом о внесении изменений в трудовое законодательство в отношении ученического договора имеет противоречивый характер. С одной стороны, положения Проекта разрешают давно существующие в теории и практике проблемы, в частности отсутствие понятия ученического, его юридическая природа, особенности ответственности, а с другой, созданы новые проблемы, в том числе касающиеся двойственной природы ученического договора (трудоправовой при заключении договора с работником, и межотраслевой при заключении договора с лицом, ищущим работу).

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202502/10/iddoc_290428_idnews_60065_UD_eqTqrhs_dEi.pdf (дата обращения: 11.12.2025).
3. Решение Бородинского городского суда Красноярского края № 2-93/2020 2-93/2020 М-6/2020 М-6/2020 от 28 февраля 2020 г. по делу № 2-93/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sNjkE2MWp5Yv/> (дата обращения: 11.12.2025).
4. Голобородько А. В., Павлов О. С. Некоторые проблемы ученического договора на современном этапе // Вестник экономики и права. 2021. № 55. С. 110–122.

Международно-правовое сотрудничество России и Турции в сфере охраны окружающей среды Черного моря

Долженкова Ольга Сергеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В течение многих десятилетий продолжают оставаться актуальными исследования в области охраны морской среды Черного моря. Негативным последствием развитой хозяйственной деятельности в этом регионе становятся экологические нарушения в акватории этого моря. В настоящей статье проводится характеристика международно-правового сотрудничества России и Турции в целях защиты акватории Черного моря от загрязнения. Аргументируется потребность выработки новых правовых механизмов международного сотрудничества в данной области.

Ключевые слова: Черное море, охрана морской среды, международное сотрудничество.

Начиная со второй половины XX в. в акватории Черного моря хозяйственная деятельность осуществляется с достаточной степенью активности: в частности, реализуются гидротехнические и энергетические проекты, активными становятся транспортные морские перевозки. Всё это негативным образом оказывается на экосистеме Черного моря. Значительный вред морским экосистемам наносится из-за действующих газовых и нефтяных платформ, разведывательного бурения на шельфе, аварий и катастроф морских судов и авиации, отходов военно-морских баз, морских судов, городов, применения химических веществ в сельском хозяйстве, эвтрофикации, выбросов твердых бытовых отходов и др. [7].

Кроме антропогенных причин выхода черноморской экосистемы из состояния равновесия, не последнее зна-

чение для экосистемы имеют и глобальные природные механизмы, связанные с долгопериодными климатическими изменениями сировости зим, теплового фона моря, характера атмосферных переносов над морем, водности рек и др.

Устаревшие очистительные сооружения не могут в полной мере обеспечить фильтрацию выбросов в акваторию, следствием становится попадание в море множества таких ядовитых веществ, как ртуть, свинец, никель, цинк, цианиды. Они приводят к гибели морских существ, что, в свою очередь, подпитывает лежащий на глубине ниже 100 метров сероводородный слой, уровень которого неизменно повышается, а где-то даже выходит на поверхность [5].

Все эти факторы несут большую угрозу в связи с естественным природным строением Черного моря, которое

является замкнутой акваторией. Несмотря на значительный запас знаний, накопленных к настоящему моменту наукой по вопросам состояния черноморской экосистемы, этих знаний не всегда оказывается достаточно для адекватного долгосрочного прогнозирования будущего экологического потенциала Черного моря [8]. Периодические обстоятельства послужили толчком к созданию международно-правовых механизмов по защите акватории Черного моря.

Основным документом общего характера, в котором определена основная терминология и порядок совместного и суверенного использования морских территорий, является Конвенция ООН по морскому праву (далее — Конвенция по морскому праву) [1]. Ценность данного международного документа в том, что, помимо общих правил, он установил определенные правовые возможности для национальных экологических политик: статья 211 Конвенции по морскому праву в определенных случаях разрешает государствам-участникам, действуя через компетентную международную организацию или общую дипломатическую конференцию, устанавливать международные нормы и стандарты для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды. В пункте 6 этой же статьи отмечено, что прибрежное государство может принять в отношении отдельных районов специальные законы и правила, осуществляя такие международные нормы и стандарты или практику мореплавания, которые признаются применимыми к особым районам.

Примером особого района является Черное море. Такой статус был присвоен принятой под эгидой Международной морской организации Конвенцией МАРПОЛ 73/78, в которой под особым районом понимается морской район, где по признанным техническим причинам, относящимся к его океанографическим и экологическим условиям и специфике судоходства, по нему необходимо принятие особых обязательных методов предотвращения загрязнения моря нефтью [2].

Конвенция наделяет Черное море статусом особого района, предусматривающим специальный природоохраненный режим, однако прибрежные государства не получают особые полномочия по контролю в отношении иностранных морских судов. В рамках указанной Конвенции каждое прибрежное государство вправе принимать дополнительные законы и правила, направленные на предотвращение загрязнения с судов.

Таким образом, в силу сразу двух универсальных конвенций черноморские государства имеют возможность коллективными усилиями в сотрудничестве с международной организацией установить в отношении использования Черного моря особые экологические стандарты, отражающие природные и техногенные особенности данного регионального моря.

Русско-турецкие отношения в сфере охраны морской среды строятся на основе Конвенции о защите Черного моря от загрязнений от 21 апреля 1992 г. (далее — Бухарестская конвенция) [3], участниками которой являются, наряду с Россией и Турцией, Болгария, Грузия, Румыния и Украина.

Государства — участники Бухарестской конвенции исходили прежде всего из естественных и антропогенных особенностей Черного моря, что подтверждает преамбула, где указано, что Черное море характеризуется особыми гидрологическими и экологическими условиями, а также чувствительной к изменению температуры и состава морской воды флорой и фауной.

К перечню вопросов, рассмотренных в Бухарестской конвенции, относятся совместная деятельность государств-участников, а также выработка и реализация всех необходимых мер согласно международному законодательству в целях охраны и защиты черноморского региона от загрязнения и сохранения его морской среды и обитателей.

В данном документе указан перечень веществ, по которым страны-участницы должны договариваться относительно их сброса, чтобы не нарушать естественного баланса во флоре данного моря (ст. 6–13). Конвенция предусматривает, что государства-участники сами правомочны устанавливать виды и размер ответственности за причиненный ущерб своей акватории в пределах суверенных границ в отношении как физических, так и юридических лиц (ст. 16).

В Бухарестской конвенции зафиксировано положение о создании Комиссии по защите морской среды Черного моря от загрязнения, которая осуществляет контроль за исполнением Конвенции подписавшими ее государствами (ст. 17–18). Каждое государство делегирует в Комиссию своего представителя, который может иметь заместителя и эксперта. Комиссия собирается один раз в год. Председательствующий Комиссии меняется каждый год согласно алфавитному порядку ее участников. Председательствующий не может одновременно исполнять роль представителя своей страны. Тогда решения по поставленным вопросам принимаются единогласно. Постоянно действующим органом Комиссии является секретариат, штаб-квартира которого находится в Стамбуле.

В последней опубликованной программе Комиссии среди задач можно выделить следующие: расширение сотрудничества с соответствующими международными организациями, некоммерческими организациями и научным сообществом, реализация проектов с новыми партнерами и обеспечение устойчивости их результатов, внедрение интегрированной программы мониторинга и оценки состояния окружающей среды Черного моря. Экологическим аспектом судоходства в Комиссии занимается консультативная группа, которая также рассматривает реализацию программы, вопросы уменьшения мусора, загрязнения с судов и проведения учений.

Анализируя содержание Бухарестской конвенции, можно отметить, что в ней изначально указано особое значение Черного моря как курортной зоны. В Конвенции учитываются гидрологические и экологические условия

водоема, поскольку фауна Черного моря сразу реагирует на их изменение. Стороны, подписавшие Бухарестскую конвенцию, договорились единолично или совместно с другими государствами принимать участие в решении вопросов экологической безопасности Черного моря и исполнении протоколов, принимаемых по вопросам в рамках исполнения Конвенции.

Бухарестская конвенция содержит четыре протокола:

- Протокол о защите морской среды Черного моря от загрязнения из наземных источников;
- Протокол о сотрудничестве в борьбе с загрязнением морской среды Черного моря нефтью и другими вредными веществами в чрезвычайных ситуациях;
- Протокол о защите морской среды Черного моря от загрязнения, вызванного захоронением;
- Протокол о сохранении биоразнообразия и ландшафтов Черного моря, включающий «Список видов, важных для Черного моря» (2002 г.).

Бухарестская конвенция содержит общие нормы, принятые в международной практике в рамках защиты морских акваторий, но ее положения фактически не направлены на решение определенных вопросов, которые существуют только в акватории Черного моря. Эта Конвенция призвана регулировать широкий круг вопросов, связанных с улучшением экологической обстановки Черноморского бассейна. Однако документ не учитывает локальных проблем Черного моря и требует внесения изменений.

Так, необходимо усилить «международно-правовое влияние при формировании национальных экологических стандартов» [6], реализацию ответственности на национальном и межгосударственном уровнях при их несоблюдении. Документ не распространяется на страны, не подписавшие его, но ведущие деятельность в исключительной экономической зоне, что не способствует решению экологических проблем региона. Рамочные соглашения о предотвращении нанесения и компенсации экологического ущерба акватории иностранными судами являются недостаточными. Замкнутость Черного моря указывает на то, что государства-участники должны пересмотреть механизмы привлечения к ответственности за ведение недобросовестной хозяйственной деятельности в регионе.

Стороны Бухарестской конвенции принимают все меры по защите моря в рамках своей территории при осуществлении деятельности, связанной с судоходством, однако в территории исключительной экономической зоны данный контроль ослабевает, что может причинить значимый ущерб от деятельности иностранных судов.

Таким образом, задачей стран — участниц этого международного договора является создание единого акта по правовому регулированию, нормы которого распространялись бы на другие государства, границы которых проходят через территориальные воды стран-участниц.

Существенно повысить степень защиты морской среды, способствовать скорейшему достижению целей,

прописанных в универсальных и региональных документах, и тем самым стать решением данной проблемы может интеграция действующих в национальном и международном праве стандартов судоходства и распространение их на исключительные экономические зоны государств Черного моря [9].

Поскольку в настоящее время в отношении данной акватории каждая страна принимает свои ограничения и запреты, основываясь на общих нормах, нормы действуют отдельно, а не комплексно. Это ведет к загрязнению определенных участков, что ввиду замкнутости акватории вызывает загрязнение моря в целом. Безусловно, при разнообразии правовых режимов это создает сложности для иностранных судов.

Важно дополнительно подчеркнуть, что международное право в данном случае дает возможность государствам особого района сформировать единый международно-правовой акт, который до настоящего времени не обсуждался прибрежными странами. С учетом того, что основной экологической проблемой Черного моря является экологическое состояние рек, впадающих в него, законодательство должно быть комплексно проработано не только с прибрежными странами, но и со странами, по территории которых протекают соответствующие реки, иначе принятые меры защиты будут бессмысленными.

Анализ практики применения норм и положений Бухарестской Конвенции приводит к выводу о необходимости существенного изменения ее положений. Основной смысл таких изменений должен заключаться, как представляется, в усилении международно-правового влияния на формирование национальных экологических норм и стандартов, а также создании четкого механизма реализации международной и внутригосударственной ответственности в случае нарушения экологических норм [5; 9].

Подобный подход позволил бы отразить специфику черноморского морского бассейна и сформировать региональные процедуры, необходимые для установления и соблюдения экологических стандартов.

Думается, что еще одной значимой проблемой, связанной с действующими экологическими стандартами на Черноморской акватории, является распространение норм Бухарестской Конвенции исключительно на территориальное море причерноморских государств. На сегодняшний день отсутствует надлежащая правовая основа для борьбы с загрязнением морской среды с судов государств, не являющихся участниками Бухарестской Конвенции, в исключительной экономической зоне. Таким образом, основной задачей для охраны Черноморской акватории является тесное сотрудничество причерноморских государств для создания экологически-правовых норм, действие которых распространялось бы не только на внутренние воды и территориальное море, но и за их пределы. Особые условия экосистемы Черного моря вызывают необходимость предусмотреть более жесткие стандарты хозяйственной деятельности в регионах приморских государств.

Таким образом, эффективность международно-правового сотрудничества России и Турции в сфере охраны морской среды Черного моря определяется наличием действенной правовой базы. Ее основной задачей должен быть комплексный подход. Нормы, правила и порядок их реализации должны обеспечивать не только охрану окружающей среды, но и безопасность людей и устранение техногенных катастроф.

Кроме того, они «не должны создавать препятствий хозяйственной деятельности человека и соответственно социально-экономическому развитию» [8]. В соответствии с этим международно-правовое сотрудничество России и Турции в сфере охраны морской среды Черного моря должно предусматривать меры международного, национального и внутригосударственного уровня.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10.12.1982 г. // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 48. — Ст. 5493.
2. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов от 1973 года, измененная Протоколом 1978 года к ней (МАРПОЛ 73/78) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201711280024>
3. Конвенции о защите Черного моря от загрязнений от 21 апреля 1992 г. (текст Конвенции официально опубликован не был). — URL: <https://base.garant.ru/1148132/?ysclid=mj09fxq6es49433246>
4. Бекяшев Д. К., Ашуба Д. Б. Актуальные проблемы международно-правового регулирования экологической безопасности Черного моря // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 11 (144). — С. 160–168.
5. Валиуллина К. Б. Международно-правовая охрана и защита Мирового океана от загрязнения: дис. канд. юрид. наук. — Казань, 2018. — 250 с.
6. Салимгерей А. А. Международно-правовое регулирование экологического сотрудничества причерноморских государств // Вестник КазНУ. — 2011. — № 3 (59). — С. 158–163.
7. Скаридов А. С. Морское право в 2 т. Том 2. Международное морское коммерческое право: учебник. — Москва : Юрайт, 2020. — 225 с.
8. Чайка В. Н., Киреева А. С. Правовое регулирование экологической безопасности на море // Приоритетные направления развития науки и образования: сборник статей X Международной научно-практической конференции, г. Пенза, 20 января 2020 г.: в 2 ч. — Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. — С. 85–90.
9. Чумаченко В. А. Современные правовые проблемы международного сотрудничества в области защиты и сохранения морской среды от загрязнения и пути их преодоления // Океанский менеджмент. — 2020. — № 2 (7). — С. 57–59.

Актуальные проблемы при организации контрольных (надзорных) и профилактических мероприятий и возбуждении дел об административных правонарушениях при осуществлении государственного экологического контроля (надзора)

Дудиловская Ирина Валентиновна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Дудиловская Маргарита Алексеевна, студент магистратуры
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В Российской Федерации осуществляются федеральный государственный экологический и региональный государственный экологический контроль (надзор) (далее — ФГЭН и РГЭН).

Организация и осуществление указанного надзора регулируется Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [1] с учётом положений Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [3] (далее — Закон № 7-ФЗ)

и проводится, в том числе в отношении объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (далее — объекты ОНВОС).

Объекты ОНВОС в зависимости от уровня воздействия на окружающую среду подразделяются на 4 категории:

- объекты I категории оказывают значительное негативное воздействие;
- объекты II категории (умеренное негативное воздействие);

- объекты III категории (незначительное негативное воздействие);
- объекты IV категории (минимальное негативное воздействие).

В отношении объектов I категории осуществляется только ФГЭН.

Критерии отнесения объектов ОНВОС, к объектам I, II, III и IV категорий, утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2398 [4].

Присвоение объекту ОНВОС соответствующей категории и уровня надзора (ФГЭН или РГЭН) осуществляется при его постановке на государственный учёт.

Для постановки на государственный учёт объекта ОНВОС юридическое лицо или индивидуальный предприниматель не позднее чем в течение шести месяцев со дня начала его эксплуатации подаёт заявку о постановке на государственный учёт (далее — заявка), то есть при постановке на учёт производится самодекларированием. При этом следует заметить, что с 01.09.2024 вступил в силу Федеральный закон от 25.12.2023 № 622-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», внёсший изменения в статью 69.2 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [3] и исключивший обязанность по постановке на учёт объектов ОНВОС IV категории. В связи с чем, в настоящее время возникают проблемы с определением уровня надзора, так как контролируемое лицо может эксплуатировать объект ОНВОС IV категории, подлежащий ФГЭН, и в силу пункта 4 статьи 65 Закона № 7-ФЗ [3] в отношении всех объектов ОНВОС такого лица и в отношении такого лица осуществляется ФГЭН. Однако в связи с отсутствием обязанности у контролируемого лица подавать заявку о постановке на учёт объекта ОНВОС IV категории, возможно неправильное отнесение объекта ОНВОС к уровню надзора.

Кроме того, проверить достоверность представленных в заявке сведений возможно только при посещении объекта ОНВОС в рамках профилактического визита или контрольного (надзорного) мероприятия. При отсутствии достоверной информации объекту ОНВОС может быть присвоена неправильная категория, что приведёт к нарушению обязательных требований контролируемым лицом, так как обязательные требования в области охраны окружающей среды дифференцируются в зависимости от категории объекта.

Так, например:

- объекты I категории получают комплексное экологическое разрешение и представляют отчёт об организации и осуществлению производственного экологического контроля (далее — Отчет ПЭК);
- объекты II категории — предоставляют декларации о воздействии на окружающую среду и Отчеты ПЭК;
- объекты III категории — представляют Отчеты ПЭК.

Следует отметить, что от категории объекта ОНВОС зависит присваиваемая объекту контрольным (надзорным) органом (далее — КНО) категория риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, которая определяет периодичность плановых КНМ и обязательных профилактических визитов.

Наибольшую проблему для организации профилактических визитов и внеплановых КНМ представляют объекты ОНВОС II-III категории, которые не состоят на государственном учёте, а следовательно, не соблюдают обязательные требования в области охраны окружающей среды. КНО просто не располагают информацией о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, эксплуатирующих такие объекты.

С некоторой долей тревоги можно отметить и факты изменений действующего законодательства, направленные на смягчение административных барьеров и либерализацию административной ответственности за совершение административных правонарушений.

25.07.2022 вступили в силу изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, которыми предусмотрено, что дело об административном правонарушении, выражаемое в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля, не может быть возбуждено без проведения контрольного (надзорного) мероприятия, проверки и оформления акта по результатам такого мероприятия со взаимодействием с контролируемым лицом, проверки (за исключением случаев применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде временного запрета деятельности, изъятия вещей и документов либо ареста товаров, транспортных средств и иных вещей).

Вместе с тем, указанные положения не позволяют органам, осуществляющим государственный контроль (надзор), муниципальный контроль, при осуществлении отдельных видов контроля (надзора) в силу их специфики эффективно, оперативно и в полном объёме принять предусмотренные законодательством меры по прекращению нарушений, сбору и закреплению доказательной базы, установлению и привлечению к административной ответственности лиц, виновных в нарушении обязательных требований.

Кроме того, изменения не позволят выявлять и прекратить нарушения, совершаемых лицами, которые неизвестны органам, осуществляющим государственный контроль (надзор), муниципальный контроль, привлекать к административной ответственности, так как в подавляющем числе случаев только в рамках производства по делам об административных правонарушениях возможно установить лицо, нарушающее обязательные требования.

Таким образом, необходимость возбуждения дел об административных правонарушениях без проведения контрольных (надзорных) мероприятий обусловлено спецификой отдельных правонарушений, которые требуют

незамедлительного принятия мер для фиксации и закрепления доказательств при отсутствии информации о лицах, допускающих нарушения.

Для установления и привлечения к ответственности лиц, виновных в организации несанкционированных свалок отходов, а также в загрязнении компонентов природной среды (водных объектов, атмосферного воздуха и т. д.), до 25.07.2022 проводились административные расследования. Практически всегда при осуществлении процессуальных действий, связанных с осмотрами места совершения правонарушений (осмотре несанкционированных свалок) и отборами проб требуется содействие правоохранительных органов в связи с деятельным сопротивлением правонарушителей. Следует отметить, что по материалам, полученным при проведении административных расследований по фактам организации несанкционированных свалок отходов и сбросе отходов, в том

числе высоких классов опасности, возбуждаются уголовные дела.

Безусловно, в современных реалиях необходимо принятие нормативных правовых актов, которые направлены на смягчение административных барьеров и либерализацию административной ответственности за совершение административных правонарушений в области предпринимательской деятельности.

Однако необходимо разрабатывать и принимать такие нормативные правовые акты с учётом всех обстоятельств объективной реальности, окружающей нас. Следует учитывать, что далеко не все субъекты предпринимательской деятельности, либо лица, которые вообще не субъекты предпринимательской деятельности, являются добросовестными лицами, которые соблюдают обязательные требования материального характера, в том числе в области окружающей среды.

Литература:

1. Федеральный закон № 248-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения 04.11.2025).
2. Федеральный закон № 195-ФЗ от 30 декабря 2001 г. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 04.11.2025).
3. Федеральный закон № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения 04.11.2025).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2398 [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373399/ (дата обращения 04.11.2025).
5. Постановление Правительства РФ от 07.05.2022 № 830 «Об утверждении Правил создания и ведения государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416683/00de1c265f0e0b5dc40d335e49d0213eccac45af/ (дата обращения 04.11.2025).

Задержание подозреваемых при расследовании незаконного сбыта наркотических средств: правовые основания и тактика следственных действий

Иванова Ксения Сергеевна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье рассматриваются правовые основания и тактические особенности задержания лиц, подозреваемых в незаконном сбыте наркотических средств. Анализируются процессуальные нормы УПК РФ, практические аспекты проведения задержания, сопутствующих следственных действий (обыск, освидетельствование, допрос) и назначения экспертиз. Особое внимание уделено специфике расследования бесконтактного сбыта наркотиков с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: задержание, незаконный сбыт наркотиков, ст. 91 УПК РФ, следственные действия, обыск, освидетельствование, экспертизы, цифровые доказательства.

Задержание подозреваемого в совершении преступления — один из наиболее значимых этапов предварительного расследования, наполненный потенциальными

доказательствами. Правовая основа данного процессуального действия закреплена в ст. 91 УПК РФ [1], которая предусматривает три базовых основания для задержания:

обнаружение на лице следов преступления; задержание в момент или непосредственно после совершения преступления; наличие свидетельских указаний на причастность лица к преступлению.

При отсутствии этих условий задержание признаётся незаконным. Однако ч. 2 ст. 91 УПК РФ [1] устанавливает исключительные основания, позволяющие задержать лицо даже при отсутствии прямых доказательств: если у него нет постоянного места жительства, оно пытается скрыться, его личность не установлена либо если следователь (с согласия руководителя следственного органа) или дознаватель (с согласия прокурора) направил в суд ходатайство об избрании меры пресечения.

В контексте незаконного оборота наркотиков задержание с поличным приобретает особую значимость. Оно не только способствует изобличению преступника, но и обеспечивает изъятие наркотических средств — ключевого элемента для возбуждения уголовного дела. На практике доказать факт наркопреступления без физического изъятия вещества крайне сложно [4].

Тактика задержания требует тщательной подготовки. Первостепенное значение имеет внезапность — без неё высока вероятность уничтожения доказательств как самим подозреваемым, так и его сообщниками. Эффективность мероприятия напрямую зависит от профессионализма оперативных сотрудников: их информированности о деталях преступления, способности прогнозировать поведение подозреваемого и оперативно реагировать на возможные эксцессы.

Важным этапом после задержания является личный обыск. Сбытчики наркотиков часто прибегают к изощрённым способам сокрытия запрещённых веществ: вшивают свёртки в одежду, используют потайные карманы. Нередко применяется тактика отвлечения внимания — демонстрация небольшой партии наркотиков «на виду» при одновременном сокрытии крупной партии в тайнике. Это может маскироваться под мелкое административное правонарушение или простой сбыт без квалифицирующих признаков (например, ч. 3 ст. 228.1 УК РФ — сбыт в значительном размере).

Существенное доказательственное значение при обыске имеют записи со схемами закладок, записи с координатами тайников и иные рукописные материалы. Они могут стать основой для почерковедческой экспертизы, позволяющей выйти на других участников преступной цепи [6].

Освидетельствование проводится с обязательным участием врача. Врач устанавливает факт употребления наркотических средств; фиксирует особые приметы и следы преступления; берет смывы с ладоней.

Полученные образцы надлежащим образом упаковываются и направляются на сравнительное исследование. При этом необходимо учитывать попытки подозреваемых уничтожить следы — например, вытирая ладони об одежду или умываясь в туалете.

При обыске по месту жительства подозреваемого изымаются: наркотические средства; орудия преступления

(SIMкарты, компьютеры, оборудование для фасовки); банковские карты; рукописные записи (включая схемы закладок); фасовочные материалы; чеки и квитанции, подтверждающие оплату наркотиков; информация, указывающая на использование телекоммуникационных технологий (переписка, паспортные данные, номера телефонов и счетов).

Особое внимание уделяется работе с компьютерной техникой. Необходимо: запретить прикосновение к оборудованию лицам на объекте обыска; корректно завершить работу программ перед отключением питания (при возможности); зафиксировать пароли и ключи доступа; изъять всю технику, потенциально содержащую информацию; исключить воздействие сильных магнитных полей; изъять бумажные носители с записями паролей и инструкций [4].

Изъятие осуществляется с участием понятых, с фиксацией действий в протоколе. Техника упаковывается с мерами по предотвращению разукомплектования и повреждения носителей информации.

Допрос подозреваемого проводится с учётом объёма имеющейся информации. Распространён метод «свободного рассказа», позволяющий: установить психологический контакт; получить дополнительные сведения через вербальные и невербальные сигналы.

При допросе выясняются: местонахождение подозреваемого в период использования электронных систем; каналы связи с соучастниками; способы расчётов и получения инструкций.

Неотложные действия включают: запрос детализации соединений у операторов связи (с указанием базовых станций и IMEI-номеров); получение сведений о денежных переводах на счета абонентов, использованных преступной группой.

Для установления ключевых фактов назначаются различные экспертизы: комплексная химикофармакологическая — определяет природу и массу изъятого вещества; судебномедицинская и судебнопсихиатрическая — устанавливает факт наркомании, состояние психического здоровья и наркотического опьянения; судебнокомпьютерная — анализирует информацию на электронных носителях, следы интернетактивности, PIN и PUK-коды SIM-карт; лингвистическая — выявляет шифры и коды в переписке преступников; фонографическая — сравнивает образцы голоса подозреваемого с записями, полученными в ходе оперативнорозыскных мероприятий [6].

Следы, выявляемые в ходе расследования, можно классифицировать по группам: Наркотические средства и контактирующие предметы (требуют физикотехнической и судебнофармакологической экспертиз, приобщения к делу как вещественных доказательств, осмотра). Рукописные записи (нуждаются в осмотре, получении образцов почерка, почерковедческой экспертизе). Компьютерная информация (подлежит осмотру, компьютерной экспертизе, лингвистической экспертизе переписки,

изъятию данных на альтернативных носителях, автороведческой экспертизе). Фонограммы (требуют прослушивания, осмотра носителей, приобщения к делу, получения образцов голоса для фонографической экспертизы). Результаты оперативной деятельности (обуславливают запросы к интернетпровайдерам, поручения органу дознания, запросы в платёжные системы, анализ данных с банкоматов и видеозаписей).

На завершающей стадии расследования возможны две основные ситуации: признание вины при наличии достаточных доказательств (акцент на оформление материалов для завершения расследования); отрицание вины при наличии доказательств (проверка дополнительных обстоятельств, возможное предъявление нового обвинения или прекращение дела).

На этом этапе проверяются версии, устанавливаются детали преступления, собираются и фиксируются доказательства связей между участниками преступного сообщества, проводятся дополнительные осмотры места происшествия и компьютерной техники.

Среди актуальных проблем расследования — использование преступниками анонимных платёжных систем, бесконтактный сбыт через интернет (сложность отслеживания), скрытие следов преступления с помощью цифровых технологий [7].

Для совершенствования расследования предлагаются: развитие методологических рекомендаций по делам по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ; повышение квалификации сотрудников (особенно в сфере цифровых доказательств); законодательное ограничение анонимных платежей; создание специализированных подразделений (например, «киберпатруля») для противодействия цифровым аспектам наркопреступности; заимствование международной практики пресечения наркопреступности в информационном пространстве [7].

Таким образом, задержание — ключевое следственное действие при расследовании незаконного сбыта наркотиков, требующее строгого соблюдения процессуальных норм (ст. 91 УПК РФ) и тактических принципов (внезапность, безопасность, оперативность). Эффективность расследования зависит от комплексности следственных действий: личного обыска, освидетельствования, обыска по месту жительства, допроса, назначения экспертиз. Особую сложность представляет расследование бесконтактного сбыта с использованием цифровых технологий, что требует совершенствования методик и повышения профессионального уровня следователей. Перспективы расследования связаны с развитием нормативноправовой базы, внедрением специализированных подразделений и использованием международного опыта.

Литература:

1. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174ФЗ.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05 мая 2014 N 110-ФЗ.
3. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» от 30 июня 1998 г. № 681.
4. Кушпель Е. Д., Кулешов А. А. Особенности расследования незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершенного с использованием современных технологий: учебно-практическое пособие. — Волгоград: ВА МВД России, 2019.
5. Шебалин А. В. Расследование незаконных сбытов наркотических средств, совершенных бесконтактным способом: учебное пособие. М-во внутренних дел Российской Федерации, Барнаульский юридический ин-т. — Барнаул: Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2015.
6. Ошлыкова Е. А. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств и поддержания государственного обвинения по уголовным делам данной категории: монография / Е. А. Ошлыкова. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 200 с.

Венчурный капитал как инвестиционный ресурс: нормативно-правовое регулирование

Исакова Юлия Викторовна, студент

Научный руководитель: Никиташина Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В статье рассматривается тема венчурного инвестирования, как в экономическом, так и в правовом аспектах. Автор проводит анализ моделей венчурного инвестирования в России и в США, по итогам которого приходит к выводу, что в России нет единства в многообразии нормативно-правового регулирования института венчурного капиталовложе-

жения, что доказывает необходимость принятия единого закона в области венчурной деятельности. На сегодняшний день законодательство о венчурной деятельности в РФ включает в себя множество общих норм инвестиционного, корпоративного и налогового права, а также специальные нормы, регулирующие отдельные аспекты, что не создает удобство правоприменения.

Ключевые слова: венчурный капитал, инвестиционный ресурс, экономический аспект, правовой аспект, развитые страны.

В современном мире во многих странах, в том числе и в России, отмечается важность вложения прямых и венчурных инвестиций в развитие бизнеса, что способствует повышению социально-экономического роста населения. Данная тема довольно актуальна, т. к. венчурные инвестиции развиваются не только определенные сферы бизнеса, но и повышают благосостояние населения страны.

И если капитал можно обозначить как основное имущество, ценность, приносящую прибыль, стоимость в виде денег и товаров, которая применяется для получения значительной прибыли [1, с. 12]. То термин «венчурный» (происходит от английского «venture» — «рискованное предприятие или начинание») придает этому капиталу рисковый характер.

Действительно, венчурный капитал — это рисковый капитал, вложенный в дело с целью получения высокого дохода, но гарантит последнего нет. В целом, любая предпринимательская (коммерческая) деятельность направлена на получение прибыли и носит рисковый характер, и любая требует вложений. Однако в венчурной деятельности разработчики проектов и управляющие предприятия нацелены на быстрое поступление дополнительных средств.

Но, несмотря на актуальность венчурного инвестирования, качество его регулирования, учитывая высокие риски, не может быть признано достаточным. Так, в Концепции развития РФ до 2030 года зафиксировано, что важнейшей целью государственной политики в области развития инновационной системы является формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики. Кроме того, в России осуществляются проекты «О национальных целях и задачах развития РФ на период до 2030 г.». Но несмотря на это развитие венчурных инвестиций в нашей стране находится не на должном уровне, поэтому данный вопрос требует правового урегулирования.

Рассмотрим развитие правового законодательства венчурных инвестиций в других странах. Самая передовая система правового регулирования отмечена в США, хотя законы там сводятся к господдержке и предоставлению налоговых льгот, как и в нашей стране, но в России нет нормативно-правовой основы, определяющей принципы развития венчурного капиталовложения, поэтому данная тема является особо актуальной.

Проблема заключается в том, что нет закона в области венчурной деятельности, который бы урегулировал все стороны данного вопроса, пока существует только Поста-

новление Правительства РФ от 22 декабря 2020 года. Речь идет о ПП № 2204 «О некоторых вопросах реализации государственной поддержки инновационной деятельности, в том числе путем венчурного и (или) прямого финансирования инновационных проектов, и признании утратившими силу акта Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации».

Хотя первый проект закона «О венчурной деятельности» появился еще в 1999г.

Сложность создает и присущий венчурным инвестициям большой уровень рисков, а также нацеленность российских инвесторов на значительные беспроигрышные капиталовложения, а иностранных — на крупные вложения в уже известные российские компании. Таким образом, законодательное урегулирование венчурной деятельности в нашей стране действительно необходимо, потому что она является наиважнейшим фактором развития экономической сферы на современном этапе, несмотря на экономические кризисы и санкции; кроме того, разнообразие законодательных актов приводит к снижению доверия венчурных инвесторов. Данная ситуация отрицательно сказывается на всей системе венчурного инвестирования.

В развитых странах мира венчурный капитал показал себя как специфический инвестиционный ресурс, инструмент финансовой поддержки высокотехнологичных сфер экономики. Например, венчурный капитал в США превратился в один из наиболее действенных источников инвестиций в развитие инновационного бизнеса. Конечно, не во всех странах, в том числе и в России, система венчурного инвестирования имеет целенаправленный характер. До сих пор вопросы венчурного инвестирования и его правового регулирования остаются недостаточно изученными и являются предметом наблюдения, как российских, так и зарубежных ученых.

Венчурный капитал считается основным критерием развития инновационной модели экономики во всех передовых странах. Несмотря на некоторые недостатки, венчурный капитал является практически единственным источником финансирования малых инновационных предприятий на ранних стадиях их функционирования [2, с. 105].

Таким образом, венчурный капитал служит «ускорителем» развития инновационной сферы страны. В качестве примера перспективного развития венчурного капитала можно использовать опыт США. В РФ венчурный капитал появился намного позже, и поэтому ин-

новационное развитие экономики пока не достигло высокого уровня. Изучение опыта США ускорит процесс повышения эффективности отечественной венчурной индустрии.

Приведём анализ моделей венчурного инвестирования в России и в США для выстраивания выводов и создания инструкций по совершенствованию применяемых в нашей стране моделей венчурного инвестирования с целью повышения эффективности и увеличения доходности. Основным критерием данного исследования является сопоставительный анализ, который поможет раскрыть специфику моделей венчурных инвестиций в России, требующих поправки и применения более удачного опыта США для их модернизации.

Итак, в процентном отношении к ВВП Россия уступает более чем в 3 раза развитым странам, а по объему финансирования инновационных стартапов — в 20–40 раз. Причиной такого невысокого результата по объему венчурного инвестирования, в первую очередь, отставание по размерам венчурных фондов России от Европы и США: почти в 6 раз по сравнению с США и в 4 раза по сравнению с ЕС [3, с. 18].

Отличительной особенностью модели венчурных инвестиций в США является преобладание инвестиций в компании на ранних стадиях развития, что способствует реализации научно-технического потенциала и развитию инновационных компаний.

По данным 2025 года, Россия занимает 36-е место из 125 стран по уровню престижности венчурного рынка для

инвесторов (в 2019 г. — 39 м., в 2021 г. — 20 м.) [4]. Причина в том, что в России основной преградой развития венчурной сферы является довольно высокий потенциал инновационного развития одновременно с невозможностью широкого внедрения инновационной продукции на потребительский рынок, к которому с 2022 г. добавилась политика ряда иностранных инвесторов и необходимость переориентироваться на иные рынки, виды производств, так же возросла роль государства как инвестора. Проведенный анализ показывает, отечественный венчурный рынок, в последние годы существенно отстает от международного. Важнейшей задачей должно быть становление совершенного венчурного рынка, для которого характерно:

1. Достаточное количество собственных источников венчурных финанс (25 % -50 %);
2. Рынок выгоден международным инвесторам; их участие в проектах-25–45 %;
3. Развитая здоровая конкуренция на отечественном венчурном рынке.

И главное условие — принятие закона в области венчурной деятельности, который бы урегулировал все стороны данного вопроса.

Таким образом, мы пришли к выводу: в нашей стране наблюдается значительная динамика венчурного инвестирования. Если удастся принятием законов вывести технологический сектор из политического влияния и решить вопросы с юридической базой, то в ближайшее время Россия станет привлекательным инвестиционным рынком.

Литература:

1. Анохина Л. В. Рынок венчурных инвестиций в Российской Федерации: анализ текущего состояния // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 11-1 (57).
2. Волкова Т. И., Мищерина Т. В. Венчурное финансирование как источник развития малых инновационных предприятий при вузах // Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. / науч. ред. Е. М. Дорожкин, В. А. Федоров. Екатеринбург, 2013. С. 105.
3. Сафонов В. С. От чего зависит успешность венчурных инвестиций? Мировой опыт. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/about/issledovaniya-i-analitika/mirovoy-gupok-venchurnykh-investitsiy/> (дата обращения: 21.03.2025).
4. Шатин И. А. Сравнительный анализ рынка венчурного капитала России и США в современных условиях // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/6591> (дата обращения: 21.03.2025).

Презумпция невиновности в уголовном процессе Российской Федерации: содержание и проблемы реализации

Казанова Софья Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Статья анализирует содержание презумпции невиновности как конституционного и уголовно-процессуального принципа, определяющего пределы доказывания и стандарты судебной оценки доказательств. Рассматриваются ключевые элементы принципа: бремя доказывания, правило *in dubio pro reo*, недопустимость доказательств и требования к судебной мотивировке. Особое внимание уделяется роли судебного контроля при избрании мер пресечения и необходимости индивидуализированной аргументации рисков. Показано, что презумпция невиновности выступает сквозным

процессуальным стандартом, охватывающим все стадии уголовного судопроизводства и исключающим использование вероятностных предположений при вынесении приговора. На основе анализа судебной практики подчёркивается значимость детальной проверки доказательств, устранения противоречий и аргументированного преодоления сомнений. Делается вывод, что эффективная реализация принципа зависит прежде всего от качества правоприменения и судебной мотивировки, а не от формального изменения законодательства.

Ключевые слова: презумпция невиновности, бремя доказывания, *in dubio pro reo*, неустранимые сомнения, допустимость доказательств, меры пресечения, судебный контроль, особый порядок, судебная мотивировка.

The presumption of innocence in the criminal procedure of the Russian Federation: essence and problems of implementation

*The article analyzes the content of the presumption of innocence as a constitutional and criminal procedural principle that determines the limits of proof and the standards of judicial evaluation of evidence. It examines the key elements of the principle, including the burden of proof, the *in dubio pro reo* rule, the inadmissibility of evidence, and the requirements for judicial reasoning. Particular attention is paid to the role of judicial oversight in the application of pre-trial restraint measures and the need for individualized justification of risks. The presumption of innocence is shown to function as a cross-cutting procedural standard encompassing all stages of criminal proceedings and excluding the use of probabilistic assumptions when delivering a verdict. Based on an analysis of judicial practice, the article emphasizes the importance of thorough evidence examination, resolution of contradictions, and well-reasoned elimination of doubts. It concludes that the effective implementation of the principle depends primarily on the quality of law enforcement and judicial reasoning rather than on formal amendments to legislation.*

Keywords: presumption of innocence, burden of proof, *in dubio pro reo*, unresolvable doubts, admissibility of evidence, measures of restraint, judicial oversight, special procedure, judicial reasoning.

Презумпция невиновности не является декларативным положением — это правовой механизм, непосредственно регулирующий пределы и способы установления виновности лица в уголовном процессе. Норма Конституции Российской Федерации придаёт принципу характеристику прямого действия: до вступления в законную силу обвинительного приговора лицо не может рассматриваться как виновное ни в официальной публичной коммуникации, ни в процессуальных актах; любые сомнения в виновности подлежат разрешению в пользу обвиняемого [1].

Процессуальная архитектура принципа развернута в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации: бремя доказывания возложено исключительно на сторону обвинения; обвиняемый не обязан доказывать «невиновность»; приговор не может быть основан на предположениях и недопустимых доказательствах; все неустранимые сомнения трактуются в пользу обвиняемого [2]. Современная учебная и научная литература в целом конвергирует в оценке презумпции как «сквозного» стандарта, пронизывающего все стадии производства — от возбуждения дела и избрания меры пресечения до постановления приговора и кассации [3].

Нормативное содержание презумпции может быть представлено как совокупность взаимосвязанных требований.

Во-первых, конституционно закрепляется статус невиновности лица до момента вступления в законную силу обвинительного приговора, что исключает любые формы публичного или процессуального предрешения виновности.

Во-вторых, бремя доказывания полностью лежит на стороне обвинения; реализация обвиняемым права на молчание не допускает негативных выводов и не может рассматриваться как индикатор виновности.

В-третьих, действует правило *in dubio pro reo*: неустранимые сомнения в виновности подлежат толкованию в пользу обвиняемого.

В-четвёртых, приговор подлежит отмене, если он основан на предположениях или на сведениях, полученных с нарушением закона; механизм недопустимости доказательств имеет характер самостоятельной гарантии презумпции.

В-пятых, суд обязан обеспечить такую структуру мотивировочной части решения, которая демонстрирует устранение противоречий и аргументированное преодоление сомнений; при отсутствии соответствующих объяснений приговор не может считаться законным и обоснованным [4]. Указанные требования в совокупности образуют процессуальный эквивалент стандарта «вне разумных сомнений», хотя данная формула не закреплена в текстуальном виде [5].

Содержание презумпции невиновности раскрывается и через состязательную модель уголовного судопроизводства. Равноправие сторон не предполагает симметрии обязанностей: исключительное бремя доказывания лежит на стороне обвинения, тогда как сторона защиты не обязана восполнять пробелы следствия и опровергать версию обвинения при отсутствии надлежащей доказательственной базы. Любые попытки компенсировать недостаток доказанности ссылками на общие вероятностные рассуждения либо «жизненные» предположения несовместимы с конституционным стандартом и влекут необходимость оправдания [6].

Если после исключения недопустимых доказательств и критического сопоставления источников сохраняются «разрывы» в доказательственной конструкции, они квалифицируются как неустранимые сомнения в смысле уголовно-процессуального закона.

Ключевым индикатором реальной действенности презумпции является судебный контроль за мерами пресечения. В силу уголовно-процессуального закона заключение под стражу допустимо лишь при доказанности конкретных рисков и невозможности их нивелирования посредством менее строгих мер (домашний арест, залог, запреты определённых действий). Современные учебные курсы подчёркивают, что ссылка на тяжесть инкриминируемого деяния не образует самостоятельного основания для изоляции; требуется индивидуализированная аргументация, подлежащая последующей апелляционной и кассационной проверке. Соответственно, формульные мотивы («возможность скрыться», «влияние на свидетелей»), не подкреплённые фактической конкретикой, не отвечают стандарту презумпции и влекут отмену судебного решения о мере пресечения [7].

Презумпция невиновности определяет и параметры судебного исследования доказательств. Принципы непосредственности и устности в судебном заседании являются не внешней формой, а способом проверки устойчивости выводов: свидетель допрашивается в суде; эксперт раскрывает методологию и пределы погрешности; документальные источники соотносятся по происхождению и времени составления; вещественные доказательства осматриваются и коррелируются с иными данными. Внутреннее убеждение судьи должно являться результатом этой проверки и быть препрезентировано в мотивировочной части приговора [8]. В ситуациях конкуренции версий суд обязан раскрыть, по каким основаниям одна версия признана предпочтительной, а иная отвергнута. Верховный Суд Российской Федерации последовательно указывает: при наличии противоречий между показаниями и экспертными заключениями, а также при существовании альтернативных объяснений фактов суд должен аргументированно показать, почему сомнения перестали быть неустранимыми; отсутствие соответствующих объяснений обуславливает отмену приговора [9;10]. Апелляционная практика Московского городского суда корреспондирует указанному подходу, подчёркивая недопустимость «достраивания» доказательственной картины предположениями при отсутствии полноценной проверки источников; сомнения подлежат разрешению в пользу подсудимого [11].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации акта: 04.07.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — 24 дек. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

Дифференциация форм судопроизводства не освобождает суд от соблюдения презумпции. Особый порядок принятия судебного решения при согласии подсудимого с предъявленным обвинением допускается законодателем в целях процессуальной экономии, однако не отменяет обязанности удостовериться в достаточности доказательственной базы независимо от признания вины. Подмена анализа критически значимых обстоятельств ссылкой на «материалы дела» противоречит конституционной модели и нивелирует содержательные гарантии презумпции. Автономность уголовно-процессуального стандарта доказывания подлежит сохранению и при обращении к материалам иных отраслей: вероятностные выводы административных или налоговых процедур не могут заменять уголовно-процессуальную проверку происхождения, допустимости и достоверности сведений.

Надлежащий приговор должен: фиксировать происхождение каждого доказательства и основания признания его допустимым; содержать сопоставление доказательств между собой и оценку их согласованности; отражать исключение недопустимых сведений с анализом влияния такого исключения на доказательственную совокупность; содержать ответы на существенные доводы стороны защиты. Только при соблюдении указанных требований становится очевидным, что сомнения перестали быть неустранимыми. При отсутствии такого анализа приговоры подлежат отмене как постановленные с нарушением принципа презумпции невиновности; апелляционная практика также подтверждает приоритет презумпции при конкуренции версий и недостаточности доказательств.

Презумпция невиновности в российском уголовном процессе выполняет функцию универсального фильтра качества обвинительной версии на всех стадиях производства. Её эффективная реализация предполагает: при выборе меры пресечения — приоритет менее строгих ограничений свободы и предметную индивидуализированную мотивировку; при исследовании доказательств — исключение сведений, полученных с нарушением закона, и проверку альтернативных версий; при постановлении приговора — ясное и аргументированное объяснение причин преодоления сомнений либо вынесение оправдательного решения при их сохранении. Апелляции к общим вероятностным представлениям не заменяют легального стандарта доказанности. Дальнейшее укрепление презумпции обусловлено не модификацией текстов нормативных актов, а устойчивым повышением качества правоприменимой практики и судебной мотивировки, а также единобразием подходов кассационных инстанций.

3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М.: Норма, 2022. — 1072 с.
4. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. — М.: Норма, 2023. — 640 с.
5. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. — М.: Норма, 2008. — 240 с.
6. Смирнов А. В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе // Государство и право. — 2018. — № 1. — С. 55–60.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2024 г. № 53-УД24-14-К8 [Электронный ресурс]. — Офиц. сайт Верховного Суда РФ. — Режим доступа: свободный. — Дата обращения: 02.10.2025.
8. Григонис В. П. Роль Конституционного суда Российской Федерации в системе защиты прав и свобод человека и гражданина // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2020. — № 3(48). — С. 40–44.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июля 2024 г. № 30-УД24-2-К5 [Электронный ресурс]. — Офиц. сайт Верховного Суда РФ. — Режим доступа: свободный. — Дата обращения: 02.10.2025.
10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2022 г. № 82-УД22-9СП-А2 [Электронный ресурс]. — Офиц. сайт Верховного Суда РФ. — Режим доступа: свободный. — Дата обращения: 02.10.2025.
11. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 марта 2021 г. по делу № 10-2082/2021 [Электронный ресурс]. — Офиц. сайт Московского городского суда. — Режим доступа: свободный. — Дата обращения: 02.10.2025.

Проблемы реализации функции защиты на досудебных стадиях уголовного процесса и пути их решения

Калачёва Алёна Игоревна, студент

Научный руководитель: Луковкин Кирилл Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье автор рассматривает проблемы реализации функции защиты в досудебных стадиях уголовного процесса, а также пути их решения

Ключевые слова: адвокат, досудебная стадия, защита, уголовный процесс.

Адвокат в уголовном процессе имеет важное значение, так как обеспечивает защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых. Досудебные стадии уголовного процесса определяют, насколько эффективно будут защищены права обвиняемого или подозреваемого и насколько справедливо будет вынесено решение по уголовному делу.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет понятие «защитник» как лицо, осуществляющее в установленном УПК порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу [1].

Согласно данному Кодексу, в качестве защитников могут участвовать только адвокаты. Определение понятия адвокат установлено в Федеральном законе № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2].

Роль адвоката в досудебных стадиях уголовного процесса заключается в осуществлении первой помощи, сборе доказательств, а также защите подозреваемого или обвиняемого от неправомерных действий следственных

органов. В ходе досудебного производства собираются доказательства, оцениваются обстоятельства, устанавливаются обоснованность подозрений в отношении лица.

Основными задачами адвоката на досудебной стадии уголовного процесса можно выделить основные задачи адвоката:

- 1) обеспечение защиты прав и законных интересов клиента;
- 2) проверка законности и обоснованности действия следственных органов;
- 3) представление доказательств и аргументов в пользу подозреваемого или обвиняемого.

Анализируя существующие нормы уголовно-процессуального законодательства, Федеральные законы РФ, практику, приведенную в решениях высших судебных органов РФ, можно сделать вывод, что регламентация участия адвоката-защитника на досудебных стадиях уголовного процесса имеет определенные пробелы в законодательстве и не отвечает современным реалиям.

Основной проблемой реализации функции защиты в досудебных стадиях уголовного процесса следует отме-

тить невозможность обеспечить в полной мере состязательность сторон. Стороны обвинения и защиты наделяются условно равными правами, но на практике адвокату, чтобы реализовывать данные ему права, необходимо прикладывать больше усилий.

Адвокаты очень ограничены в своих действиях, это подтверждается тем, что суды основываются на первонаучальных показаниях подсудимого, данных на стадии доznания или следствия, назначение и характер свидания адвоката наедине с подзащитным аналогичен тому, что и при рассмотрении дела судом, то есть сторона защиты лишена возможности выработки единой линии.

Многие исследователи юридического законодательства отмечают существование данной проблемы, так как несоблюдение принципа состязательности сторон отмечается даже в том, что адвокат хоть и может собирать доказательства методом опроса лиц с их согласия, а также другими способами, установленными УПК, функция проверки сообщения о преступлении принадлежит правоохранительным органам. Ввиду этого, взятые адвокатом объяснения могут быть признаны недопустимыми доказательствами и не отнесены к материалам доследственной проверки по существу [4, с. 106].

Как следует из примеров судебной практики, чтобы собранные доказательства были приобщены к материалам уголовного дела, адвокату необходимо заявлять ходатайство на досудебных стадиях уголовного процесса, а суд или следователь уже принимают решения об отказе или удовлетворении ходатайств. Аспект наделения предметов, документов и иных сведений статусом доказательств до сих пор остается спорным. Для решения данной проблемы необходимо проработать и ввести подробный механизм реализации созиания и представления доказательств, регламентируя все этапы данной деятельности, а также упростить условия допустимости собранных улик, сделав их более прозрачными.

Также для соблюдения принципа состязательности сторон необходимо расширить перечень следственных действий, при производстве которых может участвовать сторона защиты и которые данная сторона вправе проводить.

Среди еще одной проблемы реализации функции защиты в досудебных стадиях уголовного процесса следует отметить существующие препятствия адвоката на моменте ознакомления с материалами уголовного дела. Права подозреваемого на защиту также могут нарушаться, что ставит адвоката в условия, которые затрудняют осуществление защиты, в том числе и ограничение времени для ознакомления с материалами или давлением на адвоката и его подзащитного.

Решением данной проблемы может стать цифровизация уголовного судопроизводства. В случае формати-

рования уголовного дела в электронный вид, упрощается и ускоряется ознакомление с материалами дела адвокатом, а также других заинтересованных сторон, а также исключает необходимость копирования материалов уголовного дела. Цифровизация в данном случае также исключит изменение показаний обвиняемого (подсудимого) на его допросе следователем.

К сожалению, в практической деятельности адвокат-защитник постоянно сталкивается с нарушением права на независимую профессиональную юридическую помощь путем, например, недопуска адвоката к доверителю, скрытия от защитника процессуальной документации и даже физической преграды осуществления защиты [3, с. 67].

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство недостаточно разъясняет многие определения, указанные в УПК. Например, «опрос лиц с их согласия», «истребование документов». Отсутствие законодательного закрепления данных моментов увеличивает количество спорных ситуаций между сторонами защиты и обвинения.

Также формулировка «доказательства» в статье 86 УПК РФ следует заменить на формулировку «сведения», которые могут быть использованы в качестве доказательств», так как «доказательствами» данные сведения становятся только с момента их приобщения к материалам уголовного дела.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить несколько основных проблем, которые существуют при реализации функции защиты в досудебных стадиях уголовного процесса. Такими проблемами являются: несоблюдение принципа состязательности сторон, что проявляется в том, что сторона защиты имеет сложности с приобщением доказательств к уголовному делу, а адвокаты ограничены в своих действиях на досудебных стадиях. Решением данной проблемы является усиление прав адвоката, упрощение процедуры приобщения доказательств и расширение полномочий адвоката для их полноценного участия в следственных действиях. Среди еще одной проблемы реализации функции защиты в досудебных стадиях уголовного процесса следует выделить существующие препятствия адвоката на моменте ознакомления с материалами уголовного дела. Данная проблема является очень важной, так как усложняет выработку линии защиты адвокату, а также согласование выработки линии защиты с подозреваемым или обвиняемым. Решением данной проблемы может стать цифровизация уголовного судопроизводства, что упрощает и ускоряет ознакомление с материалами дела адвокатом, а также других заинтересованных сторон, а также исключает необходимость копирования материалов уголовного дела.

Литература:

- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 31.06.2025) (ред. с 01.09.2025) // СЗ РФ, 2001, № 52, ст. 4921.

2. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (с изменениями на 22 апреля 2024 года) (редакция, действующая с 20 октября 2024 года) // СЗ РФ, 2002, № 23, ст. 2102.
3. Валиюлин, Р. Р. Проблемы участия адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу // Юридическая наука. — 2021. — № 7. — С. 66–69.
4. Светлов, А. М. Адвокат на досудебной стадии уголовного процесса / А. М. Светлов // Юридические науки: Актуальные вопросы теории и практики: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 мая 2023 года. — Пенза: Наука и просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. — С. 104–107.

Проблемы ответственности за множественность административных правонарушений в Российской Федерации и пути их решения

Карпенко Михаил Дмитриевич, студент магистратуры
Донецкий государственный университет

Вступление. Множественность административных правонарушений представляет собой один из наиболее сложных и одновременно практически значимых институтов административно-деликтного права, поскольку тесно связана с вопросами справедливости и со-размерности административного наказания, обеспечения единства судебной практики и реализации превентивного потенциала законодательства. В условиях постоянного обновления Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) проблемы определения форм множественности, разграничения совокупности и повторности, а также учета рецидива административных правонарушений приобретают особую актуальность.

Цель статьи — комплексный анализ института множественности административных правонарушений в Российской Федерации.

Основная часть. Во-первых, следует отметить, что действующий КоАП РФ не содержит общей легальной definicji множественности административных правонарушений, ограничиваясь регулированием отдельных элементов — правил назначения наказания за несколько правонарушений (ст. 4.4), срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 4.6), а также повторности как отягчающего обстоятельства (п. 2 ч. 1 ст. 4.3) [1].

Тем самым, законодателем фактически оставлено пространство для доктринального и судебного конструирования института множественности, что с одной стороны демонстрирует гибкость регулирования, а с другой — порождает существенные расхождения в понимании и применении соответствующих норм.

Д. Н. Бахрах рассматривает множественность в административном праве в широком, «сквозном» смысле, включая в неё как несколько административных преступлений, так и возможное сочетание административных правонарушений с преступлениями, исходя из единства

личности правонарушителя и устойчивости противоправного поведения [9, с. 112].

Н. А. Ахтанина, специально исследуя совокупность как вид множественности административных правонарушений, подчёркивает, что законодательная регламентация совокупности в КоАП РФ носит фрагментарный характер и фактически сводится к содержанию ч. 2 ст. 4.4, регулирующей так называемую идеальную совокупность, когда одно действие (бездействие) содержит составы нескольких правонарушений [10, с. 12].

Е. В. Павлова, анализируя проблемные аспекты эффективности применения норм административной ответственности при множественности правонарушений, обращает внимание на то, что действующие положения КоАП РФ, в первую очередь ст. 4.4, зачастую реализуются судами и органами юрисдикции формально, без учета целей наказания и особенностей ситуации, когда одно лицо совершает группу однородных нарушений [11, с. 30].

Первая из рассматриваемых проблем — законодательная неопределенность понятия и форм множественности административных правонарушений. Как отмечают исследователи и подтверждает анализ КоАП РФ, закон не закрепляет ни общего понятия множественности, ни исчерпывающего перечня её форм (совокупности, повторности, административного рецидива и др.), что приводит к множественности доктринальных подходов и разнотолку на практике. В результате, одни суды квалифицируют комплекс нарушений как совокупность с применением ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ, другие — как ряд самостоятельных правонарушений с назначением нескольких наказаний, а третий — как единое длящееся или продолжающееся правонарушение.

Указанная проблема ярко проявляется в судебной практике при применении ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ. Так, в Постановлении Октябрьского районного суда города Архангельска от 25.12.2023 № 5-680/2023 по делу о привлечении к ответственности по ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ суд отказал

в объединении нескольких эпизодов, указав на действие специального правила примечания к ст. 18.15 КоАП РФ и необходимость назначения наказания «за каждого иностранного гражданина» отдельно, фактически исключив применение конструкции идеальной совокупности [3]. В Постановлении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2024 по делу о применении наказания за одно деяние, содержащие несколько составов) подчёркивается, что механизм идеальной совокупности допустим лишь при строгом соблюдении условий подведомственности и единства действия [4].

Представляется, что решение данной проблемы возможно посредством закрепления в Общей части КоАП РФ самостоятельной статьи, содержащей легальное определение множественности административных правонарушений, перечень и краткую характеристику её основных форм (совокупности, повторности, административного рецидива), а также общие правила их разграничения.

Дополнительно целесообразно в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» включить разъяснения с типичными примерами применения ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ и критериями разграничения идеальной и реальной совокупности [5].

Вторая ключевая проблема — противоречивость регулирования и учёта повторности (административного рецидива) при назначении наказания. Повторность одновременно фигурирует как отягчающее обстоятельство (п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ), как квалифицирующий признак во множестве составов Особенной части и как элемент специальных норм, связанных с усилением ответственности, прежде всего в сфере дорожного движения и предпринимательской деятельности. При этом ст. 4.6 КоАП РФ устанавливает общий срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, что напрямую влияет на возможность квалификации деяния как повторного.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 июня 2020 г. № 28-П подтвердил конституционность такого подхода, указав, что годичный срок должен учитываться как при применении квалифицирующих составов с признаком повторности, так и при оценке повторности как отягчающего обстоятельства [6].

Сложности возникают прежде всего при определении однородности правонарушений и недопустимости «двойного учёта» повторности. В постановлениях Девя-

того арбитражного апелляционного суда от 19.03.2019 № 09АП-2384/2019 по делу № А40-263378/18 [7] и Второго арбитражного апелляционного суда от 22.09.2020 № 02АП-4704/2020 по делу № А29-3650/2020 [8] суды прямо указали, что однородными являются правонарушения, входящие в одну главу КоАП РФ и посягающие на единый родовой объект, при этом повторность выражается в совершении двух или более самостоятельных правонарушений в пределах срока, установленного ст. 4.6 КоАП РФ.

В то же время в практике судов общей юрисдикции встречаются решения, где повторность, уже учтённая в конструкции состава (например, в части 5 статьи 12.15 КоАП РФ как «повторное совершение административного правонарушения»), дополнительно учитывается как отягчающее обстоятельство, вопреки позиции Пленума Верховного Суда РФ, запрещающего двойной учёт одного и того же обстоятельства.

Для разрешения данной проблемы представляется необходимым, во-первых, дополнить КоАП РФ нормой, раскрывающей понятия тождественных и однородных административных правонарушений, а также закрепляющей термин «административный рецидив» как повторное совершение однородного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым наказанию по правилам ст. 4.6 КоАП РФ. Во-вторых, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 целесообразно изложить в систематизированном виде алгоритм учёта повторности: если повторность включена в объективную сторону состава в качестве квалифицирующего признака — она не может повторно учитываться как отягчающее обстоятельство; если же состав не содержит такого признака, но условия ст. 4.6 КоАП РФ соблюdenы — повторность подлежит обязательному учёту по п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что институт множественности административных правонарушений в российском праве остаётся концептуально и нормативно незавершённым: отсутствие легальной definicji множественности и чётко закреплённых форм совокупности, повторности и административного рецидива, а также противоречивое регулирование и учёт повторности при назначении наказания.

Устранение выявленных проблем возможно путём комплексной кодификационной доработки Общей части КоАП РФ (введение нормы о множественности и административном рецидиве), детализации разъяснений Пленума Верховного Суда РФ № 5 в части применения статей 4.3, 4.4 и 4.6 КоАП РФ.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Постановление Октябрьского районного суда города Архангельска от 25.12.2023 по делу № 5-680/2023 (ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.12.2025).

3. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2024 по делу № 16-1285/2024 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.12.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.12.2025).
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2020 № 28-П [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.12.2025).
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2019 № 09АП-2384/2019 по делу № А40-263378/18 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.12.2025).
7. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 22.09.2020 № 02АП-4704/2020 по делу № А29-3650/2020 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.12.2025).
8. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность по российскому законодательству: краткий учебный курс: учебное пособие / Д. Н. Бахрах, Э. Н. Ренов. — Москва: Норма, 2004. — 304 с.
9. Ахтанина, Н. А. Совокупность как вид множественности административных правонарушений: понятие и законодательное закрепление / Н. А. Ахтанина // Административное и муниципальное право. — 2020. — № 4. — С. 11–17.
10. Павлова, Е. В. Проблемные аспекты эффективности применения норм административной ответственности при множественности правонарушений / Е. В. Павлова, Н. А. Ахтанина // Научный портал МВД России. — 2022. — № 4(60). — С. 26–32.

Зоны с особым использованием территорий

Киракосян Анна Аракатовна, студент

Научный руководитель: Аверьянова Наталья Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются зоны с особыми условиями использования территории (ЗОУИТ) как ключевой институт российского земельного права, обеспечивающий баланс между публичными интересами государства и частными правами собственников. Автор раскрывает двойственную правовую природу ЗОУИТ, которые служат эффективным инструментом реализации государственной политики в сферах безопасности, экологии и рационального природопользования, одновременно налагая систему обоснованных ограничений на права частных собственников.

Ключевые слова: зоны с особыми условиями использования территории (ЗОУИТ), охранные зоны, правовой режим, санитарно-защитные зоны, магистральный газопровод, промышленное предприятие, земельный кодекс (ЗК РФ)

Зоны с особыми условиями использования территории представляют собой одно из наиболее значимых и одновременно сложных образований в системе земельного права Российской Федерации, занимая промежуточное положение между публичными территориальными интересами государства и частными правами собственников земельных участков. Процесс интенсификации хозяйственной деятельности, сопряженный с размещением линейных объектов инфраструктуры, объектов повышенной опасности и критически важных элементов национальной безопасности, объективно обусловил необходимость разработки специализированного правового механизма, обеспечивающего защиту таких территорий.

Современная доктрина земельного права, опираясь на положения ч.3 ст. 37 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ) [1], рассматривает зоны с особыми условиями использования территории (далее — ЗОУИТ) не просто как организационно-правовую форму ограничения земельного господства, но как институциональный механизм, воплощающий в себе сбалансированную реализацию принципов рационального природопользования и устойчивого развития в контексте обеспечения государственной безопасности и защиты жизни и здоровья населения. Специфика данного правового явления заключается в его функциональной многовекторности и системной интегрированности в структуру земельно-правовых отношений, нормируемых

комплексным специальным законодательством. Также в ст. 104–107 ЗК РФ раскрываются основные параметры структурной организации таких зон. Так, ст. 104 ЗК РФ предусматривает установление охранных зон для защиты объектов линейной инфраструктуры и инженерных систем, непосредственно обслуживающих такие объекты. Как справедливо отмечает Л. И. Степанова «охранная зона в правовом смысле представляет собой территорию установленных границ, в пределах которой существует специальный правовой режим, ограничивающий возможность собственников и пользователей земельных участков осуществлять определенные категории хозяйственной деятельности» [2]. Таким образом, нормативное определение такой зоны необходимо рассматривать не как эмпирический факт размещения объекта на земле, но как конструируемую нормой права социальную реальность, формируемую актом государственной власти и имеющей целью достижение конкретных правовых результатов.

Процесс установления зон с особыми условиями использования территорий обусловлен необходимостью реализации государственной политики в области обеспечения безопасности, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. В сущности, ЗОУИТ выступают защитным барьером от вредоносного объекта и одновременно для защиты объекта. Также особенностью является то, что все они относятся к разным направлениям деятельности, в зависимости от объекта, для которого устанавливаются зоны, и поэтому в зависимости от вида данных зон определяется размер и режим использования земельных участков [3]. Классическим примером может служить практика установления санитарно-защитных зон вокруг промышленных предприятий, включая предприятия по производству цемента и иных строительных материалов [4]. Указанные производства характеризуются высокой интенсивностью выбросов в атмосферу твердых частиц и газообразных поллютантов, способных на значительные расстояния распространяться в атмосфере и накапливаться в почве и водных объектах. Правовой режим санитарно-защитной зоны предусматривает запрет на размещение жилых и общественных зданий, ограничение развития сельскохозяйственного производства в пределах установленной границы и проведение постоянного санитарно-эпидемиологического контроля. Такой подход позволяет обеспечить защиту населения от воздействия вредных факторов производства при одновременном сохранении экономической целесообразности функционирования предприятий.

Практика с газопроводами, включая трубопроводы федерального значения и объекты магистрального транспорта газа, свидетельствует о необходимости гибкого подхода к установлению охранных зон, принимающего во внимание как технические параметры объекта, так и характер окружающей застройки и использования земель. Для магистральных газопроводов, осуществляющих

транспортировку газа под высоким давлением, типичны охранные зоны шириной от 10 до 100 метров с каждой стороны от оси трубопровода, внутри которых запрещаются земляные работы без согласования, высадка деревьев и кустарников, размещение капитальных строительных конструкций. Судебная практика демонстрирует многочисленные случаи разбирательства по спорам, вытекающим из нарушения режима охранных зон газопроводов, включая снос самовольно возведенных жилых и хозяйственных построек [5].

Организация санитарно-защитных зон вокруг предприятий по производству цемента и иных промышленных объектов демонстрирует практическую сложность сопряжения требований норм производственной безопасности с земельным правом. Цементные производства генерируют значительные объемы пылевых и газообразных выбросов, способных распространяться в атмосфере на расстояния в несколько километров от источника. Размеры санитарно-защитных зон вокруг таких предприятий, как правило, составляют от 500 до 1000 метров и более. В пределах такой зоны запрещается размещение жилых зданий, дошкольных и общеобразовательных учреждений, запрещается развертывание животноводческого производства в открытых конструкциях. Практика показывает, что установление таких зон нередко требует перепланирования уже сложившейся застройки и переселения населения, что обуславливает необходимость координированного взаимодействия органов власти различных уровней и муниципальных образований.

Подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что зоны с особыми условиями использования территорий отражают эволюцию отечественного земельного права в направлении адаптации правовых механизмов к требованиям современной хозяйственной деятельности, характеризующейся высокой концентрацией критически важных объектов инфраструктуры и интенсивностью техногенного воздействия на природные системы. Правовая конструкция таких зон обеспечивает функциональное единство государственных интересов в области безопасности, экологической устойчивости и социального благополучия населения с необходимостью сохранения активной хозяйственной деятельности и развития инфраструктуры. Система нормативного регулирования, закрепленная в Земельном кодексе РФ и специализированных законодательных актах, создает необходимые предпосылки для предсказуемого и справедливого разрешения конфликтных ситуаций, возникающих при взаимодействии интересов различных субъектов земельных отношений. Совершенствование правоприменительной практики, обусловленное развитием судебной доктрины и административной практики, способствует приведению нормативного содержания концепции зон особого режима в соответствие с современными вызовами управления территориями и обеспечения устойчивого развития Российской Федерации.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
2. Степанова Л. И. Новое в регулировании статуса зон с особыми условиями использования территорий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 4. С. 97–110
3. Окмянская В. М., Богданова О. В. К вопросу о зонах с особыми условиями использования территории // Столыпинский вестник. 2022. № 1. С. 674.
4. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2024 N 88-31738/2024 (дата обращения: 25.11.2025)
5. Решение Чеховского городского суда Московской области от 3 ноября 2022 года по делу № 2-272/2022. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-chekhovskii-gorodskoi-sud-moskovskaia-oblast/> (дата обращения: 25.11.2025).

Перспективы развития законодательства в сфере правового регулирования административных правонарушений

Кириленко Николай Евгеньевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Законодательство об административной ответственности находится в состоянии постоянного обновления. Это обусловлено тем, что законодатель расширяет зону своей юрисдикционной защиты отношений в сфере экономики, экологии, общественной безопасности и т. д. В статье проведено исследование проблем и перспектив развития в сфере правового регулирования административных правонарушений, включая практику применения законодательства об административной ответственности. Затронуты вопросы дифференциации, эффективности административных штрафов, индивидуализация административной ответственности, в также либерализация административного законодательства.

Ключевые слова: административные правонарушения, административная ответственность, административное законодательство, правоприменительная практика, теоретические проблемы, практические проблемы, перспективы развития.

Prospects for the development of legislation in the sphere of legal regulation of administrative offenses

Kirilenko Nikolay Evgenyevich, master's student
Moscow University of Finance and Law

Administrative liability legislation is constantly being updated. This is due to the legislature expanding its jurisdictional protection of relations in the economic, environmental, and public safety spheres. This article examines the problems and development prospects in the area of legal regulation of administrative offenses, including the practical application of administrative liability legislation. Issues of differentiation and the effectiveness of administrative fines, individualization of administrative liability, and the liberalization of administrative legislation are addressed.

Keywords: administrative offenses, administrative liability, administrative legislation, law enforcement practice, theoretical problems, practical problems, development prospects.

Законодательство Российской Федерации находится в состоянии постоянной динамики. Указанное не обходит стороной и сферу правового регулирования административной ответственности, от правильности толкования и применения норм права которой зависит не только уровень правосознания общества, но и многие общественные свободы.

При этом следует уделить особое внимание существенно-функциональному аспекту административной ответственности и административных правонарушений в частности, который до настоящего времени не получил должной проработки. Существует острая необходимость разработки и совершенствования механизмов административного воздействия, направленных как на укрепление

ление законности и правопорядка, защиту прав граждан, так и на усиление профилактического эффекта.

Указанное находит отражение в вопросах дифференциации, эффективности административных штрафов и индивидуализации административной ответственности.

Административные штрафы необходимо рассматривать как самостоятельную систему, притом ее внутренняя структура, соотношение отдельных видов должны отражать объективно существующую дифференциацию административных штрафов, обусловленную характером различных административных правонарушений. Представляется разумным устанавливать строгость мер ответственности с учётом личности нарушителя и конкретных обстоятельств правонарушения.

Своего рода принцип индивидуализации назначения наказания, который как раз и заключается в том, чтобы компетентный орган избрал именно ту меру административного принуждения, которая способствовала бы достижению целей административного наказания, что может привести к восстановлению социальной справедливости, исправлению правонарушителя и предупреждению совершения новых противоправных деяний.

Вместе с тем, указанная концепция не находит широкого практического отражения в сфере правового регулирования административной ответственности.

Для решения обозначенной проблемы выдвигаются различные инициативы. В частности, предлагается ввести корреляцию между величиной административного штрафа и стоимостью транспортного средства. Статистика показывает, что значительная доля штрафов ГИБДД приходится на владельцев автомобилей премиумкласса. Поскольку высокая стоимость таких машин отражает платёжеспособность их владельцев, действующие штрафные санкции, предусмотренные КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ), для них не представляют существенного финансового обременения.

Таким образом, для повышения эффективности системы административных наказаний необходимо учитывать в том числе вышеприведенные обстоятельства. Однако предложенный механизм расчёта штрафов требует тщательной доработки. Сложность заключается в том, что при определении стоимости автомобиля необходимо учитывать множество переменных: техническое состояние, пробег, год выпуска и другие не менее значимые факторы.

Применение штрафов в зависимости от доходов нарушителя позволит индивидуализировать административную ответственность. Учет личности и имущественного положения нарушителя будет способствовать реализации общеправового принципа беспристрастности ответственности.

В ряде случаев величина административного взыскания оказывается недостаточной для достижения главной цели наказания — предупреждения новых правонарушений.

Практика показывает, что существующий размер штрафов не всегда способен обеспечить необходимый

профилактический эффект, и нарушители склонны к повторению противоправных действий. Это свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к определению сумм взысканий с целью повышения их превентивной роли в системе административной ответственности.

Данная проблема требует особого внимания, поскольку основная задача административного наказания заключается именно в предотвращении и предупреждении последующих правонарушений, а не в обыденном взыскании денежных средств с нарушителя. Например, размер административного штрафа, предусмотренный частью 2 статьи 12.9. КоАП РФ (превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 20, но не более 40 километров в час), составляет 750 рублей. При этом названная норма не разграничивает лиц, которые могут быть привлечены к административной ответственности (физическое или юридическое лицо) в зависимости от собственника транспортного средства. При этом очевидно, что на собственника (физическое лицо), имеющего небольшой доход, уплата административного штрафа повлечет больший эффект предупреждения от совершения новых правонарушений, чем скажем на собственника (юридическое лицо), имеющего многомиллионную чистую прибыль в год.

Отсутствие комплексного решения затронутого вопроса порождает серьезные диспропорции в системе штрафных санкций. В результате принцип соразмерности наказания часто нарушается: суммы взысканий оказываются либо несоразмерно малыми, либо необоснованно завышенными, что снижает эффективность всей системы административных мер воздействия.

В этой связи ситуация требует тщательного пересмотра подходов к формированию штрафных санкций с учетом характера нарушения, материального положения нарушителя и реальных целей наказания. Только при соблюдении принципа соразмерности можно достичь главной задачи — предотвращения новых правонарушений.

Важным аспектом совершенствования административного законодательства также является процесс его либерализации. Например, либерализация ответственности за впервые совершенные административные правонарушения по определенным составам, вплоть до ограничения такой ответственности предупреждением.

Подобный подход позволит: усилить профилактическую направленность законодательства; минимизировать риски злоупотреблений со стороны контролирующих органов; создать более сбалансированную систему административной ответственности.

При этом приоритетом законодателя в данной области должны стать:

- переход от карательной к правоохранительной функции;
- предотвращение злоупотреблений полномочиями со стороны правоприменителей;
- повышение уровня правовой защищенности граждан и организаций;

— обеспечение справедливого баланса между интересами государства и правами нарушителей.

Одно из направлений деятельности по отношению к либерализации правового регулирования административного законодательства, можно увидеть во внесенном в Государственную думу проекте Федерального закона № 953127–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (принят в первом чтении постановлением от 14.10.2025 № 9191–8 ГД).

Законодательные изменения предусматривают расширение спектра мер воздействия по ряду составов правонарушений. В частности, в статьи 16.4 и 16.16 КоАП РФ вводятся альтернативные виды наказания. Предлагается за: недекларирование или недостоверное декларирование физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, а также за непринятие перевозчиком мер в случае аварии или действия непреодолимой силы — применение предупреждения наряду со штрафом. Это особенно актуально для лиц, впервые совершивших данные правонарушения, позволяя применить к ним более мягкую меру воздействия.

Существенные изменения вносятся в примечания к статье 19.7.13 КоАП РФ, а именно: уточнение формулировок для однозначной квалификации правонарушений; установление чётких критериев определения даты совершения нарушения; обеспечение единообразного подхода к исчислению сроков давности привлечения к ответственности.

Дополнительно смягчается ответственность путем введения предупреждения как альтернативной меры наказания. Особое внимание уделяется механизму освобождения от ответственности: лицо может быть освобождено, если самостоятельно обнаружило и устранило недостоверность сведений в статистической форме учета перемещения товаров и, если представило указанную форму в течение 8 рабочих дней после истечения установленного срока.

Такие изменения способствуют гуманизации административной ответственности и обеспечивают более справедливый подход к привлечению к ответственности.

Кроме того, изменения, вносимые в статью 32.2 КоАП РФ, допускают возможность уплаты административного штрафа иным физическим или юридическим лицом вместо лица, привлеченного к административной ответственности.

Законопроектом также предлагается в части 1 статьи 16.2 КоАП РФ вместо административного штрафа, кратного стоимости предмета административного правонарушения, назначать штраф в фиксированном размере за

административное правонарушение, совершенное физическими лицами при перемещении ими табачных изделий и (или) алкогольных напитков, количество которых превышает количественные нормы, в пределах которых товары для личного пользования ввозятся на таможенную территорию ЕАЭС без уплаты таможенных пошлин, налогов.

Аналогичный принцип фиксированного штрафа распространяется на случаи недекларирования товаров при соблюдении следующих условий: отсутствие необходимости уплаты таможенных платежей; неприменение запретов и ограничений к данным товарам.

Такой подход к определению размера административного штрафа позволит не только упростить процедуру расчета взыскания и обеспечить единообразие при назначении наказания, но и сделать систему более прозрачной и предсказуемой для граждан.

Также исключается ответственность по части 2 статьи 16.2 КоАП РФ за заявление недостоверных сведений при таможенном декларировании товаров, если сумма занижения (неуплаты) таможенных платежей составляет менее 5 евро. Примечания к статье 16.2 КоАП РФ дополняются новым условием освобождения добросовестных декларанта и таможенного представителя от ответственности за недостоверное декларирование товаров при самостоятельном выявлении ими недостоверных сведений на этапе до выпуска товаров.

Затронув такие важные стороны развития законодательства в сфере правового регулирования административных правонарушений, как вопросы дифференциации, индивидуализации и либерализации административной ответственности можно прийти к выводу, что административное законодательство в Российской Федерации в настоящее время находится на новом этапе и имеет перспективы для развития за счет использования накопленных возможностей и предложений. В свою очередь, деятельность законодателя, направленная на реформирование законодательства, позволит создать более эффективную и гуманную систему административной ответственности, отвечающую современным требованиям правового государства.

Вместе с тем, указанные процессы, в любом случае, требуют более тщательной правовой регламентации. Развитие административного законодательства должно быть направлено на обеспечение баланса между необходимостью поддержания правопорядка и защитой прав граждан. Важно продолжать работу по совершенствованию системы административных наказаний, делая акцент на их соразмерности и справедливости.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), стр. 1;
2. Проект Федерального закона № 953127–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 14.10.2025).

3. Агамомедова С. А. Либерализация административной ответственности за правонарушения, отнесенные к компетенции таможенных органов // Вестник Российской таможенной академии 2023. № 2. С. 90–97;
4. Велькин А. В. Совершенствование правового регулирования административной ответственности за недекларирование и недостоверное декларирование товаров // Таможенное дело. 2019. № 4. С. 22–26;
5. Сидоров Е. И. Правовая характеристика административных правонарушений, связанных с непредоставлением или несвоевременным представлением в таможенный орган статистической отчетности // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 63–66.

Перспективы развития административной ответственности в сфере цифровизации

Кириленко Николай Евгеньевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В условиях цифровой трансформации общества правовое регулирование административной ответственности претерпевает существенные изменения. Цифровизация становится ключевым фактором модернизации системы государственного управления и взаимодействия с гражданами. В статье рассматриваются актуальные вопросы развития института административной ответственности в условиях цифровой трансформации общества. Основное внимание уделяется анализу современных тенденций и перспектив совершенствования механизмов административной ответственности в сфере цифровых технологий, включая правоприменительную практику.

Ключевые слова: административные правонарушения в цифровой среде, проблемы квалификации цифровых правонарушений, особенности применения административных наказаний в цифровой сфере, перспективы совершенствования законодательства об административных правонарушениях в цифровой сфере.

Development prospects administrative responsibility in the field of digitalization

Kirilenko Nikolay Evgenyevich, master's student
Moscow University of Finance and Law

In the context of the digital transformation of society, the legal regulation of administrative responsibility is undergoing significant changes. Digitalization is becoming a key factor in the modernization of the public administration system and interaction with citizens. The article discusses topical issues of the development of the institution of administrative responsibility in the context of the digital transformation of society. The focus is on the analysis of current trends and prospects for improving the mechanisms of administrative responsibility in the field of digital technologies, including law enforcement practice.

Keywords: administrative offenses in the digital environment, problems of qualification of digital offenses, features of the application of administrative penalties in the digital sphere, prospects for improving legislation on administrative offenses in the digital sphere.

Цифровизация оказывает значительное влияние на административно-деликтные отношения, что приводит к их модернизации и появлению новых составов административных правонарушений.

Развитие института цифровизации надлежит рассмотреть с разных точек зрения, — института, оказывающего как положительное, так и отрицательное влияние на правовое регулирование административных правоотношений.

К некоторым аспектам влияния цифровизации можно отнести следующее.

Упрощение системы привлечения к ответственности. Первоочередной задачей цифровизации является снижение рабочей нагрузки на должностных лиц посредством автоматизации стандартных операций. Это позволит существенно уменьшить вероятность ошибок при ведении административных производств.

Комплексный подход к цифровизации включает в себя создание системы адресного информирования о законодательных изменениях и практике их применения, внедрение автоматизированных инструментов контроля за деятельностью уполномоченных лиц, расширение возможностей для всех участников процесса при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Такой подход к модернизации системы административной ответственности способствует повышению ее эффективности и прозрачности, делая процесс более удобным для всех вовлечённых сторон.

Внедрение данного цифрового инструмента в производство по делам об административных правонарушениях приведёт к ряду организационноправовых последствий:

— снижение количества ошибок и процессуальных нарушений;

- устранение разнотечений в региональных и ведомственных практиках;
- оптимизация нагрузки на участников процесса;
- сокращение сроков рассмотрения дел;
- повышение прозрачности процедуры благодаря систематическому документированию, а также снижение коррупционных рисков;
- уменьшение финансовых затрат для всех вовлечённых сторон;
- совершенствование работы с цифровыми доказательствами, включая их надёжное хранение и обработку;
- сокращение объёма бумажной документации и соответствующих расходов на её хранение и обработку;
- поддержание высокого уровня профессиональной квалификации сотрудников и внедрение эффективных механизмов оценки их работы.

Современный этап развития общества, кроме прочего, также характеризуется появлением новых форм противоправного поведения, связанных с использованием цифровых технологий. Цифровая трансформация породила необходимость формирования особого блока административной ответственности за правонарушения в интернет-среде.

Основные направления совершенствования административного законодательства в цифровой сфере включают не только создание новых составов административных правонарушений, специфичных для цифровой среды и адаптацию существующих правовых норм к условиям цифровизации, но усиление мер ответственности за противоправные деяния в интернете.

При этом расширение сферы применения информационных технологий имеет ряд недостатков, включающих:

- размытие принципа презумпции невиновности.** Этот принцип трансформируется из абсолютного в относительный;
- отсутствие должной правовой регламентации.** Это может привести к тому, что автоматизированная система не будет легитимно привлекать к ответственности;
- снижение уровня правовой защиты граждан.** Например, ограничение принципа презумпции невиновности по отношению к ряду составов административных правонарушений, выявление которых происходит посредством технических средств и может возложить на граждан бремя доказывания своей невиновности.

Ярким примером, может служить принятый 31.07.2025 Федеральный закон Российской Федерации № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — «Закон о штрафах за поиск экстремистских материалов»).

Закон о штрафах за поиск экстремистских материалов вносит поправки в КоАП РФ, вводя административную ответственность за умышленный поиск в интернете материалов, включенных в федеральный список экстремистских материалов. Законом также введены штрафы за ре-

кламу VPN-сервисов и признано использование VPN (виртуальная частная сеть — обобщенное название технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений поверх другой сети) [5, с.1] отягчающим обстоятельством при совершении преступления (статья 63 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Закон о штрафах за поиск экстремистских материалов дополняет КоАП РФ новой статьей 13.53 «Поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен».

Названной статьей устанавливается административный штраф для граждан в размере от 3000 до 5000 рублей за факт «умышленного осуществления поиска» в интернете «заведомо экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов ... и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен».

К экстремистским материалам Закон о штрафах за поиск экстремистских материалов относит материалы, включенные в федеральный список экстремистских материалов Минюста, а также соответствующие формулировкам пункта 3 статьи 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Проблематика принятого Закона о штрафах за поиск экстремистских материалов создает риски не только для лиц по долгу службы работающих в области журналистики, юриспруденции, ИТ-специалистов, но и для обычных граждан.

При этом Закон о штрафах за поиск экстремистских материалов вводит ответственность за сам факт ознакомления с информацией, которая содержит в себе список из более чем 5 000 материалов, пополняющийся практически ежедневно.

В этой связи отсутствует единое понимание реализации указанного закона, поскольку возникают логичные вопросы — Как будут фиксировать факт поиска? Какими доказательствами будет пользоваться законодатель, должностное лицо, суд?

Как отмечает Малахов С. А., «Оценивая норму статьи 13.53 КоАП РФ на предмет ее соответствия требованиям принципа правовой определенности, следует начать с того, что умышленный поиск информации крайне сложно доказуем, под ним может пониматься использование поисковых систем с конкретными запросами, он может включать в себя как целенаправленный, так и случайный переход по ссылкам на сайты, где заведомо размещены экстремистские материалы. Остается не ясным, может ли простое попадание на такую интернет-страницу в результате случайного перехода быть расценено как умышленный поиск. Ответ на данный вопрос, исходя из содержания статьи 2.2 КоАП РФ, будет отрицательным» [6, с.47].

Проблема доказывания умышленного характера противоправного деяния в цифровой среде требует детального рассмотрения. Является ли история браузера, фиксирующая однократное посещение интернетресурса с экстремистским контентом, достаточным доказательством наличия умысла, или необходимо привлечение иных доказательственных материалов? С высокой долей вероятности о целенаправленном характере действий субъекта могут свидетельствовать два ключевых обстоятельства:

— многократное обращение к интернетисточникам, содержащим запрещённый контент;

— воздействование специализированных програмноаппаратных комплексов для обхода установленных ограничений доступа к информационным ресурсам (что отражено в диспозиции, соответствующей административноделиктной нормы).

Кроме того, положения Закона о штрафах за поиск экстремистских материалов на мой взгляд не коррелируются с закрепленным в статье 29 Конституции Российской Федерации правом граждан России искать, получать, передавать и производить информацию любым способом.

Прогресс в цифровизации процессов, связанных с административными делами, упрощает систему привлечения к ответственности и способствует реализации ключевого принципа — неотвратимости наказания. Однако в этом контексте важно также учитывать другой основополагающий принцип правосудия — презумпцию не-

виновности. Этот принцип подразумевает, что лицо считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет подтверждена решением суда. Таким образом, цифровизация в области административных правонарушений ставит перед законодателями и правоприменителями философский вопрос: что считать приоритетом — привлечение к ответственности и эффективное рассмотрение дел или же защита основных прав и свобод граждан посредством уважения к базовым конституционным принципам, включая презумпцию невиновности. Это требует баланса между эффективностью системы привлечения к ответственности и защитой прав граждан.

Резюмируя, следует отметить, что внедрение цифровых инструментов в производство по делам об административных правонарушениях создает комплексную систему преимуществ, способствующую повышению качества правоприменительной практики и эффективности всей административной системы.

Вместе с тем, цифровизация требует постоянного совершенствования административного законодательства как в части создания новых правовых норм, так и адаптации существующих к современным реалиям. Модернизация и вносимые изменения касаются не только создания новых составов правонарушений, но и модификации существующих норм с учетом специфики цифровой среды. Это позволяет обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов граждан в условиях развития информационных технологий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.93 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022;
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), стр. 1;
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // «Российская газета», № 138–139, 30.07.2002;
4. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Парламентская газета», № 29c, 07.08.2025;
5. Заключение Палаты по патентным спорам от 21.02.2020 (Приложение к решению Роспатента от 28.02.2020 по заявке № 2018750089) <О государственной регистрации товарного знака>;
6. Малахов С. А. Несоответствие некоторых составов административных правонарушений в области связи и информации требованиям принципа правовой определенности // Административное право и процесс. 2025. № 10. С. 45–49.

Порядок осуществления исправительного воздействия на условно осужденных

Клинкова Екатерина Николаевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

В статье рассматривается порядок организации и содержание воспитательной работы с условно осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ). Автор анализирует воспитательную работу как одно из основных средств, применяемых для исправления осужденных и не связанных с изоляцией от общества. Подчер-

кивается важность индивидуального подхода и взаимодействия между сотрудником УИИ и осужденным. Определяются ключевые направления воспитательного воздействия: нравственное, правовое и трудовое воспитание. Отмечается роль психолога в процессе исправления осужденного, которая заключается в изучении индивидуально-психологических свойств его личности. Делается вывод о том, что воспитательная работа носит непрерывный характер и осуществляется как в индивидуальной, так и в групповой форме, с приоритетом первой.

Ключевые слова: воспитательная работа, условное осуждение

Активное распространение наказаний и мер уголовно-правового характера, которые не связаны с изоляцией от общества, делает особенно актуальными разнообразные исследования в данной сфере. В частности, требуется подробно проанализировать нормы, которые используются для регламентирования подобных наказаний, а также непосредственно для обеспечения основных условий исполнения и отбывания назначенных наказаний в рамках этого института.

Согласно ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), целями уголовно-исполнительного законодательства являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [1]. При этом исправление осужденных не может быть осуществлено без необходимых воспитательных средств. Понимаемые в самом широком смысле слова, именно они выступают наиболее эффективными способами достижения предупредительной цели уголовно-исполнительного закона.

Отсюда следует, что сами нормы уголовно-исполнительного закона (их содержание) должны быть наполнены огромным по своей воспитательной силе потенциалом, способным сформировать у любой личности в период отбывания уголовного наказания твердые установки на отказ от противоправных, главным образом преступных, намерений в будущем.

Прежде чем приступить к рассмотрению воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ), представляется необходимым определить содержание таких терминов, как «воспитание» и «воспитательная работа с осужденными».

Воспитание всегда осуществляется через воспитательный процесс — целенаправленный процесс взаимодействия сотрудника и осужденного, сущностью которого является создание условий для самореализации участников этого процесса. Следовательно, процесс воспитания может быть индивидуальным или коллективным, но обязательно должен быть двусторонним. Такая точка зрения согласуется с мнением А. Л. Ременсона, который отмечает, что процесс воспитания — всегда есть процесс взаимодействия воспитателей и воспитуемых, поэтому восприятие осужденными оказываемых на них воздействий — неотъемлемый элемент содержания карательно-воспитательного процесса [2].

Как уточняет Н. А. Стручков, «воспитательный процесс при исполнении наказания предполагает не просто

воспитание человека, а исправление отдельных его взглядов и даже переделку всей его психологии, воспитание нового сознания в процессе изжития порочных антиобщественных взглядов и представлений» [3, с. 115–116]. Этот процесс предопределен многообразием межличностных отношений осужденных, их характеристик и конкретно складывающейся обстановкой [3].

Согласно ч. 2 ст. 9 УИК РФ, воспитательная работа относится к основным средствам исправления осужденных. Между тем закон не содержит определения воспитательной работы.

В соответствии с приказом Минюста РФ от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» начальным моментом проведения воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказания в виде обязательных работ и исправительных работ, считается день их явки в инспекцию с целью постановки на учет [4]. Инспектор, изучив личное дело и имеющуюся дополнительную информацию, устанавливает характер взаимодействия с осужденным. Воспитательная работа организуется по следующим основным направлениям: нравственное, правовое и трудовое воспитание.

Нравственное воспитание — это сложный и многогранный процесс формирования у личности нравственных идеалов, понятий и убеждений, привычек нравственного поведения. Оно неразрывно связано с духовной жизнью общества. Беседа с осужденным должна быть направлена на развитие нравственных качеств, что позволит личности задуматься о совершенном преступлении, о вреде, который был причинен другой личности, собственности и обществу в целом.

Правовое воспитание призвано обеспечить формирование установки на законопослушное поведение осужденных, осознание неотвратимости и справедливости назначенного наказания за совершенное преступление. Для этого проводятся правовые ликбезы по вопросам осужденных, создаются и заполняются информационные стенды, содержащие соответствующую информацию.

Трудовое воспитание предполагает понимание осужденными необходимости работать, соблюдать трудовую дисциплину и повышать свою квалификацию.

Важным субъектом в воспитательной работе с осужденными без изоляции от общества является психолог. Необходимость в данной должности продиктована Минимальными стандартными правилами ООН в отно-

шении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийскими правилами), которые были приняты в 1990 г.: «правонарушителем должна в случае необходимости оказываться психологическая... помощь» [5]. Таким образом, психолог — обязательный элемент структуры уголовно-исполнительной инспекции, а полученные им данные могут фиксироваться в личном деле и представляться инспектору. В личном деле осужденного отражаются его индивидуально-психологические свойства и качества, которые являются продуктом предшествующего социального опыта, процесса воспитания и само-воспитания личности, усвоенных ранее убеждений, мировоззрения, идеалов, привычек, системы отношений с окружающими. Иными словами, в характеристике содержится информация об уровне развития индивида, его поведении, эмоциональном отношении к действительности. Полученные данные служат основанием для разработки программы исправления и воспитания осужденного.

В заключение можно сделать вывод о том, что воспитательная работа проводится с осужденным при первичной постановке на учет, а также в случае дальнейших явлок в УИИ по каким-либо причинам. В то же время сотрудники УИИ имеют право на проведение дополнительной воспитательной работы при наличии оснований полагать, что это необходимо. Субъектами воспитательного воздействия являются сотрудники и психологи УИИ, родственники осужденного, его ближайшее окружение, а также различные службы и ведомства, которые оказывают содействие. Выделяют две основные формы воспитательной работы — индивидуальную и групповую. С учетом особенностей функционирования УИИ предпочтение отдается индивидуальной работе, поскольку именно в такой форме преимущественно взаимодействует сотрудник УИИ с осужденным. Главными направлениями воспитательного воздействия являются нравственное, трудовое и правовое воспитание, так как они приоритетны при нахождении человека на свободе.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940
2. Ременсон, А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ременсон Александр Львович. — Томск, 1965. — 63 с.
3. Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. — 288 с.
4. Приказ Минюста РФ от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89167/
5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила] // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml

Проблемы определения вины и крайней необходимости в делах о правонарушениях против порядка воинского учета

Коваленко Артём Васильевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Настоящая статья посвящена анализу сложных вопросов правоприменения, возникающих при квалификации административных правонарушений в области воинского учета. Основное внимание сосредоточено на двух институтах общей части административного деликтного права: вине и крайней необходимости. Автор исследует доктринальные и практические проблемы установления субъективной стороны составов правонарушений, предусмотренных главой 21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В контексте обстоятельства, исключающего противоправность, рассматривается правовая природа и условия применения крайней необходимости к действиям, посягающим на установленный порядок воинского учета. На основе анализа нормативно-правовых актов, правовых позиций судов и научной литературы выявляются противоречия и пробелы в правовом регулировании. Статья содержит предложения по совершенствованию административно-деликтных норм и унификации судебной практики для обеспечения принципа справедливости при привлечении к ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, воинский учет, вина, крайняя необходимость, субъективная сторона, Кодекс об административных правонарушениях, правоприменительная практика.

Административная ответственность за правонарушения против порядка воинского учета представляет собой специализированный институт административного права, обеспечивающий реализацию конституционной обязанности по защите Отечества. Эффективность этого института напрямую зависит от правильного применения норм как Особенной, так и Общей частей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [2]. В частности, квалификация деяний, связанных с неисполнением обязанностей по воинскому учету, сопряжена с существенными трудностями при установлении вины правонарушителя и оценки обстоятельств, которые могут исключать административную противоправность. Законодательные дефиниции умысла и неосторожности, закрепленные в статье 2.2 КоАП РФ, носят универсальный характер, однако их содержание и механизм доказывания требуют конкретизации применительно к специфическим составам главы 21 КоАП РФ. Аналогичные проблемы возникают при попытке применить институт крайней необходимости (статья 2.7 КоАП РФ) к ситуациям, в которых нарушение правил воинского учета выступает как вынужденная мера для устранения иной, более значительной опасности. Недостаточная теоретическая разработанность и отсутствие единообразной судебной практики по данным вопросам создают риски нарушения принципов вины, индивидуализации ответственности и законности. Таким образом, комплексный анализ проблем определения вины и крайней необходимости в рассматриваемой сфере является актуальной научно-практической задачей, направленной на оптимизацию административно-юрисдикционной деятельности и защиту прав граждан [9].

Принцип вины является фундаментальным началом российского административного деликтного права. В соответствии со статьей 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Вина представляет собой психическое отношение лица к совершающему противоправному деянию и его последствиям, выражющееся в форме умысла или неосторожности. Законодательное определение этих форм, данное в статье 2.2 КоАП РФ, служит основой для субъективного вменения. Умышленная вина характеризуется осознанием противоправного характера деяния, предвидением его вредных последствий и желанием или сознательным допущением их наступления. Неосторожность, свою очередь, может проявляться в виде легкомыслия (самонадеянного расчета на предотвращение последствий) или небрежности (непредвидения последствий при обязанности и возможности их предвидеть) [6].

Применительно к правонарушениям в области воинского учета, основным из которых является неисполнение

гражданами обязанностей по воинскому учету (статья 21.5 КоАП РФ), установление формы вины приобретает особую сложность. Диспозиции частей данной статьи описывают формальные составы, где объективная сторона исчерпывается фактом бездействия (неявка, несообщение сведений). В таких составах интеллектуальный момент вины сводится прежде всего к осознанию лицом противоправности своего бездействия. Однако на практике возникает вопрос: что именно должно осознавать лицо? Должно ли оно осознавать конкретную правовую норму или достаточно понимания общественной значимости и обязательности действий по воинскому учету? Сложившийся подход в правоприменении склоняется к последнему. Например, при рассмотрении дел о неявке по повестке (часть 1 статьи 21.5 КоАП РФ) умысел часто усматривается в самом факте осознанного неповиновения законному требованию органа власти, адресованному конкретному лицу. При этом мотивы неявки (забывчивость, пренебрежение, протест) не меняют квалификацию, но могут учитываться при назначении наказания.

Более проблематичным является установление неосторожной формы вины, в особенности небрежности. Может ли гражданин быть привлечен к ответственности за несообщение сведений об изменении места работы или семейного положения (часть 2 статьи 21.5 КоАП РФ) по небрежности? Для положительного ответа необходимо установить, что лицо, хотя и не предвидело необходимости совершить требуемое действие, должно было и могло ее предвидеть. Объективный критерий («должно было») вытекает из публично-правовой обязанности, возложенной федеральным законом. Субъективный критерий («могло») требует анализа индивидуальных особенностей правонарушителя: уровня правовой грамотности, жизненных обстоятельств, способа получения информации о своей обязанности. На практике органы, составляющие протоколы, и суды зачастую ограничиваются констатацией объективного критерия, что приводит к фактическому объективному вменению и нарушению принципа вины. Это особенно ярко проявляется в делах, где гражданин, например, своевременно не уведомил военкомат о переезде в связи со сложной жизненной ситуацией (болезнь, потеря близких), которая могла объективно затруднить осознание и выполнение административных процедур [9].

Судебная практика демонстрирует эту дилемму. С одной стороны, существуют решения, где суды отказываются привлекать к ответственности за несообщение сведений, если гражданин представил доказательства, что он не мог в силу конкретных обстоятельств (длительная командировка с отсутствием доступа к связи, тяжелое заболевание) осознать и исполнить свою обязанность. В таких случаях суды указывают на отсутствие

вины. С другой стороны, распространены постановления, где ссылка на занятость, незнание закона или отсутствие умысла признается неуважительной, а вина устанавливается исходя из самого факта нарушения. Подобная противоречивость свидетельствует о необходимости выработки более четких, детализированных критерии оценки субъективной стороны в рассматриваемых составах, возможно, через разъяснения Верховного Суда РФ.

Бремя доказывания вины лежит на органе или должностном лице, осуществляющем производство по делу об административном правонарушении. В делах о нарушениях воинского учета это, как правило, должностные лица военных комиссариатов или органов внутренних дел. Особенностью доказывания является то, что основным, а зачастую и единственным доказательством, подтверждающим событие правонарушения, является официальный документ (повестка, журнал учета, справка об отсутствии сообщенных сведений). Однако сам по себе документ, фиксирующий бездействие гражданина, не доказывает его вину. Необходимо установить и зафиксировать психическое отношение лица к этому бездействию [8].

На практике это приводит к ситуации, когда вина выводится (презюмируется) из объективно установленного факта нарушения. Такое упрощенное понимание доказывания противоречит презумпции невиновности. Для установления умысла, например, при неявке по повестке, следовало бы исследовать: получил ли гражданин повестку, правильно ли он понял ее содержание, имел ли возможность в указанное время прибыть в военкомат, предпринимал ли действия, свидетельствующие о намерении проигнорировать требование (например, открытое заявление об отказе). Часто же в материалах дела существует лишь акт о неявке и объяснение самого гражданина, которое может трактоваться как попытка уйти от ответственности. Для установления неосторожности в форме небрежности круг подлежащих доказыванию обстоятельств еще шире: необходимо оценивать, какие меры должен был и мог предпринять гражданин для получения информации о своих обязанностях (следил ли за изменениями в законодательстве, интересовался ли порядком учета при изменении места жительства), и что помешало ему это сделать [7].

Отдельную проблему представляет доказывание вины при нарушении обязанностей, которые носят длящийся характер, например, обязанности сообщать об изменении семейного положения. Когда начался и когда окончился срок неисполнения этой обязанности? Можно ли говорить о едином правонарушении или о множественности действий? От ответа на эти вопросы зависит не только квалификация, но и оценка вины. Если гражданин вступил в брак, но не сообщил об этом в течение нескольких лет, его вина может трансформироваться от возможной небрежности в начале периода к осознанному уклонению (умыслу) в его продолжении. Однако правоприменительная практика редко проводит такой дифференцированный

анализ, ограничиваясь констатацией факта длительного неисполнения обязанности.

Так, существующая процедура доказывания вины в данной категории дел зачастую носит формальный характер и не обеспечивает глубокого исследования субъективной стороны правонарушения. Это требует совершенствования методических рекомендаций для должностных лиц, составляющих протоколы, и активизации использования всего арсенала доказательств, включая свидетельские показания, документы, подтверждающие те или иные жизненные обстоятельства правонарушителя, и экспертные заключения (например, психолого-лингвистическая экспертиза для оценки содержания объяснений гражданина) [10].

Крайняя необходимость, регламентированная статьей 2.7 КоАП РФ, является обстоятельством, исключающим административную противоправность деяния. Согласно норме, не является правонарушением причинение вреда охраняемым законом интересам для устранения непосредственной опасности, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и причиненный вред менее значителен, чем вред предотвращенный. Данное определение корреспондирует с нормой уголовного права (статья 39 Уголовного кодекса РФ), что позволяет использовать наработанную уголовно-правовую доктрину при анализе административно-правового института.

Применительно к нарушениям воинского учета применение статьи 2.7 КоАП РФ представляет собой сложную и редко встречающуюся в практике ситуацию. Для этого необходимо, чтобы неисполнение обязанности по воинскому учету (например, неявка по повестке, непредставление документов) было направлено на устранение опасности, угрожающей личности, правам, интересам общества или государства. При этом предотвращенный вред должен превосходить вред от дезорганизации системы воинского учета [9].

Теоретически можно представить ряд казусов. Гражданин, получивший повестку о явке для уточнения учетных данных, становится свидетелем дорожно-транспортного происшествия с пострадавшими. Для оказания первой помощи и спасения жизни людей он не является в военкомат, тем самым нарушая часть 1 статьи 21.5 КоАП РФ. В данном случае налицо конфликт двух охраняемых законом интересов: интереса в надлежащем функционировании системы воинского учета и интереса в сохранении жизни и здоровья человека. Очевидно, что второй интерес обладает безусловно большей значимостью. Опасность для жизни пострадавших является непосредственной, а у гражданина может не быть иной возможности оказать помощь (например, вызвать скорую и остаться на месте). Следовательно, при доказанности этих обстоятельств его действия могут быть подведены под признаки крайней необходимости.

Другой пример: гражданин, обязанный сообщить в военкомат о выезде за границу, экстренно покидает страну для того, чтобы предотвратить тяжкое преступление

против члена своей семьи, находящегося за рубежом. В этой ситуации предотвращаемый вред (жизнь и здоровье близкого человека) также может быть расценен как более значительный, чем вред от нарушения правил учета выезда. Ключевым условием будет доказательство того, что у гражданина не было возможности сначала уведомить военкомат, а затем выехать, то есть опасность была настолько непосредственной, что любая задержка могла привести к необратимым последствиям [7].

Однако в правоприменительной практике ссылки на крайнюю необходимость по делам главы 21 КоАП РФ встречаются крайне редко и почти никогда не принимаются судами. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, высокая планка доказывания: необходимо документально или свидетельскими показаниями подтвердить наличие реальной, непосредственной опасности, а не просто ссылаться на гипотетические или бытовые трудности. Во-вторых, действует презумпция, что обязанности по воинскому учету являются настолько важными для обороноспособности государства, что их нарушение априори не может быть оправдано соображениями частного характера. В-третьих, зачастую суды трактуют условие об отсутствии иных средств очень строго: если была хоть какая-то теоретическая возможность исполнить обязанность (позвонить, отправить сообщение), состояние крайней необходимости не признается.

Такой формальный подход лишает институт крайней необходимости практического смысла в данной сфере. Он игнорирует ситуационный характер многих конфликтов, в которых оказываются граждане. Представляется, что для более гибкого и справедливого применения статьи 2.7 КоАП РФ необходимо на уровне судебной практики выработать более четкие критерии соразмерности вреда. Вред от нарушения воинского учета не является абстрактным; он может варьироваться от незначительного (несвоевременное обновление анкетных данных) до существенного (срыв мероприятий по призыву). Оценка предотвращенного вреда также должна быть конкретной. Только при таком взвешенном подходе крайняя необходимость сможет выполнять свою предназначенную законодателем функцию — быть «клапаном», позволяющим в исключительных обстоятельствах отступить от буквы закона для защиты более высокой ценности [9].

Вина и крайняя необходимость, хотя и относятся к разным элементам состава правонарушения (субъективная сторона и обстоятельство, исключающее противоправность), находятся в определенной взаимосвязи при оценке деяния. В некоторых случаях обстоятельства, которые гражданин приводит в оправдание своего нарушения, могут оцениваться правоприменителем двояко: либо как свидетельство отсутствия вины (например, отсутствие умысла или небрежности в силу чрезвычайной ситуации), либо как признаки состояния крайней необходимости [7].

Возьмем ситуацию, когда гражданин не явился в военкомат из-за внезапной госпитализации своего несовер-

шеннолетнего ребенка. При рассмотрении дела он представляет справку из больницы. Как квалифицировать эту ситуацию? Можно пойти по пути анализа вины: имело ли лицо возможность предвидеть, что в день явки потребуется его экстренное присутствие в больнице? Поскольку заболевание ребенка является непредвиденным обстоятельством, можно сделать вывод об отсутствии не только умысла, но и небрежности — гражданин не должен был и не мог предвидеть данное событие, следовательно, его вины нет. Альтернативный путь — рассмотреть действия через призму крайней необходимости. Опасность для здоровья ребенка является непосредственной. Уход за ним в больнице — средство устранения этой опасности. Вред от неявки в военкомат (дезорганизация планового мероприятия) является менее значительным, чем вред от оставления ребенка без помощи. Следовательно, действия могут быть квалифицированы как совершенные в состоянии крайней необходимости.

Какой из подходов предпочтительнее? С точки зрения гражданина, результат одинаков — он освобождается от ответственности. Однако с правовой и процессуальной точки зрения разница существенна. В первом случае констатируется отсутствие состава правонарушения из-за отсутствия обязательного признака — вины. Во втором случае состав правонарушения формально присутствует, но деяние не является противоправным в силу прямого указания закона. Для правоприменителя второй путь часто психологически сложнее, так как требует открытого признания, что в конкретной ситуации частный интерес перевесил публичный. Поэтому на практике такие ситуации почти всегда разрешаются через признание невиновности (отсутствие состава) по причине наличия уважительной причины, которая, по сути, является частным случаем обстоятельств, исключающих вину. Это приводит к тому, что статья 2.7 КоАП РФ остается «спящей» нормой, а богатая доктрина крайней необходимости не используется в полной мере для защиты прав граждан в административном процессе [10].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, определение вины при привлечении к административной ответственности за нарушения порядка воинского учета сопряжено с существенными теоретическими и практическими сложностями. Формальный характер составов правонарушений, закрепленных в статье 21.5 КоАП РФ, провоцирует упрощенный подход к доказыванию субъективной стороны, что ведет к риску объективного вменения и нарушению принципа виновной ответственности. Во-вторых, институт крайней необходимости, закрепленный в статье 2.7 КоАП РФ, практически не применяется в рассматриваемой категории дел из-за высоких требований к доказыванию и сложившейся в правоприменении презумпции приоритета публичных интересов воинского учета над любыми частными обстоятельствами [8].

Для преодоления выявленных проблем необходима системная работа. На законодательном уровне возможно

уточнение диспозиций норм главы 21 КоАП РФ путем введения оценочных критериев, учитывающих степень общественной опасности конкретного нарушения. На уровне правоприменения Верховному Суду РФ целесообразно подготовить обзор практики с разъяснениями по вопросам установления форм вины и оценки обстоятельств, которые могут свидетельствовать об отсутствии вины или о состоянии крайней необходимости. Для должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы, должны быть разработаны методические рекомендации, обязывающие их не ограничиваться констатацией факта

нарушения, а полно и всесторонне исследовать мотивы, цели и обстоятельства, при которых гражданин не исполнил свою обязанность.

Только при таком подходе административная ответственность за правонарушения против порядка воинского учета будет соответствовать конституционным принципам справедливости, законности и гуманизма [1], обеспечивая, с одной стороны, незыблемость оборонного потенциала государства, а с другой — гарантируя защиту прав и законных интересов граждан от необоснованного привлечения к ответственности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. 31. Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 19.12.2013) // Бюллетень ВС РФ. 2005. № 5.
5. Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2019 № 83-АПА19-1 по делу об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 21.5 КоАП РФ // СудАкт.
6. Агапов А. Б. Административная ответственность: Учебник. — М.: Юрайт, 2022. — 480 с.
7. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. — 4-е изд., пересмотр. — М.: Норма, 2021. — 800 с.
8. Кикоть В. Я. Военно-административное право (военная администрация): Учебник. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 415 с.
9. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Административное право России: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2023. — 680 с.
10. Хабалов П. А. Субъективная сторона административного правонарушения: проблемы теории и практики // Административное право и процесс. — 2021. — № 5. — С. 45–50.

Полномочия военных комиссариатов, органов внутренних дел и иных субъектов по составлению протоколов и рассмотрению дел

Коваленко Артём Васильевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Настоящая статья посвящена исследованию административно-юрисдикционных полномочий органов, уполномоченных осуществлять производство по делам об административных правонарушениях в области воинского учета. В центре внимания находится анализ компетенции военных комиссариатов, органов внутренних дел и иных субъектов в части составления протоколов и рассмотрения дел о нарушениях, предусмотренных главой 21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Автор рассматривает нормативно-правовые основы деятельности указанных органов, включая особенности, связанные с привлечением к ответственности специальных субъектов — военнослужащих и лиц, имеющих специальные звания. На основе изучения действующего законодательства и правоприменительной практики выявляются проблемные аспекты в разграничении полномочий и процедурных вопросах. В заключение формулируются выводы, направленные на совершенствование административно-деликтного механизма в исследуемой сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, воинский учет, административно-юрисдикционные полномочия, военный комиссариат, органы внутренних дел, административное производство, специальный субъект.

Система воинского учета представляет собой фундаментальный элемент обеспечения обороноспособности и безопасности государства, регламентированный Конституцией Российской Федерации, возлагающей на граждан обязанность по защите Отечества [1]. Эффективность функционирования этой системы напрямую зависит от качества правового регулирования и последовательности применения мер государственного принуждения к нарушителям установленного порядка. Административная ответственность за правонарушения в области воинского учета, сосредоточенная в главе 21 КоАП РФ, выступает основным инструментом реагирования на подобные проступки. Ключевое значение для реализации этого инструмента имеет четкое законодательное закрепление и практическое осуществление административно-юрисдикционных полномочий за конкретными органами государственной власти. Речь идет о полномочиях по возбуждению дел об административных правонарушениях посредством составления протоколов, а в установленных случаях — по их рассмотрению и назначению наказаний [8].

Важнейшая роль в этом процессе традиционно отводится органам военного управления, прежде всего военным комиссариатам, а также правоохранительным структурам, в частности органам внутренних дел. Однако правовое регулирование их компетенции отличается сложностью и наличием специальных изъятий, особенно в части привлечения к ответственности таких субъектов, как военнослужащие. Анализ этих полномочий, выявление существующих правовых коллизий и пробелов представляется актуальной научной задачей, решение которой способствует обеспечению законности, единобразия правоприменения и укреплению государственного управления в важнейшей оборонной сфере [6].

Военные комиссариаты, являясь территориальными органами Министерства обороны Российской Федерации, наделены широким спектром полномочий в области организации и ведения воинского учета, призыва граждан на военную службу, а также осуществления контроля за соблюдением соответствующего законодательства. Их административно-юрисдикционная функция вытекает из этой контрольной деятельности и детализируется в административном законодательстве. В отличие от общих положений, закрепляющих лишь некоторые организационные аспекты их работы, конкретные полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях устанавливаются КоАП РФ. Анализ главы 21 КоАП РФ позволяет сделать вывод, что военные комиссариаты выступают основным органом, уполномоченным документировать факты наиболее распространенных нарушений в данной сфере.

Так, непосредственно должностные лица военных комиссариатов правомочны составлять протоколы по статьям, предусматривающим ответственность за неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету, включая неявку по повестке, несвоевременное сообщение об изменении места жительства, семейного положения, выезде за границу и другие аналогичные проступки. Это полномочие является логическим продолжением их основной функции по организации призыва и ведению учета, поскольку именно военкоматы формируют и направляют гражданам повестки, принимают от них сообщения, ведут персональные дела и, следовательно, первыми выявляют факты неисполнения установленных требований. Указанная компетенция закрепляется в подзаконных актах, определяющих должностные обязанности, например, военного комиссара субъекта Российской Федерации, который организует всю деятельность комиссариата и несет за нее ответственность [8].

Особый интерес представляет вопрос о наличии у военных комиссариатов полномочий по рассмотрению дел и назначению наказаний. Общий анализ КоАП РФ свидетельствует, что такие полномочия предоставлены им в ограниченном объеме. В большинстве случаев составленный военкоматом протокол направляется для рассмотрения в суд. Тем не менее, за некоторыми должностными лицами военных комиссариатов может быть закреплено право рассматривать отдельные категории дел, например, о нарушениях, совершенных руководителями организаций, связанных с военно-учетной работой. Важно отметить, что процессуальная деятельность военных комиссариатов должна строго соответствовать требованиям разделов IV, V КоАП РФ, регламентирующих порядок производства по делам об административных правонарушениях. На практике это порождает вопросы, связанные с обеспечением принципов состязательности и объективности, когда одно и то же учреждение выявляет нарушение, фиксирует его и в отдельных случаях оценивает. Таким образом, военные комиссариаты, обладая ключевыми полномочиями по инициированию административного преследования за нарушения воинского учета, действуют в рамках сложного процессуального взаимодействия с судебными органами, что формирует специфическую модель административной юрисдикции в данной области.

Органы внутренних дел (полиция) как субъект, наделенный широкими контрольными и надзорными полномочиями в сфере общественного порядка, также вовлечены в процесс обеспечения соблюдения правил воинского учета. Однако их роль носит вспомогательный и обеспечительный характер по отношению к деятельности военных комиссариатов. Прямое нормативное закрепление полномочий полиции составлять протоколы

по статьям главы 21 КоАП РФ отсутствует, что указывает на производный характер их юрисдикционной активности в этой сфере [9].

Основная функция органов внутренних дел в контексте воинского учета реализуется в двух направлениях. Во-первых, это оперативно-розыскная деятельность, направленная на установление местонахождения граждан, уклоняющихся от воинского учета и призыва. Военные комиссариаты, столкнувшись с фактом неявки гражданина по повестке и отсутствием сведений о его местонахождении, в установленном порядке взаимодействуют с органами внутренних дел для организации розыска. Во-вторых, органы внутренних дел могут выявлять нарушения правил воинского учета в ходе выполнения своих непосредственных обязанностей, например, при проверке документов у граждан, оформлении паспортно-визовых документов или регистрационного учета. Обнаружив такое нарушение, сотрудник полиции не уполномочен самостоятельно составлять протокол по статье 21.5 КоАП РФ, но должен зафиксировать данный факт и передать информацию, а при необходимости и доставленного гражданина, в соответствующий военный комиссариат для проведения процессуальных действий и принятия решения.

Кроме того, законодательство возлагает на органы внутренних дел обязанность по предоставлению в военные комиссариаты сведений, необходимых для ведения воинского учета (например, данных о регистрации граждан по месту жительства и пребывания). Непредставление таких сведений влечет административную ответственность по статье 21.4 КоАП РФ, однако субъектом такого правонарушения выступает уже не гражданин, а должностное лицо соответствующего государственного органа. В подобных случаях процедура привлечения к ответственности также может инициироваться военным комиссариатом. Таким образом, административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области воинского учета носит преимущественно обеспечительный и информационный характер, а их полномочия по самостоятельному составлению протоколов по рассматриваемым составам правонарушений не предусмотрены, что подчеркивает специальный статус военных комиссариатов как главных контролеров в данной сфере [8].

При рассмотрении полномочий по привлечению к ответственности за нарушения воинского учета необходимо учитывать исключительный правовой статус отдельных категорий лиц. Речь идет о военнослужащих, гражданах, призванных на военные сборы, а также сотрудниках правоохранительных органов и иных лицах, имеющих специальные звания (сотрудники Следственного комитета, органов внутренних дел, войск национальной гвардии и др.). Для них законодательством установлен специальный режим административной ответственности, кардинально меняющий компетенцию общих юрисдикционных органов.

В соответствии со статьей 2.5 КоАП РФ [2] указанные лица за совершение подавляющего большинства админи-

стративных правонарушений, включая нарушения в области воинского учета, несут не административную, а дисциплинарную ответственность. Данная норма является императивной и направлена на поддержание особого порядка подчиненности и субординации, характерного для военной и правоохранительной службы. Это означает, что если правонарушение, предусмотренное главой 21 КоАП РФ, совершено, например, военнослужащим, проходящим службу по призыву или контракту, либо сотрудником органа внутренних дел, стандартная процедура составления протокола должностным лицом военного комиссариата и последующее рассмотрение дела в суде не применяются. Выявленный факт нарушения подлежит оформлению в ином порядке и передаче по месту службы виновного лица для решения вопроса о привлечении его к дисциплинарной ответственности в соответствии с дисциплинарными уставами и специальными федеральными законами, такими как Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [4].

Практическая реализация этой нормы создает сложные процессуальные коллизии. Военный комиссариат, установив факт неявки по повестке или иного нарушения, должен прежде всего удостовериться в статусе лица. Если выясняется, что гражданин является военнослужащим, производство по делу об административном правонарушении не может быть начато либо подлежит прекращению. Однако сам военный комиссариат не обладает полномочиями по привлечению к дисциплинарной ответственности военнослужащих других ведомств или сотрудников полиции. Его функция сводится к направлению соответствующих материалов командиру воинской части или начальнику органа внутренних дел, где проходит службу правонарушитель. При этом, как отмечено в разъяснениях правоприменительной практики, бремя информирования о своем специальном статусе лежит на самом правонарушителе, а умышленное скрытие такого статуса может быть расценено как злоупотребление правом. Таким образом, полномочия военных комиссариатов и иных органов в отношении специальных субъектов трансформируются из юрисдикционных в информационно-обеспечительные, а центр тяжести ответственности смешается из сферы административного права в сферу дисциплинарного и служебного права, что создает необходимость четкого межведомственного взаимодействия.

Сложившаяся система административно-юрисдикционных полномочий в сфере воинского учета, несмотря на детальную законодательную регламентацию, содержит ряд проблемных аспектов, затрудняющих ее эффективное применение. Одной из таких проблем является неопределенность в разграничении моментов, когда дело подлежит направлению в суд, а когда может быть рассмотрено административной комиссией или должностным лицом в самом военном комиссариате. Отсутствие ясных и единообразных критериев на уровне подзаконного регулирования приводит к различиям в правоприменительной

практике в разных регионах, что ставит под угрозу принцип равенства всех перед законом [8].

Другой значимой проблемой выступает процедурная сложность, возникающая при выявлении нарушений, совершенных специальными субъектами. Алгоритм действий должностного лица военного комиссариата, обнаружившего, что не явившееся по повестке лицо является военнослужащим, формально прописан, но его реализация на практике часто сопряжена с бюрократическими задержками, сложностями в установлении точного места службы и налаживании оперативной связи с командованием соответствующей части. Это может приводить к фактической безнаказанности правонарушителя, поскольку дисциплинарное производство в его части инициируется с опозданием или не инициируется вовсе. Более того, санкции, предусмотренные дисциплинарными уставами за подобные проступки, могут оказаться менее строгими, чем административный штраф, установленный КоАП РФ, что создает необоснованное неравенство между обычными гражданами и военнослужащими за совершение тождественных правонарушений [7].

Кроме того, вызывает вопросы эффективность модели, при которой орган, осуществляющий оперативный контроль (военный комиссариат), одновременно выступает и основным субъектом, фиксирующим нарушения. Это требует от должностных лиц военкоматов не только высокой профессиональной квалификации в военно-учетной работе, но и глубоких знаний в области административного процесса, что не всегда достижимо. Отдельного внимания заслуживает вопрос о полномочиях органов внутренних дел. Их полное исключение из круга субъектов, уполномоченных составлять протоколы по делам о «уклонении» от явки по повестке, может быть оправдано с точки зрения специализации, однако в ситуациях, когда сотрудник полиции непосредственно задерживает гражданина, находящегося в розыске за такое нарушение, отсутствие права на составление протокола выглядит процедурным пробелом, усложняющим и затягивающим процедуру привлечения к ответственности [6].

Для решения указанных проблем представляется необходимым комплекс мер. Во-первых, требуется принятие нормативного правового акта Министерства обороны Российской Федерации, детально регламентирующего административно-процессуальные действия должностных лиц военных комиссариатов, включая типовые формы документов и четкие алгоритмы взаимодействия с судами и другими ведомствами. Во-вторых, целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в КоАП РФ, предоставляющих сотрудникам полиции, осуществляющим

задержание гражданина на основании розыскного задания военного комиссариата, право составлять протокол об административном правонарушении с последующей незамедлительной передачей материалов в военкомат. В-третьих, необходим пересмотр санкций дисциплинарных уставов в части нарушений, аналогичных административным правонарушениям в области воинского учета, для обеспечения принципа соразмерности и эффективности наказания независимо от статуса правонарушителя. Реализация этих предложений будет способствовать оптимизации административно-юрисдикционного процесса, усилиению его результативности и укреплению законности в сфере, имеющей первостепенное значение для государственной безопасности [9].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что система административно-юрисдикционных полномочий в сфере воинского учета характеризуется сложной, иерархически выстроенной структурой с четко выраженным доминированием военных комиссариатов как органов, специализированных на осуществлении контроля и первичном документировании нарушений. Роль органов внутренних дел является важной, но обеспечивающей, сосредоточенной на розыске лиц, уклоняющихся от учета, и предоставлении необходимой информации. Кардинальное отличие в правовом регулировании наблюдается в отношении специальных субъектов — военнослужащих и приравненных к ним лиц, ответственность которых за аналогичные проступки переводится в дисциплинарную плоскость, что существенно меняет набор процессуальных действий и круг уполномоченных органов. Нормативной основой для разграничения этих полномочий служат положения главы 21 и статьи 2.5 КоАП РФ, а также профильные федеральные законы [7].

Однако действующая модель не лишена недостатков, проявляющихся в проблемах межведомственного взаимодействия, процессуальных пробелах и рисках неравенства в применении санкций. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на детализацию административных процедур, усиление процессуальных гарантий для граждан, оптимизацию механизмов привлечения к ответственности специальных субъектов и повышение общей эффективности административного принуждения как средства обеспечения незыблемости конституционного долга по защите Отечества. Только при условии четкого, непротиворечивого и практикоориентированного регулирования полномочий государственных органов административная ответственность в области воинского учета сможет в полной мере выполнять свою превентивную и правовосстановительную функции.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
4. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
5. Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2019 № 83-АПА19-1 по делу об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 21.5 КоАП РФ // СудАкт.
6. Агапов А. Б. Административная ответственность: учебник для вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 511 с.
7. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. — 4-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма, 2021. — 800 с.
8. Кикоть В. Я. Военно-административное право (военная администрация): учебник. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 415 с.
9. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Административное право России: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2023. — 680 с.

Состояние законности в сфере государственных (муниципальных) закупок

Кожарская Ксения Олеговна, студент магистратуры;
Струков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследовано правовое состояние в сфере государственных (муниципальных) закупок, при котором достигается единообразное принятие законов, нормативных актов и иных решений, их понимание и четкая реализация в конкретных правоотношениях.

Ключевые слова: государственные закупки, муниципальные закупки, прокурорский надзор

В сфере государственных (муниципальных) закупок имеет место значительное количество нарушений действующего законодательства. Так, 39 201 жалоба от участников закупок поступила в ФАС России в 2024 году, что является достаточно высоким показателем. В то же время количество жалоб снизилось на 27,3 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года [1], что свидетельствует об определенной положительной динамике.

Стоит отметить, что распространенные нарушения законности в сфере закупок носят зачастую коррупционный характер и выражаются в использовании заказчиком различных незаконных механизмов, направленных на заключение договора с заранее выбранным участником торгов, с которым заказчик находится в сговоре [2, с. 9]. За совершение подобных незаконных действий представители заказчика получают определенную материальную выгоду (так называемые «откаты») [3, с. 65]. В указанных случаях нередко имеет место конфликт интересов, выражающийся в том, что победителями торгов признаются те участники, которые находятся в родственных или иных близких отношениях с представителями заказчика.

Опасность таких коррупционных нарушений очевидна и заключается в первую очередь в том, что в результате подобных соглашений между заказчиком и участником торгов ликвидируется конкуренция, а значит, другие участники торгов не получают полагающихся им по за-

кону равных возможностей для участия в торгах. Итогом подобных нарушений, зачастую происходящих на систематической основе, становится закупка товаров, работ и услуг низкого качества по завышенным ценам, что означает неэффективное расходование бюджетных средств [4, с. 212].

Следует также отметить, что чем выше конкуренция, тем сложнее поддерживать сговор между заказчиком и участником торгов, тем выше «стоимость» подобных нарушений для лиц, их совершающих (ввиду более высоких рисков). В связи с этим столь важным является обеспечение добросовестной конкуренции в сфере закупок.

Коррупционные нарушения могут иметь место на любом из этапов процесса закупок: при их планировании, при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей), при заключении контрактов, предусмотренных Федеральным законом № 44-ФЗ, и при их исполнении [5, с. 94]. Например, широко распространено искусственное дробление закупок, позволяющее заказчику создавать формальные условия для заключения контракта с единственным поставщиком.

Как отмечает К. И. Федченко, в определенной степени противодействию коррупции посредством повышения прозрачности способствует цифровизация контрактной системы в сфере закупок: сама по себе она не исключает конфликта интересов, но открытость процедуры и авто-

матизация процессов, связанных с планированием, размещением заявок и контролем, существенно усложняет возможность совершения коррупционных преступлений и картельныхговоров [6, с. 29].

В научной литературе выделяют такие коррупционные факторы, сопровождающие закупки, как установление необоснованно коротких сроков для исполнения контракта, установление неконкурентной цены за исполнение заказа, а также толкование критериев оценки заявок участников закупки в пользу заинтересованных лиц [7, с. 185].

Указанным нарушениям может также способствовать: некорректно сформулированное техническое задание, не дающее возможности однозначного толкования; установление необоснованных, избыточных требований к товарам, работам, услугам, которым с очевидностью способен соответствовать только один конкретный участник торгов, под которого и составляется документация; манипулирование информацией в целях введения в заблуждение участников торгов и сведения к минимуму реальной конкуренции.

Вместе с тем актуальной проблемой является слабый контроль качества при приемке товаров, работ, услуг, в результате чего оплата из бюджета может перечисляться за работы и услуги, выполненные не в полном объеме или не соответствующие требованиям к их качеству, за недопоставленные или некачественные товары и т. д. Так, в научной литературе отмечается, что в ходе прокурорских проверок нередко устанавливаются факты оплаты фактически невыполненных объемов работ, оплаты работ, не предусмотренных технической документацией, оплаты использованных материалов и объемов работ по завышенной стоимости [8].

А. Ю. Мариничева выделяет следующие наиболее типичные нарушения в рассматриваемой сфере: заключение государственных (муниципальных) контрактов в отсутствие доведенных лимитов бюджетных обязательств; включение в государственные (муниципальные) контракты незаконных условий или несоответствие их требованиям федерального законодательства; несоблюдение срока оплаты за поставленные товары, выполненные работы, оказанные услуги, влекущее дополнительные расходы бюджета; уклонение от приемки фактически постав-

ленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг для государственных и муниципальных нужд; отсутствие расчета и обоснования начальной (максимальной) цены контракта, неверное определение цены, завышение цены контракта; дробление контрактов; нарушение установленного порядка по предоставлению субсидий из регионального бюджета местному бюджету; ненадлежащий контроль соблюдения условий предоставления субсидий из областного бюджета местному бюджету согласно заключенным соглашениям. К распространенным нарушениям законодательства, выявленным в ходе прокурорских проверок, также относится несвоевременность приведения целевых (или иных) программ, предусматривающих расходные обязательства бюджета по оплате, в соответствие с решением о бюджете на соответствующий период, создающая угрозу несвоевременного освоения ранее выделенных бюджетных средств, чреватую ненадлежащим исполнением органами исполнительной власти функций учредителя (применительно к подведомственным учреждениям). Основные причины выявленных прокурорами нарушений, как отмечает автор, кроются: в заключении публичных контрактов, заведомо не обеспеченных финансированием из бюджета; в неполном исполнении доходных частей бюджета; в недостаточности финансирования деятельности заказчика исходя из изменений экономической обстановки [9, с. 107].

Распространенным на практике нарушением является неоплата или несвоевременная оплата заказчиками обязательств по исполненным государственным (муниципальным) контрактам. Причиной для этого, как отмечает С. Н. Рудых, нередко являются нарушения порядка предоставления субсидий из регионального бюджета местным бюджетам и ненадлежащее осуществление контроля за соблюдением условий предоставления субсидий из областного бюджета местным бюджетам на основании заключенных соглашений [10].

При этом в научной литературе отмечается, что сокращению задолженности перед хозяйствующими субъектами нередко способствуют принимаемые прокурорами меры по инициированию внесения изменений в решения о бюджетах различных уровней для погашения задолженности по государственным и муниципальным контрактам [10, с. 78].

Литература:

1. ФАС рассмотрела более 39 тысяч жалоб от участников закупок в 2024 году. — URL: <https://fas.gov.ru/news/33751> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Симаева, Е. П. Актуальные проблемы трансформации процедуры государственных закупок в условиях цифровизации / Е. П. Симаева, М. В. Демченко // Безопасность бизнеса. — 2022. — № 1. — С. 8–13.
3. Смирнов, А. Ф. Методические рекомендации по проверке исполнения законодательства о государственных и муниципальных закупках / А. Ф. Смирнов // Роль государственных закупок в развитии экономики Российской Федерации : сб. ст. / под ред. Т. И. Отческой. — М. : РГ-Пресс, 2020. — С. 64–68.
4. Козлова, Н. С. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в сфере закупок / Н. С. Козлова // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 10 (238). — С. 212–214.

5. Козлова, Н. С. Практика прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках на этапе исполнения контрактов / Н. С. Козлова // Государственная служба и кадры. — 2025. — № 3. — С. 92–95.
6. Федченко, К. И. Цифровизация как основная тенденция совершенствования финансово-правового регулирования контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд / К. И. Федченко // Юридическая наука. — 2022. — № 9. — С. 28–33.
7. Шатская, И. И. Нормативно-правовое регулирование системы государственных закупок / И. И. Шатская, Л. М. Малешина // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 5. — С. 183–186.
8. Рудых, С. Н. Некоторые вопросы прокурорского надзора за исполнением антикоррупционного законодательства при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : учеб. пособие / С. Н. Рудых, В. Н. Шиханов Н. В. Субанова ; под общ. ред. С. Н. Рудых. — Иркутск : ИЮИ (ф) УП РФ, 2020. — 119 с.
9. Мариничева, А. Ю. Практика прокурорского надзора за соблюдением прав участников контрактного процесса на своевременную оплату заказчиками обязательств по исполненным публичным контрактам / А. Ю. Мариничева // Уголовная юстиция. — 2021. — № 18. — С. 106–109.
10. Рудых, С. Н. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в части, касающейся своевременной оплаты заказчиками обязательств по исполненным государственным и муниципальным контрактам / С. Н. Рудых // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2023. — № 2 (105). — С. 75–87.

Проблемы правоприменительной практики в сфере охраны окружающей среды Арктической зоны

Козьмовская Елизавета Александровна, студент магистратуры
Государственный университет по землеустройству (г. Москва)

В статье автор исследует основные проблемы правоприменения в сфере охраны окружающей среды Арктической зоны.
Ключевые слова: Арктическая зона РФ, арктическая среда, проблемы

Несмотря на наличие обширного законодательства, практическое применение экологических норм в Арктике сталкивается с серьезными проблемами. Выявляется разрыв между декларируемыми целями охраны природы и реальными результатами на местах.

Одной из ключевых проблем является то, что стратегические документы провозглашают высокие экологические цели, но не обеспечены действенными инструментами. Так, современные государственные программы по развитию Арктики прямо не предусматривают создания специального экологического режима или достаточных мер по защите природы [1]. В результате экологические требования остаются во многом на бумаге, а реальные проекты реализуются без надлежащего экологического сопровождения.

Далее — конфликт интересов: промышленное освоение против сохранения природы. Арктика одновременно рассматривается и как кладовая ресурсов для экономики, и как уникальная экосистема, требующая бережного отношения. На практике приоритет часто получают сырьевые мегапроекты (нефтегазовые месторождения, инфраструктура Севморпути) в ущерб природоохранным ограничениям. Активное освоение арктических территорий уже привело к снижению устойчивости экосистем: отмечается деградация тундры вокруг промышленных

зон, сокращение популяций ряда редких видов. Государственная политика находится под влиянием крупных компаний, заинтересованных в упрощении экологических процедур. Это порождает системный конфликт: выполнение планов по добыче и перевозке ресурсов часто противоречит целям сохранения природных комплексов. В правоприменении это выражается в смягчении экологических требований для «приоритетных» проектов, переносе сроков выполнения природоохранных мер и т. д. Разрешение данного противоречия требует соблюдения баланса интересов, возможно, через улучшение экологической экспертизы проектов и внедрение новейших экологически чистых технологий.

Следующая проблема заключается в эффективном применении законов, которое затруднено из-за нехватки объективной информации. В Арктике до сих пор нет сплошного мониторингового покрытия: многие отдаленные районы не охвачены регулярными наблюдениями. До недавнего времени отсутствовал даже мониторинг состояния вечной мерзлоты — ключевого фактора безопасности инфраструктуры. Только после чрезвычайной ситуации в Норильске в 2020 году начато создание государственной системы наблюдения за мерзлотой [2]. Данные о загрязнении арктических морей, миграции животных, накопленном экологическом ущербе также носят

фрагментарный характер [3]. Отсутствие системных данных приводит к тому, что оценка воздействия проектов основывается на устаревшей или неполной информации. Например, при планировании нефтегазоразработок не учитывались в полной мере изменения миграционных путей морских млекопитающих из-за потепления. Для преодоления этой проблемы требуются инвестиции в научные исследования и мониторинг — без этого правоприменение носит реактивный характер (реагирование на аварии вместо профилактики).

Что касается ограниченности контроля и надзора в удаленных регионах, то реализовать требования законов на бескрайних просторах Арктики сложно из-за географических и логистических факторов. Многочисленные нарушения остаются невыявленными или не пресекаются своевременно. Проверки Росприроднадзора проводятся эпизодически, часто постфактум. Например, экологическая катастрофа в Норильске в 2020 году (разлив >20 тыс. тонн топлива) выявила, что должного инспектирования состояния резервуаров и грунтов не было — резервуар разрушился из-за просадки фундамента на талой мерзлоте [4]. Аналогично разлитые нефтепродукты на тундровых месторождениях зачастую фиксируются со значительным опозданием, когда ущерб уже причинен. Административный ресурс региональных природоохранных органов ограничен: не хватает инспекторов, техники, средств связи. Судебный контроль также затруднен: подача исков в отношении нарушителей осложнена сбором доказательств в отдалении, привлечением экспертов и выполнением решений (например, заставить ликвидировать разлив в тундре). Решение указанной проблемы видится в развитии дистанционного контроля со спутников и усилении присутствия государства в Арктике (экоинспекции, опорные базы надзора).

Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) в Арктике осложнена рядом факторов. Во-первых, краткий вегетационный период и труднодоступность мешают провести полноценные полевые исследования: специалисты просто не успевают собрать данные о редких видах или сезонных явлениях. Во-вторых, общественные обсуждения проектов с местным населением часто носят формальный характер: добраться до отдаленных поселков трудно, а интернет-связь слабая, что ограничивает участие общин в слушаниях. В-третьих, действующее законодательство оценивает воздействие каждого проекта по

отдельности, не требуя анализа кумулятивного эффекта нескольких проектов.

Правоприменители сталкиваются с ситуацией, когда каждый проект по документам экологически приемлем, но совокупно окружающая среда деградирует. Это противоречие частично признано — стратегия экологической безопасности РФ нацеливает на использование программно-стратегической оценки для макрорегионов. Однако на практике методики стратегической экологической оценки пока не закреплены на уровне закона. В результате процедуру ОВОС в Арктике называют малоэффективной: она редко приводит к отказу в реализации проектов, скорее, ограничивается формулированием стандартных мер смягчения последствий. Решение проблемы видят в обновлении нормативной базы ОВОС: во введении требований учитывать климатические изменения, межграницевые эффекты, в обязательном учете мнения коренных народов и проведении повторной экспертизы на этапе эксплуатации проектов.

Институт юридической ответственности в арктических условиях работает недостаточно эффективно, во многом это связано со сложностью доказывания ущерба и причинно-следственных связей в экстремальной среде. Последствия нарушений могут проявляться спустя долгое время или на большой территории, что затрудняет сбор доказательств для суда. Часто ущерб экосистеме носит необратимый характер, а денежные штрафы, даже крупные, не компенсируют потери (как отмечают специалисты, выявленный ущерб лишь верхушка айсберга) [5]. Прецедентом стал иск Росприроднадзора к «Норникелю» на рекордную сумму ~148 млрд руб. за разлив в Норильске: компании был предъявлен счет за восстановление природы [6].

Все это формирует у природопользователей чувство безнаказанности. Кроме того, взысканные средства не всегда направляются на реальную ликвидацию ущерба, отсутствуют прозрачные механизмы восстановления арктических экосистем за счет виновников. Эксперты предлагают создать специальные фонды возмещения ущерба и ужесточить санкции для нарушителей в Арктике.

Таким образом, правоприменительная практика показывает ряд острых проблем — от декларативности стратегий до трудностей контроля и пробелов в ответственности. Решение выявленных противоречий — залог сохранения хрупкой арктической среды для будущих поколений при разумном использовании богатств региона.

Литература:

1. Доронина, А. К. Вопросы охраны окружающей среды Арктики в стратегических актах прибрежных арктических государств / А. К. Доронина // Российский юридический журнал. — 2016. — № 5 (110). — С. 199–209.
2. Цыкан, А. Глава Востокгосплана рассказал о задачах мониторинга вечной мерзлоты / А. Цыкан // Nangs.org. — URL: <https://nangs.org/news/ecology/glava-vostokgospiana-rasskazal-o-zadachakh-monitoringa-vechnoj-merzloty> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Папков, С. С. Правовая охрана вод при морской добыче нефти в полярных условиях (опыт Норвегии и России) / Папков С. С. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2024. — Т. 20, № 3. — С. 90–102.

4. Зайнуллин, Е. «Норникелю» отлился разлив / Е. Зайнуллин // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4680924> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Боголюбов, С. А. Право и спасение природы российской Арктики / С. А. Боголюбов, И. О. Краснова // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 6 (91). — С. 178–190.
6. Бурмистрова, С. Росприроднадзор обосновал оценку ущерба при разливе топлива / С. Бурмистрова // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/business/02/10/2020/5f748a779a79478068822a48> (дата обращения: 01.12.2025).

Актуальные проблемы взаимодействия органов прокуратуры с гражданами

Колокольников Марк Всеволодович, студент магистратуры

Научный руководитель Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье актуализируется специфика взаимодействия прокуратуры с гражданами. Выявлено, что наиболее часто нарушения прав граждан встречаются в экологической и избирательной сфере, о чем свидетельствуют и поступающие жалобы и обращения от населения. Как следствие, это является основанием для инициирования проверки субъектов на предмет соблюдения ими норм действующего законодательства. По результатам такой проверки прокурор обращается в суд в интересах неопределенного круга лиц, если допущенные нарушения действительно выявлены. Вместе с тем, имеется необходимость в совершенствовании как выявления таких нарушений, так и защиты прав граждан, в том числе посредством расширения полномочий прокурора. В данной связи в рамках статьи предложены и перспективы совершенствования правового регулирования и практической деятельности органов прокуратуры в данной сфере. Результаты, полученные в рамках настоящей научной статьи, имеют теоретическую и практическую ценность.

Ключевые слова: прокурор, взаимодействие, прокурорский надзор.

Актуальный курс государственной политики направлен на повышение прозрачности деятельности органов власти, доступности обращений к ним со стороны населения, сотрудничество государственных структур с гражданами. В частности, это особенно явно можно проследить на примере взаимодействия органов прокуратуры с гражданами.

Так, прокуратура наделена рядом полномочий, связанных с защитой прав граждан (например, обращение в суд с иском в интересах неограниченного круга лиц, проведение антикоррупционной проверки после поступления жалобы гражданина и др.). В свою очередь, население имеет право обращаться в органы прокуратуры за защитой своих прав, что достаточно актуально в связи с большим количеством различных нарушений (например, избирательных прав, прав на благоприятную окружающую среду, прав в уголовном процессе и др.). Как следствие, переоценить значение корреспондирующих прав (граждан) и обязанностей, полномочий (прокурора) в данной направлении весьма сложно.

Вместе с тем, правовое регулирование нельзя признать совершенным, а именно в полной мере регламентирующими формы и порядок взаимодействия органов прокуратуры с гражданами по отдельным направлениям. В отдельных положениях нормативных правовых актов имеются правовые пробелы, которые препятствуют эффективной защите прав граждан со стороны сотрудников прокуратуры.

Сегодня данная форма защиты прав граждан считается одним из приоритетных направлений в надзорной

деятельности прокуратуры. Именно в целях обеспечения ее осуществления и предоставления гражданам дополнительных гарантий защищенности их прав и законных интересов прокурор был наделен правом инициировать гражданское дело от имени неопределенного круга лиц в установленных законом случаях.

Зачастую экологическими правонарушениями нарушаются именно права неопределенного круга лиц [1, с. 45]. В данной связи особый интерес вызывает вопрос о защите таких прав прокурором [6, с. 26].

Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Зачастую именно жалоба гражданина является основанием для инициирования проверки. Если в ходе такой проверки выявлены нарушения, то прокурор вступает в процесс для защиты прав гражданина (если не удалось урегулировать вопрос во внесудебном порядке). Например, гражданин обратился в прокуратуру с заявлением о защите трудовых прав. Прокурор ссылается на наличие у ответчика задолженности по заработной плате, а в суде были заявлены требования прокурором о взыскании задолженности по заработной плате и о взыскании компенсации морального вреда [5].

Прокурор может и самостоятельно инициировать проверку, в ходе которой выявляются нарушения. В одном из примеров прокуратурой проведена проверка исполнения федерального законодательства о безопасности движения

и защиты прав граждан, в том числе маломобильных групп населения, при обеспечении доступа к пешеходному мосту через железнодорожные пути, выявлены нарушения [3].

В другом примере прокуратурой проведена проверка исполнения действующего законодательства о социальной защите прав граждан пожилого возраста и инвалидов, в ходе которой установлено, что был заключен договор о предоставлении социальных услуг, согласно которому размер ежемесячной платы не может превышать семидесяти пяти процентов среднедушевого дохода. С лица ежемесячно удерживались денежные средства, предоставляемые ему в качестве ежемесячной денежной выплаты, что не соответствует переходным положениям законодательства [4].

В еще одном примере в результате проведенной прокуратурой проверки выявлено несоответствие сооружения гражданской обороны (убежища), расположенного в подвале нежилого здания, требованиям правил эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны, что нарушает права граждан на безопасность в случае чрезвычайной ситуации [2].

Прокурор наделен и полномочиями в рамках обращения в суд, например, за защитой избирательных прав и права на участие в референдуме граждан. При этом на сегодняшний день вполне оправданным представляется внесение изменений в действующее законодательство в части закрепления избирательных комиссий, как объектов прокурорского надзора за соблюдением избира-

тельных прав и свобод человека и гражданина, поскольку на практике именно в данном аспекте достаточно много нарушений.

Таким образом, граждане имеют право обращаться в прокуратуру с жалобами, заявлениями и просьбами о защите своих прав и законных интересов. Для этого предусмотрены различные формы обращения, включая личный прием, письменные обращения и электронные заявления через официальные сайты прокуратуры.

Обращение граждан с определенной жалобой ложится в основу при инициировании прокурорского надзора, что можно продемонстрировать на примере прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Взаимодействие органов прокуратуры с гражданами реализуется на сегодняшний день в различных формах. Однако анализ практики правоприменения свидетельствует о том, что такое взаимодействие нельзя признать в полной мере эффективным, что связано с недостатками (пробелами) в правовом регулировании. Так, например, на сегодняшний день избирательные комиссии на законодательном уровне не указаны прямо в качестве объекта прокурорского надзора, что препятствует более эффективной защите прав граждан. Как следствие, предлагаем дополнить абз. 2 ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [7] указанием на то, что избирательные комиссии выступают в качестве объекта прокурорского надзора.

Литература:

1. Дмитрикова Д. А. Особенности защиты прокурором экологических прав неопределенного круга лиц в гражданском процессе / Д. А. Дмитрикова, А. Д. Никитина // Альманах молодого исследователя. — 2023. — № 14. — С. 44–47.
2. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2023 № 88–24072/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2024 № 88–8563/2024 (УИД 77RS0002–02–2023–000803–86) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2023 № 88–4768/2023, 2–5133/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2023 № 88–2972/2023 по делу № 2–740/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Сытник А. Н. Понятие неопределенного круга лиц, в защиту прав и законных интересов которого обращается прокурор в сфере экологии в гражданском судопроизводстве / А. Н. Сытник // Перспективы развития науки в современном мире: Сборник статей. Уфа, 2019. — С. 25–30.
7. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

История становления процессуального статуса прокурора

Королева Маргарита Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Аверченко Александр Критэрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Институт прокуратуры появился в России в эпоху Петра I и прошел долгий путь развития. Процессуальный статус прокурора формировался в течение нескольких периодов (дореволюционного, советского, постсоветского), фигура прокурора приобретала новые функции и полномочия.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, процессуальный статус прокурора, функции и полномочия прокурора.

История становления процессуального статуса прокурора в нашей стране уникальна. Ее отличительная черта — непрерывное совершенствование института прокурорской деятельности в системе ветвей государственной власти. Хронологически в его развитии можно выделить три периода: дореволюционный (1722–1917), советский (1917–1991), постсоветский (с 1991 г. по настоящее время).

Дореволюционный период развития института прокуратуры в России связан с деятельностью Петра I: 27 апреля 1722 года был издан указ «О должности генерал-прокурора», который закреплял должностной статус прокуроров в надворных судах и Святейшем Синоде, в провинциях, в армии и на флоте; этим же указом были введены должности генерал-прокурора и обер-прокурора при Сенате. В документе были прописаны полномочия и обязанности генерал-прокурора по надзору и руководству органами, которые подчинялись прокуратуре; таким образом, данный указ утвердил статус прокуратуры как надзорного органа, и в тот период одним из важнейших направлений ее деятельности был именно контроль за соблюдением законов.

Губернские прокуроры осуществляли надзор за функционированием государственных институтов на местах. В их компетенцию входили рассмотрение гражданских и уголовных дел, проверка законности судебных решений и постановлений, а также подача протестов в случае неправомерных судебных решений.

В эпоху Петра I прокуратура осуществляла функцию общего надзора и гарантировала защиту гражданских прав, закрепленных законом. Поддержание обвинения в судебном разбирательстве не входило в ее компетенцию, поскольку в тот исторический период состязательный процесс отсутствовал.

В. А. Любушкин отмечает: осуществляя надзор «за законностью в работе иных органов государства, прокуроры выполняли наблюдение за защитой государственной казны... надзор по делам арестованных, за местами содержания осужденных. Прокуроры наделялись правом вносить протест на неправовые решения государственных органов» [6, с. 26]. Подготовка предложений по выявлению иных нарушений закона также входила в компетенцию прокурора. Следовательно, прокуратура формировалась как надзорный государственный орган в соответствии с принципом единой централизованной системы.

После смерти Петра I прокуратура была временно упразднена, а затем восстановлена, и в 1733 году Анна Иоанновна подписала указ «О должности губернского прокурора», благодаря чему полномочия этих представителей власти расширились. В случае, если местные органы власти и суды не соблюдали требования закона, губернский прокурор мог вынести протест, уведомив генерал-прокурора: поддержание протеста с его стороны влекло за собой приостановку принятого ранее решения.

При Елизавете Петровне прокурорская система была укреплена, а принципы ее деятельности оставались прежними. Однако уже вскоре перечень полномочий прокуроров изменился. К примеру, главной задачей, которую возлагала на генерал-прокурора Екатерина II, было осуществление надзора за сенатской канцелярией. Кроме того, он занимался вопросами кодификации законодательства, формированием бюджета, регулированием торговли и проведением русификации в пограничных районах.

Губернская реформа 1775 г., в подготовке которой участвовал и генерал-прокурор, стала важнейшим этапом в развитии института прокуратуры. Смысл данной реформы заключался в разделении полномочий административных и судебных органов власти, чтобы каждый из них выполнял свою функцию. Деятельности прокуратуры была посвящена специальная глава документа под названием «Учреждения для управления губернией Всероссийской империи», согласно которому прокурору поручалось осуществление различных видов надзора: общего, судебного, а также за местами лишения свободы. Провинциальная прокуратура была упразднена; вместо этого назначались губернские и уездные помощники прокурора.

Принятие данного законодательного акта повлекло изменения в деятельности прокуроров, а также способствовало увеличению их количества на местах. В. В. Непорада отмечает, что «в ряды прокуроров влились стряпчие, которые выполняли функции «государственной адвокатуры» [10, с. 245]. Полномочия губернских прокуроров и губернских стряпчих заключались в надзоре за порядком делопроизводства в губернских учреждениях, охране государственных властных структур и их интересов, включая борьбу со взяточничеством.

Н. П. Кирилова отмечает, что «губернские прокуроры обладали преимущественным правом толкования за-

кона. Специальное заключение прокурора требовалось для решения вопроса о подсудности по частным делам, связанным с казенным интересом. Губернский прокурор должен был уведомлять о нарушениях закона как местную администрацию, так и генерал-прокурора» [8, с. 17].

Надзор за местами лишения свободы исполнял губернский прокурор. В его полномочия входило совместное посещение тюрем с прокурорами, находившимися у него в подчинении. Информацию губернскому прокурору предоставляли уездные стряпчие. Они могли выступать в судебных заседаниях в качестве защитников и ходатаев. Для подачи жалоб и предъявления исков к уездным учреждениям стряпчemu необходимо было согласие губернского прокурора. В полномочия стряпчего также входили контроль за сбором судебных штрафов с граждан, контроль за деятельностью судов в уезде.

Итак, при Екатерине II был закреплен прокурорский надзор за деятельностью мест заключения и судов, произошло укрепление централизованной государственной власти.

Александром I 8 сентября 1802 года был подписан манифест «Об учреждении министерств», в котором были обозначены восемь министерств: иностранных и внутренних дел, морских и военных сухопутных сил, народного просвещения, финансов, коммерции, а также юстиции. Соответственно данному документу прокуратура входила в состав Министерства юстиции, а министр юстиции и генерал-прокурор могли быть одним лицом. Также в период правления Александра II Государственным советом в 1862 г. были приняты «Основные положения о прокуратуре».

А. Р. Сафина отмечает: «В данных положениях четко определялись задачи и полномочия прокуроров, назначение прокуратуры — наблюдение за точным и единообразным исполнением законов, а также сформулированы принципы организации и деятельности прокуратуры: единство и строгая централизация органов прокуратуры; осуществление прокурорами полномочий от имени всех органов прокуратуры; осуществление «верхового» надзора генерал-прокурором (он же являлся министром юстиции); независимость прокуроров от «местных влияний», которая обеспечивалась порядком их назначения и освобождения от должности: генерал-прокурор и губернские прокуроры назначались Императором, а ныне существующие прокуроры — генерал-прокурором» [7, с. 70].

Изменения в результате судебной реформы, проведенной в 1864 г., коснулись не только деятельности судов, но также прокуратуры и следственного аппарата. Серьезную роль сыграло преобразование прокуратуры: ее надзорная деятельность сменилась обвинительной. Чертой процессуального статуса прокуроров была независимость, в том числе когда дело касалось составления обвинительного заключения и поддержания обвинения в суде. Если прокурор участвовал в дознании и следствии, то подчинялся министру юстиции. Функция общего надзора, осуществляемого прокуратурой, была упразднена еще в дореформенный период.

Революция 1905 г., состоявшаяся в период правления Александра III, сыграла решающую роль в преобразовании прокуратуры в карательный орган. Изменения коснулись прокурорской политики в целом; в деятельность прокуратуры в этот период также входило рассмотрение дел, связанных с революционным террором.

В. С. Павлов подчеркивает, что «карательным органом прокуратура продолжала оставаться вплоть до 1917 года, пока не была ликвидирована вместе с рухнувшим самодержавием» [9, с. 162].

Советский период начался Октябрьской революцией 1917 г. и закончился в 1991 г. Уже в первые годы советской власти был запущен процесс реформации российской судебной системы: 24 ноября 1917 г. был принят Декрет «О суде» № 1, в котором говорилось об упразднении прокуратуры.

Е. Ю. Гагина подчеркивает: «Данным Декретом было осуществлено упразднение раннее созданных судов, институтов судебных следователей, прокурорского надзора, а также суда присяжных заседателей и частной адвокатской деятельности. Функции ранее перечисленных инстанций взяли на себя принципиально новые органы власти — народные суды и революционные трибуналы, а также следственные комиссии» [5, с. 68].

В 1920 г. на смену Народному комиссариату государственного контроля и его местным органам был учрежден Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), который надеялся на надзорно-контрольными функциями. Его задачами являлись осуществление надзора за законностью в управлении, проведение проверок всех органов советской власти, обеспечение эффективности советского правительства. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) осуществляла надзор до 1922 г., а затем была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ), которое также отвечало за охрану государственных границ и выполняло специальные поручения Президиума ВЦИК и СНК. В функционал революционных трибуналов входил надзор за соблюдением законов в местах лишения свободы.

На сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) РСФСР 28 мая 1922 г. было принято «Положение о прокурорском надзоре». С его принятием у прокуроров появилась возможность отменять незаконные распоряжения, опротестовывать их через прокурора республики в СНК или в Президиуме ВЦИК.

В «Положении о Народном комиссариате юстиции» (НКЮ) 1923 г. содержалась глава «IV отдел прокуратуры», в которой были описаны полномочия прокуроров. Нарком юстиции являлся одновременно и прокурором республики, а прокуратура была учреждена в составе НКЮ. Отдел прокуратуры наркомата осуществлял надзор за законностью действий органов власти, учреждений и лиц, учет личного состава прокурорского надзора, наблюдение за деятельностью органов следствия и дознания, за функционированием мест лишения свободы и исправительно-трудовых учреждений.

После образования СССР прокуратура РСФСР 23 ноября 1923 г. вошла в общесоюзную прокурорскую систему и стала ее основной частью. В 1933 г. была проведена централизация прокуратуры: она вышла из состава НКЮ, который относился к исполнительной ветви власти, и стала самостоятельным союзно-республиканским органом.

В декабре 1933 г. вышло «Положение о прокуратуре Союза ССР», в котором говорилось о ее самостоятельности. Таким образом, институт прокурорского надзора стал независимым, военная и транспортная прокуратура, а также территориальные органы вошли в состав единой системы прокуратуры. В 1936 г. его пополнили и следственные органы.

30 ноября 1979 г. Верховным Советом СССР был принят закон «О прокуратуре СССР», заменивший «Положение о прокурорском надзоре». В соответствии с новым законом прокуратура приобрела статус единой централизованной системы, независимой от органов местного самоуправления и осуществляющей прокурорский надзор за соблюдением прав граждан и исполнением законов, за органами дознания и предварительного следствия, за соблюдением законности при рассмотрении дел в суде. Также были определены следующие ее функции: борьба с нарушением закона об охране социалистической собственности, в том числе с преступностью.

Постсоветский период начался в 1991 году и продолжается в настоящее время. Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. была принята Концепция судебной реформы. В этом документе было отмечено, что «суд, прокуратура, органы следствия и дознания обнаруживают несостоятельность общих усилий по охране законности и правопорядка. Была обоснована необходимость преобразования прокуратуры из многофункционального института в орган, осуществляющий лишь уголовное преследование» [8, с. 30].

После обнародования данной Концепции появились публикации за и против ограничения функций прокурора. Серьезной критике подвергалась идея общего прокурорского надзора. Также было высказано мнение о необходимости наделить министерства функциями, которые ранее выполняли прокуроры.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» был принят 17 января 1992 года [2]. В действующей редакции он сохраняет за прокуратурой и общий надзор, и уголовное преследование и в настоящее время является основополагающим законодательным актом в отношении прокурорской деятельности.

Согласно действующему законодательству (ч. 1 ст. 37 УПК РФ) прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной данным кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия [1].

В судебном производстве прокурор выполняет состоятельную функцию уголовного преследования. Благо-

даря этому сторона обвинения в лице государственного обвинителя (прокурора) и сторона защиты равноправны: обе вправе заявлять отводы и ходатайства, предоставлять доказательства, участвовать в их исследовании, выступать в прениях. Поддерживая государственное обвинение, прокурор руководствуется принципами законности и обоснованности.

В досудебном производстве прокурор осуществляет надзор за соблюдением закона и уголовное преследование от имени государства. Он осуществляет надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия (судебную деятельность и деятельность защитника данный надзор не охватывает).

Перечень полномочий прокурора претерпел изменения. Так, согласно Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ прокурор лишился полномочий руководить предварительным следствием: эти полномочия сохранены за ним лишь в отношении производства дознания.

По мнению А. В. Смирнова, «функция уголовного преследования на предварительном следствии осуществляется прокурором в той части, в которой он по окончании предварительного следствия участвует в подготовке и формировании будущего государственного обвинения в суде. Эта функция проявляется себя в основном на завершающем этапе расследования — в полномочиях прокурора при рассмотрении уголовного дела, поступившего к нему от следователя с обвинительным заключением. Лишь с этого момента, но не ранее, прокурор становится ответственным за качество обвинения, которое придется поддерживать» [3, с. 70].

Надзорная функция прокурора на стадии предварительного расследования выражается в том, что он руководствуется принципами исключительно строгого и точного исполнения закона.

Функция же уголовного преследования осуществляется с использованием прокурорских полномочий, направленных на достижение максимальной эффективности и рационального обеспечения неотвратимости уголовной ответственности лиц, которые совершили преступления.

Сравнивая вышеупомянутые функции, можно сделать вывод, что надзорная функция основана лишь на принципе законности, а функция уголовного преследования также отвечает принципу целесообразности.

По мнению А. В. Безрукова, «современная прокуратура является ведущим в механизме обеспечения правопорядка правоохранительным органом, который осуществляет надзор за законностью деятельности правоохранительных органов и координацию их деятельности, включая сферу обеспечения правопорядка» [4, с. 2].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: процессуальный статус прокурора в нашей стране неоднократно изменялся в течение ряда исторических пе-

риодов. В дореволюционный период главной функцией прокурора являлся надзор, в советский — обвинение,

а в постсоветский период — и уголовное преследование, и надзор за исполнением законов.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.; одобрен Советом Федерации 18 декабр. 2001 г.: [в ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 32. — Ст. 3301.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-І-ФЗ: [ред. от 3 февраля 2025 г.] // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992 г. — № 8. — Ст. 366.
3. Смирнов, А. В. Уголовный процесс: авторский курс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — Москва: Эксмо, 2022. — 368 с.
4. Безруков, А. В. Конституционно-правовые основы обеспечения правопорядка органами прокуратуры в России / А. В. Безруков // Российская юстиция. — 2016. — № 1. — С. 2–4.
5. Гагина, Е. Ю. История развития процессуального статуса прокурора в отечественном уголовном судопроизводстве / Е. Ю. Гагина // Вестник магистратуры. — 2022. — № 6–3 (129). — С. 311–314.
6. Любушкин, В. А. История становления Российской прокуратуры / В. А. Любушкин, М. А. Зотов // Контентус. — 2017. — № 11 (64). — С. 24–31.
7. Сафина, А. Р. История становления прокуратуры в России / А. Р. Сафина // Вестник науки и образования. — 2017. — № 12 (36).
8. Кириллова, Н. П. Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов / Н. П. Кириллова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 350 с.
9. Павлов, В. С. Общенадзорная функция российской прокуратуры в период самодержавия (1722–1917) / В. С. Павлов // Символ науки. — 2015. — № 3. — С. 160–163.
10. Непорада, Н. В. Правовой статус прокуратуры Российской империи согласно губернской реформе 1775 года / Н. В. Непорада // Приоритетные научные направления: от теории к практике. — 2016. — № 28. — С. 242–246.

Налогообложение криптовалюты в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия

Котова Ольга Петровна, студент

Научный руководитель: Коротаева Ольга Анатольевна, старший преподаватель
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье проводится сравнительно-правовой анализ подходов к налогообложению операций с криптовалютой в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Автор исследует вопросы правовой квалификации криптовалюты, определения налоговой базы, порядка декларирования доходов и применения налоговых ставок. Особое внимание уделяется сравнительному анализу подходов к классификации криптоактивов для целей налогообложения: в России криптовалюта признается имуществом, в то время как в Германии она рассматривается как частные деньги или иное финансовое средство. В статье выявляются сходства и различия в налоговых режимах двух стран, оценивается их эффективность и соответствие вызовам цифровой экономики. На основе проведенного анализа формулируются рекомендации по возможному заимствованию положительного опыта Германии для совершенствования российского налогового законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, криптовалюта, налогообложение, НДФЛ, налог на прибыль, сравнительное налоговое право, Германия, Россия.

Стремительное развитие технологии блокчейн и распространение криптоактивов поставили перед государствами сложную задачу по интеграции этого нового феномена в национальные правовые системы, включая налоговые. Отсутствие единообразного подхода к пра-

вой природе криптовалюты обусловило значительные различия в ее налогообложении в разных юрисдикциях. Российская Федерация и Федеративная Республика Германия представляют два различных, но в равной степени интересных подхода к решению этой проблемы. Срав-

нительный анализ этих моделей позволяет выявить их сильные и слабые стороны, а также определить тенденции развития налогового регулирования в условиях цифровизации экономики.

В России правовой статус криптовалюты был определен с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Согласно статье 1 данного закона, цифровая валюта признается имуществом в целях налогообложения. Данная квалификация имеет принципиальное значение, так как определяет применение к операциям с криптовалютой общих норм о налогообложении операций с имуществом.

В Германии криптовалюта не имеет специального законодательного определения в налоговом праве. Федеральное министерство финансов Германии в своем заключении от 2018 года квалифицировало криптовалюты как частные деньги или иные финансовые инструменты для целей налогообложения. Этот подход позволяет применять к ним существующие налоговые правила, разработанные для аналогичных финансовых активов, и учитывать их специфику.

Для физических лиц-налоговых резидентов РФ доходы от операций с криптовалютой подлежат обложению Налогом на доходы физических лиц (НДФЛ) по ставке от 13 % до 22 % (п. 7 ст. 214.10 Налогового кодекса РФ). Налогооблагаемой базой является положительная разница между доходом от продажи криптовалюты и расходами на ее приобретение. При этом действуют следующие ключевые правила:

– Обязанность по декларированию: налогоплательщик обязан самостоятельно задекларировать доход и уплатить налог, подав налоговую декларацию по форме 3-ндфл.

– Отсутствие необлагаемого минимума: в отличие от некоторых других видов имущества, для продажи криптовалюты не установлен минимальный срок владения, освобождающий от налога.

В Германии доходы от продажи криптовалюты подлежат обложению подоходным налогом, который прогрессирует и может достигать 45 % (вместе с налогом со-дидарности). Однако здесь действует фундаментально иное правило — льгота по срокам владения:

– Если криптовалюта находилась в собственности налогоплательщика более одного года, доход от ее продажи полностью освобождается от налогообложения.

– Если срок владения составил менее одного года, то доход подлежит налогообложению в полном объеме.

Данная льгота стимулирует долгосрочное инвестирование и значительно упрощает налоговое администрирование для рядовых инвесторов.

Для российских юридических лиц доходы от операций с криптовалютой признаются внереализационными доходами и облагаются налогом на прибыль по стандартной ставке 25 %. Расходы на приобретение криптовалюты могут быть учтены в уменьшение налоговой базы.

Немецкие компании включают доходы от операций с криптовалютой в базу по корпоративному налогу (ставка 15 %) и торговому налогу (средняя ставка около 14–17 %). Льгота по сроку владения для физических лиц на юридические лица не распространяется.

Майнинг признается экономической деятельностью. Доходы майнера, полученные в виде вновь созданной криптовалюты, оцениваются по рыночной стоимости на дату их получения и подлежат налогообложению в качестве внереализационного дохода (для юрлиц) или дохода от предпринимательской деятельности (для ИП и физлиц).

Немецкие налоговые органы также рассматривают майнинг как предпринимательскую деятельность. Однако если майнинг не носит систематического характера и не направлен на извлечение прибыли как основной цели, он может быть квалифицирован как любительский, и тогда полученная криптовалюта не облагается налогом до момента ее продажи.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ выявил два принципиально разных подхода к налогообложению криптовалюты.

– Российская модель характеризуется более формализованным, но и более обременительным подходом, при котором практически любая операция по продаже криптовалюты физическим лицом, независимо от срока владения, ведет к возникновению налогового обязательства. Это создает высокую административную нагрузку на налогоплательщиков и налоговые органы.

– Немецкая модель, напротив, демонстрирует гибкость и ориентированность на стимулирование долгосрочных инвестиций. Льгота в виде освобождения от налога после одного года владения является мощным стимулом для легализации операций и снижает объем отчетности.

Для совершенствования российского законодательства представляется целесообразным рассмотреть возможность введения налоговой льготы по сроку владения по аналогии с германской моделью. Это могло бы способствовать легализации рынка, уменьшению теневого оборота и снижению административных издержек для всех участников правоотношений. Дальнейшая гармонизация подходов на международном уровне остается одной из наиболее актуальных задач в области налогового права в эпоху цифровой трансформации.

Литература:

1. Иванов А. А. Налогообложение цифровых финансовых активов: первые шаги // Финансовое право. — 2021. — № 5. — С. 45–50.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция) – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/
4. Einkommensteuergesetz (EStG) — Закон о подоходном налоге Германии. — Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/estg/BJNR010050934.html>
5. Körperschaftsteuergesetz (KStG) — Закон о корпоративном налоге Германии. — Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/kstg_1977/
6. Müller, R. Besteuerung von Kryptowährungen in Deutschland und der EU // Deutsches Steuerrecht. — 2020. — № 18. — S. 945–952.
7. Schreiben des Bundesministeriums der Finanzen (BMF) vom 19.02.2018 — Разъяснение Федерального министерства финансов Германии от 19.02.2018. — Режим доступа: https://www.vab.de/wp-content/uploads/2019/06/schr_BMF_240519.pdf

Оспаривание сделок должника как инструмент или оружие: как отличить добросовестность от злоупотребления правом

Котова Евгения Сергеевна, студент магистратуры

Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматривается проблема злоупотребления процессуальными правами при оспаривании сделок должника в рамках процедуры банкротства, а также анализируются последствия таких действий для участников процесса несостоятельности (банкротства). Особое внимание уделяется правовым аспектам, которые способствуют возникновению злоупотреблений, и предлагаются меры по их предотвращению.

Ключевые слова: злоупотребление правом, оспаривание сделок, банкротство, должник, кредиторы, арбитражный управляющий.

Процедура несостоятельности (банкротства) представляет собой сложный и многогранный процесс, затрагивающий интересы широкого круга лиц, включая должника, кредиторов, арбитражного управляющего и иных участников. Одним из ключевых аспектов данного процесса является оспаривание сделок, направленных на вывод активов или ограничение прав кредиторов. Однако в практике арбитражный судов нередко фиксируются случаи злоупотребления правом при оспаривании таких сделок.

Цель исследования — выявить основные формы злоупотреблений при оспаривании сделок должника и предложить механизмы противодействия им.

Злоупотребление правом представляет собой феномен, который может быть проанализирован через призму его взаимосвязи с концепцией ограничений субъективного гражданского права. В рамках данного анализа злоупотребление правом определяется как границы осуществления субъективного гражданского права, т. е. пределы допустимой свободы действий субъекта гражданского права, позволяющие ему выбирать оптимальные варианты реализации своих полномочий в рамках содержания данного права с целью удовлетворения своего частноправового интереса с учетом социальных и правовых ограничительных факторов.

Можно рассматривать злоупотребление правом как специфическую грань, за которой осуществление субъ-

ективного гражданского права утрачивает легитимность и начинает противоречить общественным интересам и правопорядку. Данное явление требует тщательного и правового анализа и регулирования, поскольку его игнорирование может иметь серьезные негативные последствия для стабильности и эффективности функционирования правовой системы в целом.

Концепция злоупотребления субъективными гражданскими правами в контексте пределов их реализации соответствует устоявшимся положениям доктрины субъективного гражданского права. В рамках данной парадигмы субъективное гражданское право выполняет функцию инструмента правового регулирования, направленного на обеспечение предсказуемого и легитимного поведения субъектов правоотношений. Реализация частного интереса правообладателя осуществляется посредством предоставления ему определенного набора поведенческих возможностей, которые, в свою очередь, ограничены правовыми нормами [8, С. 161–181].

Согласно данным, полученным из статистического бюллетеня Федресурса по банкротству, за прошлый 2024 год арбитражными судами принято 26 226 заявлений о признании сделок должника недействительными, рассмотрено — 22 595. Количество удовлетворенных заявлений о признании сделок должника недействительными — 9 784, то есть почти половина из оспариваемых

сделок признаются недействительными. В 2025 году суды подтверждают, что сделки, совершенные за три года до открытия дела, могут быть оспорены при наличии признаков недобросовестности.

В настоящее время одной из наиболее эффективных и действенных мер по защите прав кредиторов в рамках процедуры банкротства является оспаривание сделок должника, включая сделки в отношении его наследников и других случаев универсального правопреемства, с целью возврата денежных средств и иного имущества в конкурсную массу.

Согласно статье 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», могут быть оспорены как сделки и действия самого должника, так и сделки, и действия третьих лиц, совершенные за счет должника [3].

Рассмотрим виды злоупотреблений при оспаривании сделок должника:

1) Искусственное создание оснований для оспаривания сделок. Некоторые кредиторы или арбитражные управляющие могут стремиться оспорить сделки, формально не подпадающие под критерии недействительности, но обладающие признаками мнимости или подозрительности. Это может быть обусловлено желанием получить контроль над имуществом должника либо окказать давление на других участников процесса;

2) Злоупотребление процессуальными правами. К данной категории относятся действия, связанные с подачей заявления об оспаривании сделки с нарушением установленных законодательством сроков или процедур. Такие действия могут затруднить защиту прав должника и других кредиторов, а также способствовать затягиванию процедуры банкротства;

3) Использование формальных оснований для оспаривания сделок. В ряде случаев кредиторы или арбитражные управляющие могут злоупотреблять формальными недостатками в оформлении документов или процедурных нарушениях, что позволяет им оспорить сделки, фактически не нарушающие права кредиторов;

4) Оспаривание сделок с целью перераспределения активов. Данная форма злоупотреблений включает действия, направленные на перераспределение имущества должника в пользу определенных кредиторов. Это может быть достигнуто посредством оспаривания сделок с предпочтительными кредиторами либо сделок, направленных на вывод активов из конкурсной массы;

5) Злоупотребление правом на получение информации. Некоторые участники процесса могут злоупотреблять своим правом на доступ к информации о сделках должника, запрашивая документы, не имеющие отношения к делу, либо используя полученную информацию в целях, не соответствующих задачам защиты прав кредиторов.

Согласно пункту 4 Постановления Пленума ВС РФ, даже при наличии специальных оснований для признания сделок недействительными в рамках банкротства, суд не лишен права квалифицировать сделку как ничтожную,

если она совершена со злоупотреблением права [2]. Однако, как пояснил Президиум ВАС РФ в Постановлении от 17 июня 2014 г. № 10044/11 [6], эти разъяснения касаются сделок с более серьезными пороками, чем те, что характерны для предпочтительных или подозрительных сделок.

Из-за этого в теории и на практике возникает конфликт между специальными основаниями для признания сделок недействительными, предусмотренными Законом о банкротстве [3], и общими гражданско-правовыми основаниями, закрепленными в статья 10 и 168 Гражданского кодекса РФ [2].

Для того, чтобы суд признал действия лиц злоупотреблением правом, необходимо доказать, что единственной целью этих действий было нанесение ущерба имущественным правам кредиторов (то есть, отсутствовали любые другие законные намерения). Такое злоупотребление должно быть явным и не основанным на догадках. Можно отметить, что связь между противоправной целью и недействительностью сделки должна быть очевидной и легко прослеживаться в поведении сторон.

Сделка признается недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о несостоятельности (банкротстве), если ее единственной и неизбежной целью является причинение вреда имущественным правам кредиторов, и стороны осознанно стремились к такому результату.

Для иллюстрации: должник, испытывающий финансовые трудности может преследовать двойную цель: освободиться от долгов (что является законным намерением) и одновременно сохранить свое благосостояние, создав скрытый финансовый резерв из ликвидного имущества. Сделки в таком случае служат инструментом для формирования этого резерва. Даже если контрагент по сделке формально не связан с должником, действует в расчете на будущую выгоду и предлагает равносенное встречное исполнение, такая сделка будет оспорена. Это связано с тем, что вывод активов из конкурсной массы напрямую уменьшает возможности кредиторов по взысканию долгов, что является вредом для их имущественных прав. В этой ситуации не всегда очевидно, что целью сделки было именно причинение вреда имущественным правам кредиторов. Часто такие сделки совершаются с целью уберечь имущество от взыскания, что в условиях банкротства является незаконным.

Так, например, Постановлением Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда (далее — 15 АСС) от 3 апреля 2023 г по делу № А53-7214/2021 [5], в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) В Арбитражный суд Ростовской области обратился финансовый управляющий имуществом должника с заявлением о признании недействительным договора дарения автомобиля 23.06.2020 года, заключенного между лицами, и применении последствий недействительности сделки в виде взыскания в конкурсную массу должника действительной стоимости транспортного средства. Но определением Арбитражного суда Ростовской области в удовлетворении

заявления было отказано. Ввиду того, что такая сделка была совершена в течении трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления и в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов и если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки (подозрительная сделка).

Предполагается, что другая сторона знала об этом, если она признана заинтересованным лицом либо если она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника, либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

Цель признания вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал или в результате совершения сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица, либо направлена на выплату (выдел) доли (пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с выходом из состава учредителей (участников) должника, либо совершена при наличии определенных условий. Договор дарения носит безвозмездный характер, поскольку предмет этой сделки не предполагает какого-либо встречного исполнения со стороны одаряемого. Обязательство дарителя по передаче имущества одаряемому не предусматривает встречного исполнения [4].

Согласно пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, для оспаривания сделки должника достаточно дока-

зать наличие умысла причинить вред кредиторам. Этот умысел является ключевым элементом, который необходимо доказать; его отсутствие приведет к отказу в удовлетворении иска.

Таким образом, для эффективного противодействия злоупотреблениям при оспаривании сделок должника необходимо принять комплексные меры, включающие: совершенствование законодательства — уточнение критериев оспаривания сделок, установление четких сроков и процедур, а также введение строгих санкций за злоупотреблением права; повышение квалификации арбитражных управляющих — обеспечение высокого уровня профессиональной подготовки, что позволит им своевременно выявлять и предотвращать случаи злоупотреблений; развитие судебной статистики — активное выявление и пресечение злоупотреблений, а также формирование четких критериев оценки действий участников процесса; совершенствование взаимодействия участников процесса — обеспечение эффективного сотрудничества между кредиторами, арбитражными управляющими, а также иными участниками процедуры банкротства.

Злоупотребления правом при оспаривании сделок должника представляют собой серьезную проблему, которая может существенно исказить справедливый баланс интересов участников процедуры несостоятельности (банкротства). Институт оспаривания сделок — острый инструмент, требующийзвешенного подхода. Злоупотребление им подрывает саму цель банкротства и превращает процедуру в инструмент рейдерства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изм. одобр. в ходе российского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.1994 № 51 (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301
3. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127 (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 01 июля 2022 г. 15АП-9514/2022 по делу № А53-9802/2020 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/uDRbQIy9d06W/>
5. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 апреля 2023 г. 15АП-23729/2022 по делу № А53-7214/ 2021 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/UFoXS154m3NJ/>
6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.06.2014 № 10044/11 по делу № А32-26991/2009 // Судебная практика Высших Судов РФ // <https://legalacts.ru/sud/>
7. Бычков А. И. Злоупотребление должника в деле о банкротстве и инструменты защиты прав кредитора. — М.: Инфотропик. — 2023. — 118 с.
8. Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — 2019. — № 112. — С. 161–181.
9. Коломейцева В. Ю. Теории недействительности сделок должника при банкротстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 11-2. — С. 160–163.
10. Фурсова Е. М. Оспаривание сделок в процедуре банкротства // Имущественные отношения в РФ. — 2023. — № 1. С. 71–77.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 50 (601) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 24.12.2025. Дата выхода в свет: 31.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.